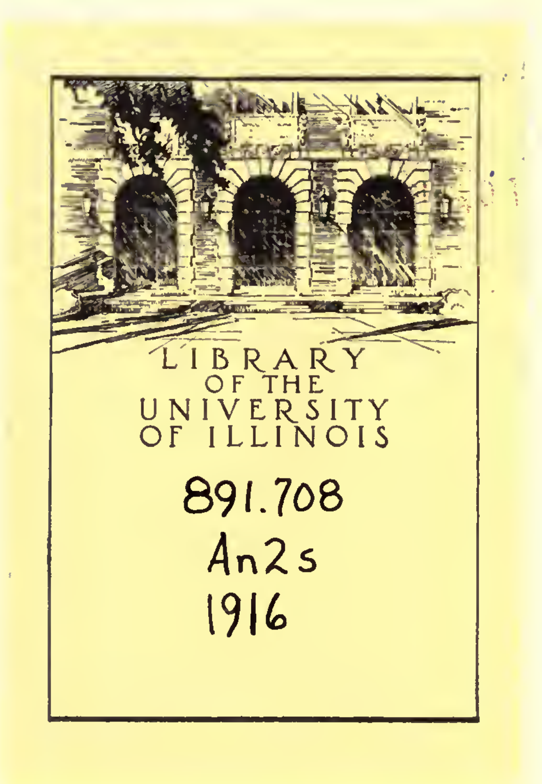

ЩИТЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. Андреева, М. Горькаго и Ѳ. Сологуба.

Изданіе 3-е, дополненное, „Русскаго Общества для изученія еврейской жизни“.

МОСКВА. — 1916.
Т-во типографіи А. И. Мамонтова, Филипповскій пер., 11.

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ.

Небеса! Если въ васъ, въ глубинѣ синевы,
Еще живъ старый Богъ на престолѣ,
И лишь мнѣ Онъ незримъ,—то молитесь
хоть вы
О моей окровавленной долѣ!
У меня больше нѣтъ ни молитвы въ груди,
Ни въ рукахъ моихъ силъ, ни надеждъ
впереди...
О, доколѣ, доколѣ, доколѣ?
Х. Бяликъ, „Надъ бойней".

Съ глубокимъ волненіемъ прочелъ я сообщеніе польской „Новой Газеты" о бесѣдѣ по еврейскому вопросу съ нѣкіимъ лицомъ „изъ сферъ", повидимому, дѣйствительно освѣдомленнымъ. Предполагается и даже намѣченъ, — такъ сообщило „лицо", — рядъ мѣръ, клонящихся къ облегченію тяжкой участи евреевъ: уничтоженіе черты осѣдлости по отношенію къ городамъ и мѣстечкамъ, упраздненіе процентной „нормы" въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, созданіе спеціальныхъ еврейскихъ училищъ, постановка дѣла еврейской эмиграціи на новыхъ, широкихъ и разумныхъ основаніяхъ. Признаюсь, я не сразу повѣрилъ въ благую вѣсть; да и тѣ, съ кѣмъ подѣлился я новостью, взволнованные не меньше меня, также отнеслись къ извѣстію съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, вполнѣ понятнымъ для русскихъ людей, которыхъ такъ рѣдко и такъ неохотно балуетъ жизнь. Но частные слухи подтверждаютъ извѣстіе, и не вѣрить долѣе — значило бы сомнѣваться въ самомъ смыслѣ нынѣшней великой „освободительной" войны, на крови русскихъ, поляковъ, евреевъ и латышей воздвигающей свѣтлый храмъ обновленной жизни. И, наконецъ, я просто душевно не могу не вѣрить, такъ какъ устала моя душа ждать и повторять вмѣстѣ съ великимъ еврейскимъ поэтомъ: „Доколѣ, доколѣ, доколѣ?"

Недавно одинъ старый, повидимому, давно охолодѣвшій и извѣрившійся журналистъ слегка посмѣялся надъ словомъ „чудо",

которое такъ часто произносится теперь: по его мнѣнію, чудесъ вообще не существуетъ. По моему мнѣнію, также чудесъ не существуетъ, если подъ словомъ „чудо“ понимать произвольное нарушеніе естественнаго, логическаго и неизбѣжнаго порядка вещей; но для меня же, смотрящаго на самое жизнь, а не на таблицу умноженій, — именно логика и является величайшимъ чудомъ. Ахъ, что бы было, если бы логика, дѣйствительно, царила надъ жизнью, если бы въ этой нашей проклятой человѣческой жизни, гдѣ столько безсмысленныхъ несчастій, слезъ и дикихъ обидъ, простѣйшее дважды два — четыре не было рѣдчайшимъ чудомъ, равнымъ претворенію воды въ прекрасное вино! Развѣ погибали бы теперь въ страшнѣйшей изъ войнъ милліоны лично ни въ чемъ неповинныхъ людей, если бы ясный силлогизмъ, а не темный и страшный алогизмъ лежалъ въ основѣ нашего сложнаго и неразгаданнаго бытія? Логика — вотъ чудо; дважды два — четыре, — вотъ то необыкновенное счастье, которое такъ рѣдко выпадаетъ на нашу долю!

И какъ назвалъ я чудомъ и обрадовался, словно чуду, отрезвленію Россіи и возрожденію Польши, — такъ и близкое разрѣшеніе „еврейскаго вопроса“, древнѣйшаго и самаго темнаго изъ алогизмовъ, мнѣ кажется чудеснымъ, вѣетъ чѣмъ-то праздничнымъ на душу, вызываетъ чувство свѣтлой и огромной радости, близкой къ благоговѣнію... И то, что для меня, какъ и для многихъ другихъ русскихъ писателей, *его это* никогда не было даже вопросомъ, отнюдь не умаляетъ чувства необыкновенности готоваго совершиться; вѣдь и простой братскій поцѣлуй представляется почти-что чудомъ и способенъ растрогать до слезъ въ ту пору, когда правиломъ жизни и высшей мудростью ея является свирѣпая братская поножовщина.

И какъ мнѣ, русскому интеллигенту, не чувствовать этой необыкновенности, когда на ряду съ разрѣшеніемъ „вопроса“ вдругъ раскрѣпощается и моя душа, выскакиваетъ изъ замкнутаго круга привычно тяжелыхъ и однообразныхъ переживаній, избавляется отъ боли, которая, сопровождая меня всю жизнь, пріобрѣла всѣ черты тѣхъ хроническихъ и неизлѣчимыхъ страданій, отъ которыхъ избавленіе только въ могилѣ. Вѣдь если для самихъ евреевъ черта осѣдлости, норма и прочее являлось роковымъ и неподвижнымъ фактомъ, искажавшимъ всю ихъ жизнь, то для меня, русскаго, она служила чѣмъ-то въ родѣ горба на спинѣ, неподвижнаго и уродливаго нароста, неизвѣстно, когда и при какихъ условіяхъ полученнаго. Но куда бы я ни шелъ и

что бы я ни дѣлалъ, горбъ тащился со мною; онъ ночью мѣшалъ мнѣ спать, а въ часы бодрствованія, на людяхъ, онъ преисполнялъ меня ощущеніемъ конфуза и стыда, какъ ходячую, хотя и безвинную кривду.

Я не хочу доказывать основательность и справедливость новыхъ мѣропріятій и ломиться въ дверь, которая для меня всегда была открыта, но вотъ объ этомъ горбѣ моемъ я позволю сказать еще нѣсколько словъ. Когда вскочилъ на мою спину „еврейскій вопросъ“? Я не знаю. Я родился съ нимъ и подъ нимъ. Но съ того перваго момента, какъ я сознательно отнесся къ жизни, и вплоть до настоящей минуты я живу въ его вредной атмосферѣ, дышу ядовитымъ воздухомъ, которымъ окружены всѣ эти „вопросы“, всѣ эти темные, мучительные, несносные для ума алогизмы.

Кому это нужно? Для кого *это* хорошо? Вѣдь если это существуетъ, поддерживается, кѣмъ-то яростно и неизмѣнно утверждается, то, вѣдь, долженъ быть опредѣленный смыслъ: очевидно, черта осѣдлости, учебная норма и прочее увеличиваютъ для человѣчества сумму радостей, поднимаютъ жизнь на высоту, расширяютъ предѣлы человѣческихъ возможностей. Такъ думалъ я, исходя отъ логики, и, отъ той же логики исходя, на всѣ означенные вопросы я могъ отвѣтить только голымъ отрицаніемъ: никому не нужно, ни для кого не хорошо; не только не увеличиваетъ сумму радостей на землѣ, но плодитъ множество совершенно ненужныхъ, безсмысленныхъ страданій, слезъ, крови, давитъ однихъ и скверно развращаетъ другихъ. И, сознавая это, видя ясно, какъ Божій день, что въ еврейскомъ „вопросѣ“ нѣтъ никакого вопроса — я, русскій интеллигентъ, счастливый представитель державнаго племени, чувствовалъ себя безсильнымъ и обреченнымъ лишь на безплоднѣйшее томленіе духа. Ибо всѣ ясные доводы моего интеллигентскаго ума, самыя горячія тирады и рѣчи, искреннѣйшія слезы сочувствія и вопли негодованія неизмѣнно разбивались о какую-то глухую и неотзывчивую стѣну. А всякое безсиліе, если оно неспособно помѣшать преступленію, становится соучастничествомъ; и вотъ получалось въ концѣ-концовъ дикое положеніе: ни въ чемъ лично не погрѣшивъ противъ брата, для всѣхъ третьихъ лицъ и для самого брата я пріобрѣталъ отталкивающее обличье Каина.

И первымъ слѣдствіемъ моего роковаго безсилія было то, что еврей *не вѣрилъ* мнѣ, а вмѣстѣ съ этимъ я лишался и собственнаго довѣрія. Сожительствуя съ евреями, какъ ихъ сограж-

данинъ, находясь съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ, личныхъ, дѣловыхъ, товарищескихъ на почвѣ совмѣстной общественной работы, я такимъ образомъ каждый день буквально лицомъ къ лицу становился передъ еврейскимъ „вопросомъ“—и каждый день съ невыносимой остротой испытывалъ всю фальшь и жалкую двусмысленность моего положенія, какъ угнетателя поневолѣ. Въ докторскомъ кабинетѣ, у себя за столомъ, въ редакціи, на улицѣ, наконецъ, даже въ тюрьмѣ, гдѣ одинаково съ евреемъ выполнялъ я общероссійскую повинность,—я всюду, вездѣ оставался привиллегированнымъ „русскимъ“, представителемъ державнаго племени, барономъ, хотя и безъ баронскаго герба. И съ ужасомъ я видѣлъ, какъ даже въ глазахъ друга-еврея мелькаетъ какая-то тѣнь... какіе-то страшные образы встаютъ за моими русскими и дружескими плечами и въ мою искреннюю рѣчь о „гражданствѣ міра“ вплетаютъ совсѣмъ неподходящіе звуки и голоса... А вѣдь онъ меня зналъ, зналъ мое отношеніе къ евреямъ,—а что же съ тѣми, которымъ извѣстно про меня только то, что я „русскій“?

Помню, какъ я однажды цѣлую ночь спорилъ съ однимъ талантливѣйшимъ писателемъ-евреемъ, моимъ случайнымъ и радостнымъ гостемъ. И я убѣждалъ его, что онъ, рѣдкій мастеръ слова, долженъ писать, а онъ упорно твердилъ, что, всей своей душой художника любя русскій языкъ, онъ не можетъ писать на немъ—на томъ языкѣ, гдѣ существуетъ слово „жидъ“. Конечно, логика была за мною, но за нимъ стояла какая-то темная *правда* (она не всегда бываетъ свѣтлою), и я чувствовалъ, что постепенно мои горячія убѣжденія начинаютъ звучать фальшью и дешевымъ пустозвонствомъ. Такъ я и не убѣдилъ его, а, прощаясь, не рѣшился его поцѣловать: сколько *неожиданныхъ* смысловъ могло оказаться въ этомъ простомъ, обыденномъ знакѣ расположенія и дружбы?

Плохо дѣло, когда даже поцѣлуй становится подозрительнымъ и можетъ имѣть „толкованія“, какъ сложный актъ сложныхъ и загадочныхъ отношеній! А такъ и было; и сколько дикихъ, кошмарныхъ недоразумѣній порождалъ ядовитый болотный туманъ въ которомъ бродили всѣ мы, друзья и враги, въ которомъ очертанія самыхъ простыхъ предметовъ и чувствъ пріобрѣтали зловѣщую искаженность фантомовъ. Не могу здѣсь не вспомнить о кошмарномъ, въ свое время нашумѣвшемъ случаѣ съ Е. Н. Чириковымъ: благороднѣйшій и пламенный защитникъ гонимаго племени, авторъ драмы „Евреи“, послужившей, какъ ни одна другая русская драма, къ разсѣянію злостнаго предразсудка,—

онъ вдругъ самымъ безсмысленнымъ образомъ, безъ тѣни какихъ бы то ни было основаній, былъ оскорбленъ обвиненіемъ въ антисемитизмѣ; и нужно было еще *доказывать*, что это — неправда. Какая тяжелая, какая со всѣхъ сторонъ позорная безсмыслица!

Кому все это нужно? Кто же этого не знаетъ? думалъ съ тоскою каждый изъ насъ, снова и снова видя передъ собою мучительную необходимость: убѣждать кого-то *невѣрующаго*, что дважды два—четыре... четыре!!

А за границей? „Какая несправедливость!"—думалъ я, когда вся эта культурная заграница, отдѣливъ отъ меня Толстого, точно я его укралъ, немедленно предъявляла мнѣ строжайшій счетъ за извѣстные всему міру „эксцессы" и недвусмысленно косилась на мой извѣчный горбъ. Но она не желала знать, что я тоже вообще противъ *этого*, для нея я былъ русскимъ, и говорила она такъ: скажите, почему у васъ, въ Россіи?...

Смѣшно теперь и дико подумать, что наше пресловутое „варварство", въ которомъ обвиняютъ насъ враги и которое нашихъ друзей дѣлаетъ столь нерѣшительными и конфузливыми, все цѣликомъ и исключительно основано на нашемъ еврейскомъ вопросѣ и его кровавыхъ эксцессахъ. Отнимите отъ Россіи эти эксцессы, оставьте даже антисемитизмъ, но въ тѣхъ внѣшне пристойныхъ формахъ, въ которыхъ его доживаютъ зады самой Европы, и мы сразу станемъ очень приличными европейцами, отнюдь не азіатами и варварами, мѣсто которыхъ—за Ураломъ. *Это—фактъ*, очевидность котораго подчеркивается каждымъ новымъ днемъ войны.

Да, конечно, мы очень отстали въ культурномъ отношеніи, крайне слабо развита наша промышленно-экономическая жизнь, не высока наша гражданственность, и во всѣхъ формахъ быта чувствуется ясно, что мы еще не совсѣмъ вылупились изъ яйца. Но мы молоды, мы еще только начинаемъ и уже сдѣлали довольно много для народа, который всего пятьдесятъ лѣтъ назадъ уничтожилъ крѣпостное право, и въ крайнемъ случаѣ справедливый европеецъ можетъ упрекнуть насъ только въ малокультурности. Но произнесите рядомъ съ „русскимъ" слово „еврей",—и я сразу становлюсь варваромъ, темнымъ и страшнымъ человѣкомъ, отъ котораго вѣетъ холодомъ и мракомъ на свѣтозарную Европу; тотчасъ же начинаютъ меня ненавидѣть въ Америкѣ, презирать въ Англіи и Франціи, съ быстротою театральныхъ превращеній изъ соотечественника Толстого я превращаюсь въ родного брата тѣхъ, которые загоняютъ гвозди въ голову, — *я варваръ*. И даже

нѣмецкій антисемитъ, существо тупое и ничтожное, смотритъ на меня свысока и предупреждаетъ Англію: смотрите, съ кѣмъ вы идете—вѣдь это тѣ самые, которые!...

Кому это выгодно, чтобы Европа презирала меня, ненавидѣла и боялась? — думалъ я въ недоумѣніи, чувствуя, какъ на европейскомъ солнцѣ безмѣрно выростаетъ мой проклятый горбъ, и словно экраномъ, закрываетъ тотъ свѣтъ, который съ „востока" и въ который вообще не прочь бы повѣрить утомленный и пожилой Западъ. Кому это нужно, чтобы я, какъ оплеванный, шатался среди культурныхъ народовъ, избѣгалъ назвать себя русскимъ и дикой роскошью „чаевыхъ", бросаемыхъ направо и налѣво, добывалъ ироническій поклонъ, столь необходимый моему непризнанному достоинству? Варваръ, варваръ!..

Война на многое открыла глаза, и въ этомъ для насъ, русскихъ, печальное счастье войны. И теперь, когда Германія клеймитъ Францію и Англію за союзъ съ „варварами-русскими, которые...", когда союзники, опираясь на нашу же стихійную силу, за кулисами своихъ громкихъ симпатій трепещутъ отъ сомнѣній и страха,—я начинаю догадываться, *кому* это было выгодно, *кому* было необходимо, чтобы въ сонмѣ европейскихъ государствъ мы остались одиноки съ нашимъ варварствомъ. То, что — несчастье для насъ, то является счастьемъ—для сосѣдки, Германіи, съ ея „испытанной" дружбой, на которую громогласно ссылался Вильгельмъ съ балкона своего дворца. Какъ варвары, мы только превосходный и незамѣнимый рынокъ для нѣмецкихъ мертвыхъ и живыхъ товаровъ, двухсотмилліонное стадо барановъ для стрижки; какъ культурный народъ—мы опасная сила для мечты о міровомъ захватѣ.

И еврейскій вопросъ съ его эксцессами и гвоздями въ голову—это тотъ козырь, который всегда хранился за обшлагомъ у честнаго германскаго сосѣда и въ нужную минуту выбрасывался на зеленый столъ. И онъ былъ правъ съ своей игрецки-германской точки зрѣнія, чуждой сантиментализма и простой честности,—но мы-то! Мы-то за что испивали эту горькую чашу! Теряя уваженіе къ себѣ, не вѣря въ свою силу, жалко развращаясь въ условіяхъ противоестественнаго существованія, насильственно уменьшая „нормой" количество своихъ образованныхъ и культурныхъ людей—вотъ, по-истинѣ, шутка самого дьявола!—мы всѣмъ народомъ старательно исполняли тотъ „Танецъ Дураковъ", который еще недавно подъ видомъ пьесы изъ русской жизни съ такимъ успѣхомъ шелъ на берлинскихъ сценахъ. Вѣдь

не нужно забывать, что горячій польскій антисемитизмъ, который теперь такъ пугаетъ насъ и такъ затрудняетъ дѣло новаго строительства, что холодный антисемитизмъ финляндскій, всей силы котораго мы еще не знаемъ, — есть лишь логическое развитіе основного абсурда, его естественные и ядовитые плоды. Но объ этомъ пока еще не время говорить.

Да простится мнѣ, что въ столь важный для еврейства часъ я упорно говорю не о немъ, не о его страданіяхъ, а о насъ. Повторяю, для меня еврейскій вопросъ никогда не былъ вопросомъ, и мнѣ нѣтъ надобности для оправданія новыхъ мѣропріятій ссылаться на геройство евреевъ въ дѣлѣ обороны Россіи, на ихъ трагическую по своей вѣрности любовь къ Россіи; доказывать же еще и еще разъ, что „еврей—тоже человѣкъ", значило бы не только слишкомъ низко кланяться абсурду, но оскорблять тѣхъ, кого любишь и уважаешь. И когда я настойчиво продолжаю говорить о себѣ и *своихъ* страданіяхъ, то это не эгоизмъ личности, даже не грубый эгоизмъ класса — это простительный эгоизмъ цѣлаго народа, который слишкомъ долго игралъ жалкую роль на подмосткахъ Европы и въ собственномъ сознаніи, который нынѣ, отрекаясь отъ страданій вчерашняго дня, въ зарѣ новыхъ дней ищетъ возможности, — о, только возможности! — уважать себя.

Да, мы еще варвары, намъ еще не вѣрятъ поляки, мы еще темный страхъ для Европы, неразгаданная угроза ея культурѣ, но мы больше не хотимъ ими быть, мы стосковались по чистотѣ и разуму, насъ безмѣрно тяготитъ наше жалкое рубище. Еврейской трагической любви къ Россіи соотвѣтствуетъ наша столь же трагическая въ своей вѣрности и нераздѣленности любовь къ *Европѣ*,—вѣдь мы сами *евреи Европы*, наша *граница — та же черта осѣдлости* нашей, своеобразное россійское Гетто. И пусть наши Пушкинъ и Достоевскій, какъ вашъ Бяликъ, доказываютъ Европѣ, что мы—тоже люди... намъ не вѣрятъ, какъ не вѣрятъ и вамъ: вотъ то равенство, въ которомъ можемъ всѣ мы почерпать горькое утѣшеніе, вотъ та кара, которою справедливая жизнь мститъ русскимъ за страданія евреевъ!

Жажда самоуваженія — вотъ то основное чувство, которое сейчасъ, въ дни страшнѣйшей войны, съ неслыханной силой охватило все русское общество, подняло народъ на небывалую красоту подвига и заставляетъ страшиться всего, что напоминаетъ печальное прошлое наше. Оттого такъ невыносима травля нѣмцевъ; мы не хотимъ никакой травли; оттого такъ ненавистно

все, что, какъ отрыжка вчерашняго пьянства, искажаетъ наши безкорыстныя намѣренія и цѣли: лучше свое уступить, чѣмъ взять чужое лишнее,—вотъ лозунгъ нынѣшняго большинства. Развѣ могла бы совершиться *трезвость*, если бы не это передпричастное чувство наше? Заслуженно гордясь побѣдами нашего славнаго воинства, какъ тщательно скрываемъ мы эту гордость, копимъ ее въ душѣ, какъ драгоцѣннѣйшее, и какъ ненавистно отсюда всякое хвастовство и величаніе! Не съ надменностью праведнаго фарисея идемъ мы къ алтарю, а съ покаянной молитвой: но яко разбойникъ исповѣдую Тя.

Надо всѣмъ понять, что конецъ еврейскихъ страданій—начало нашего самоуваженія, безъ котораго *Россіи не быть*. Пройдутъ черные дни войны, и нынѣшніе «варвары-германцы» снова станутъ культурными германцами, къ голосу которыхъ снова будетъ прислушиваться весь міръ. И необходимо, чтобы ни этотъ голосъ и никакой другой уже больше никогда не произнесъ во всеуслышаніе: «варвары русскіе».

Л. Андреевъ.

РАНЕНЫЙ.

Передъ моими глазами часто встаетъ одинъ печальный и тревожный образъ.

Это было въ Петроградѣ, на лѣстницѣ громаднаго новаго дома, гдѣ въ одной изъ квартиръ устроенъ частный лазаретъ; когда я вошелъ въ швейцарскую, чтобы пройти къ знакомому, она была полна только-что прибывшими ранеными, и у зеркальной двери толпились любопытные. Домъ этотъ новый, богатый, и лифтъ, на которомъ поднимали раненыхъ, заботливо обтянули какой-то холстиной: иначе испачкаютъ бархатъ и напустятъ насѣкомыхъ въ щели.

Наверху раненыхъ ласково встрѣчалъ у лифта какой-то священникъ и человѣкъ въ бѣломъ балахонѣ; и раненые, поцѣловавъ руку у священника, видимо, смущаясь слишкомъ яркаго свѣта и роскоши, неловко и молча входили въ открытую дверь лазарета. Тяжелыхъ, на носилкахъ, не было, всѣ шли на своихъ ногахъ; смотрѣть на нихъ было очень тяжело.

Въ одной изъ послѣднихъ партій, поднятыхъ лифтомъ, одинъ раненый солдатъ какъ-то особенно сталъ всѣмъ замѣтенъ. Это былъ молодой, худенькій, небольшаго роста, страшно блѣдный еврей, простолюдинъ; и всѣ раненые были блѣдны, но у этого блѣдность носила тотъ нѣсколько зловѣщій оттѣнокъ, какой бываетъ у людей истощенныхъ, малокровныхъ или безнадежно больныхъ. Онъ шелъ самъ, слабо перебирая ногами, и какъ и всѣ поцѣловалъ, наклонившись, руку у священника; но едва ли онъ понималъ, что дѣлаетъ, и въ этомъ поцѣлуѣ не было ни хорошаго, ни плохого. Раненъ онъ былъ, повидимому, въ руку, которую несъ оттопыривъ: часть пальцевъ была обмотана, а другіе, живые, были покрыты корою грязи и крови. Но на шинели, на спинѣ, темнѣло большое коричневое пятно крови, очень большое, въ полспины; и среди мягкой по сторонамъ матеріи оно

стояло, какъ напряженное, не сгибаясь. И въ этомъ страшномъ пятнѣ сказалась вся простая исторія боя и раны.

Но замѣтнымъ дѣлало солдата не это пятно, которое было и у другихъ, а его блѣдность, худоба и желтизна и, при блѣдности — выраженіе совсѣмъ особенной пугливости и какъ бы незнанія: такъ ли онъ поступаетъ и туда ли пришелъ. У другихъ раненыхъ, не-евреевъ, такого выраженія не было: они сутулились, но не робѣли, и въ дверь шли прямо.

И тогда мнѣ вспомнился разсказъ одного военнаго санитара, ходившаго съ поѣздомъ, что раненые евреи стараются не стонать. Этому трудно было повѣрить, и я сразу не повѣрилъ: какъ возможно, чтобы раненый, только-что подобранный, лежащій среди другихъ раненыхъ, старался не стонать, когда всѣ стонутъ? Но санитаръ подтвердилъ свой разсказъ и добавилъ: онъ боится привлекать на себя вниманіе.

Еврей-солдатъ ушелъ за другими въ лазаретъ, и дверь закрылась; но образъ его, печальный и тревожный, остался передъ моими глазами. Конечно, и онъ старался не обращать на себя вниманіе — въ этомъ разгадка его пугливости; и когда его перевяжутъ и уложатъ, онъ также будетъ стараться не стонать. Ибо гдѣ его право: стонать громко? Очень возможно, что въ Петроградѣ онъ не имѣетъ даже права жительства и допущенъ только, какъ обладатель раны; право непрочное; и то, что для другихъ родной домъ, для него нѣчто въ родѣ почетнаго плѣна: и подержатъ, подержатъ, а потомъ и выпустятъ, скажутъ — слушай, ты здѣсь быть не долженъ.

А если къ нему захочетъ пріѣхать мать или сестра или отецъ, которые также не имѣютъ права жительства, но которымъ хочется и надо поцѣловать эту кроваво-грязную руку, защищавшую какую-то Россію, руку сына — тогда какъ?

Но эти размышленія и вопросы пришли потомъ; а въ ту минуту, какъ я моими мирными глазами видѣлъ это кровавое заскорузлое пятно и эту страшную блѣдность войны и этотъ неукрощенный страхъ передъ роднымъ — мнѣ было только тяжело и печально, какъ никогда.

Л. Андреевъ.

RESPICE FINEM!

Когда я думаю о еврейскомъ вопросѣ, мнѣ часто приходитъ на память заключительныя слова извѣстнаго гекзаметра: „quidquid agas, prudenter age, et *respice finem*“. Да, всегда и во всемъ необходима мысль о *концѣ*, т.-е. о результатѣ предпринимаемаго неизбѣжномъ или наиболѣе вѣроятномъ. Къ чему могутъ привести стѣсненія, тяготѣющія надъ евреями? Было время, когда для самой постановки такого вопроса не оставляла мѣста стихійная, слѣпая ненависть къ еврейскому народу, навѣянная религіознымъ фанатизмомъ. За „врагами Христа“ не признавалось никакихъ правъ, даже права на жизнь; измѣнялась степень гнета, но его законность и справедливость стояли внѣ всякихъ сомнѣній. Всегда, притомъ, можно было прибѣгнуть къ ultima ratio—изгнанію евреевъ изъ предѣловъ государства. Ихъ было немного, и къ осуществленію этой мѣры не было непреодолимыхъ препятствій. Не разъ она была принимаема и въ Россіи, при императрицахъ Екатеринѣ I и Елизаветѣ. Положеніе дѣлъ измѣнилось радикально, послѣ того какъ раздѣлы Польши сразу увеличили число русскихъ подданныхъ-евреевъ. Теперь, когда ихъ нѣсколько милліоновъ, немыслимо не только насильственное, но и добровольное выселеніе ихъ изъ Россіи. Слишкомъ трудно такой массѣ подняться съ мѣста, слишкомъ трудно ей устроиться, хотя бы и разбившись на части, въ другой странѣ или въ другихъ странахъ. Коллективной эмиграціи евреевъ не вызвали ни много разъ возобновлявшіеся погромы, ни усиленная пропаганда сіонизма. Неисчислимы и прочны нити, связывающія съ родною землею,—а не можетъ не быть родною земля, въ которой покоятся предки и въ которую глубоко ушли корни собственнаго существованія. Разорвать эти нити безсильны удары извнѣ, безсильны призывы въ загадочную и чуждую даль. Судьбы русскихъ евреевъ неотдѣлимы отъ судебъ Россіи. Пускай ненавистникамъ еврейства

это кажется зломъ, но и съ зломъ, если оно неотвратимо, слѣдуетъ мириться, и только въ примиреніи съ нимъ можно найти средство къ его исцѣленію.

Было время, когда русско-еврейская интеллигенція, еще малочисленная, стремилась усвоить себѣ русскую образованность, и даже въ правительственныхъ сферахъ—напр., въ бытность Пирогова попечителемъ учебныхъ округовъ одесскаго и кіевскаго,—проявлялось сочувствіе этому стремленію. Что оно было осуществимо, это доказываетъ примѣръ Западной Европы. Но благопріятный моментъ былъ упущенъ, начавшееся движеніе остановилось; оттѣсняемые все дальше и дальше отъ общаго русла русской жизни, евреи стали искать другой дороги — и нашли ее въ развитіи своей особой культуры. Одновременно съ возрожденіемъ интереса къ древне-еврейскому языку, сложилась и окрѣпла богатая литература на языкѣ разговорно-еврейскомъ (такъ называемомъ жаргонѣ). Ошибочно было бы видѣть въ этомъ препятствіе на пути къ разрѣшенію еврейскаго вопроса. Въ такомъ государствѣ, какъ Россія, неизбѣжно разнообразіе національныхъ культуръ, вполнѣ совмѣстимое съ преобладаніемъ, свободно признаннымъ, той изъ нихъ, которая создана господствующимъ племенемъ. Послѣднія десятилѣтія ознаменованы поразительно быстрымъ ростомъ литературъ малорусской, бѣлорусской, литовской, латышской; нѣтъ причины, по которой не могла бы найти мѣсто, рядомъ съ ними, ново-еврейская литература. Ихъ расцвѣтъ не опасенъ для русской литературы, завоевавшей почетное мѣсто среди литературъ всемірнаго значенія и всемірной цѣнности. И чѣмъ полнѣе будетъ просторъ для всѣхъ теченій, рождающихся на русской почвѣ, тѣмъ меньше останется мѣста для враждебныхъ между ними столкновеній, тѣмъ шире станетъ область ихъ дружной работы. Если уже теперь не рѣдкость — одновременная принадлежность писателя къ литературѣ общерусской и къ литературѣ его родного языка, то тѣмъ чаще она будетъ встрѣчаться тогда, когда потеряютъ силу или исчезнутъ національные предразсудки. И столь же возможны, столь же вѣроятны однородныя явленія въ другихъ областяхъ творчества и жизни. Изъ среды евреевъ вышелъ такой превосходный *русскій* судебный ораторъ, какъ А. Я. Пассоверъ; сдѣлаться выдающимся профессоромъ ему помѣшалъ только поворотъ къ антисемитизму, совершившійся во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Замѣчательныхъ политическихъ ораторовъ-евреевъ мы видѣли въ первой Государственной Думѣ. Прошедшее служитъ ручательствомъ

за будущее: не умаленія, а приращенія умственныхъ богатствъ Россіи слѣдуетъ ожидать отъ паденія преградъ, замедляющихъ или затрудняющихъ поступательное движеніе русскаго еврейства. Остановить его эти преграды ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Русское еврейство растетъ количественно и качественно. Увеличиваясь въ числѣ, оно все больше и больше страдаетъ отъ тѣсноты, переходящей въ сдавленность; развиваясь умственно, оно все болѣзненнѣе чувствуетъ тягость незаслуженнаго гнета. Пока безправіе было достояніемъ громадной массы русскаго народа, усиленная его степень, выпадавшая на долю евреевъ, сознавалась ими не такъ ясно и ощущалась не такъ живо, тѣмъ болѣе что тогда въ ихъ средѣ едва работала мысль, заглушаемая вѣковою привычкой къ смиренному терпѣнію. Теперь все измѣнилось вокругъ нихъ и въ нихъ самихъ; параллельно съ общимъ подъемомъ правосознанія идетъ укрѣпленіе его въ еврействѣ, подъ руководствомъ быстро развившейся и постоянно растущей еврейской интеллигенціи. Одинаково немыслимымъ является, въ настоящую минуту, возвращеніе назадъ и продолжительное стояніе на мѣстѣ.

Современное положеніе русскаго еврейства обусловливается двумя демаркаціонными чертами: географическою „чертою осѣдлости“ и юридическою гранью, преграждающею или затрудняющею для евреевъ доступъ къ тѣмъ или другимъ занятіямъ, въ тѣ или другія профессіи. Обѣ черты приводятъ къ аналогичному результату: къ скученности—скученности въ данныхъ мѣстностяхъ, скученности въ данныхъ сферахъ дѣятельности. Аналогичны и дальнѣйшія послѣдствія: ненормальное усиленіе конкуренціи, бѣдность—часто доходящая до нищеты—громаднаго большинства, быстрое обогащеніе немногихъ, болѣзненное обостреніе однѣхъ способностей, атрофія другихъ, масса напрасно растрачиваемыхъ силъ, взаимное недовѣріе и отчужденіе. Особенно яркую иллюстрацію къ этой картинѣ даетъ исторія русской адвокатуры. Вполнѣ понятно переполненіе ея евреями, для которыхъ закрыты всѣ остальныя поприща, обычно открываемыя юридическимъ образованіемъ. На почвѣ этого переполненія выросли ограничительныя мѣры, по временамъ прямо обращающіяся въ запретительныя. Одно праволишеніе влечетъ за собою другія, еще болѣе тяжкія. Въ моментъ вступленія на юридическій факультетъ еврею предоставляется вѣрить, что у него будетъ хоть одинъ способъ приложенія пріобрѣтаемыхъ имъ знаній; по окончаніи курса онъ узнаетъ, что эта вѣра была ошибкой... Съ другой

ЕВРЕЙ.

Разсказъ.

Вышло такъ, что второй взводъ третьей роты Александровскаго полка, не выпустивъ ни одного патрона и не потерявъ ни одного человѣка, оказался отрѣзаннымъ отъ своихъ.

Какъ это произошло, и почему кучка солдатъ въ пятнадцать—двадцать человѣкъ оказалась въ роли самостоятельной боевой единицы, никто изъ нихъ сказать бы не могъ.

Сначала солдаты, въ составѣ всего Александровскаго полка, всю долгую осеннюю ночь усердно и тихо шагали по большой дорогѣ, ведущей неизвѣстно куда, въ темную сырую и чужую даль. Курить и разговаривать было запрещено, и темная масса полка во тьмѣ, ощетинившаяся штыками, походила на какое-то огромное безобразное животное, тихо ворчащее и шелестящее тысячами ногъ, сосредоточенно ползущее впередъ. Въ темнотѣ солдаты натыкались другъ на друга, злобно, въ полголоса переругивались, скользили въ грязи и по колѣна бултыхались въ глубокихъ колеяхъ, полныхъ холодной воды.

—Ну и дорожка!—зло ворчали по рядамъ.

На разсвѣтѣ полкъ остановили и разсыпали по краю широкаго картофельнаго поля, которое солдаты увидѣли первый разъ въ жизни.

Шелъ мелкій назойливый дождикъ, и низкіе горизонты, мокрые и печальные, уныло тонули въ его холодной дымкѣ.

Направо и налѣво, насколько хваталъ глазъ, уныло лежали ряды такихъ же сѣрыхъ солдатъ и офицеровъ, по вытянутымъ лицамъ которыхъ струился дождь, точно всѣ они плакали о своей судьбѣ—судьбѣ, забросившей ихъ, Богъ знаетъ куда, на это чужое, незнакомое поле, на которомъ черезъ нѣсколько часовъ, многіе изъ нихъ, быть-можетъ, лягутъ здѣсь среди полусгнившихъ картофельныхъ кучковъ, на мокрой землѣ, обративъ блѣд-

ныя мертвыя лица къ холодному небу, тому самому, которое плачетъ теперь и надъ ихъ далекой сѣрой и милой родиной.

Позади, утопая въ размокшей пахотѣ, все устанавливалась и никакъ не могла установиться какая-то батарея. Оттуда долетали простуженные, озлобленные голоса, шлепанье нагаекъ и тяжкое надрывистое храпѣнье лошадей. Впереди одиноко бродили подъ дождемъ мокрыя фигуры офицеровъ, въ насквозь промокшихъ шинеляхъ, а еще дальше, за завѣсой дождя и густого тумана, гудѣли пушки, неизвѣстно—свои или чужія. По временамъ пальба уходила вдаль и направо, и тогда гулъ орудій слышался тяжко и глухо, точно катали по землѣ чугунные шары, а иногда выстрѣлы совсѣмъ близко съ трескомъ рвали воздухъ, лопаясь какъ будто надъ самой головой.

Прямо противъ взвода стоялъ ротный командиръ и все время подъ полой закуривалъ папиросы, такъ часто, что казалось, что все время, вотъ уже часа три, онъ закуриваетъ одну и ту же папиросу и никакъ закурить не можетъ. Солдаты сосредоточенно смотрѣли ему въ спину, и почему-то всѣмъ болѣзненно хотѣлось помочь ему.

Было холодно, сыро, и подъ ложечкой сосало что-то прот и ное, ноющее, безконечное: не то, что страхъ, а какая-то безпредметная тоска, которую можно было бы выразить тремя словами:

— Хоть бы скорѣе!...

Такъ шло нѣсколько часовъ, но около полудня все страшно рѣзко измѣнилось.

Хотя небо попрежнему было сѣро, и дождь моросилъ неустанно, но стало свѣтлѣе, и облака въ одномъ мѣстѣ сдѣлались бѣлыми и яркими. За ними почувствовалось невидимое солнце, но среди этого бѣлаго холоднаго свѣта стало какъ-то остро и безпокойно, и ноющая тоска начала переходить въ нервную тревогу, которую трудно было выносить.

Совершенно неожиданно, хотя всѣ этого ждали, откуда-то проскакалъ адъютантъ на взмыленной, лохматой отъ сырости лошаденкѣ. Забѣгали офицеры, послышались рѣзкіе командные крики и рожки горнистовъ.

—Ну, братцы!...—высокимъ, сорвавшимся голосомъ произнесъ кто-то въ рядахъ, и всѣ слышали этотъ голосъ и поняли его, но никто не оглянулся.

Сѣрая масса людей вдругъ тронулась, какъ-то охнула, волнообразно изогнулась, и весь полкъ, увязая въ грязи и падая

на каждомъ шагу, покатился впередъ, на подъемъ безконечнаго поля, вдругъ ставшаго новымъ и жуткимъ.

Солдаты, съ посѣрѣвшими странными лицами, крестились на бѣгу, отставали, опережали другъ-друга и, когда ихъ остановили на гребнѣ холма, сбились и смѣшались кусками, изломанными линіями, сразу обративъ полкъ въ нестройную толпу запыхавшихся и недоумѣвающихъ людей. Нѣкоторые такъ и держали ружья на перевѣсъ, забывъ ихъ опустить.

Впереди сизѣлъ все тотъ же дождь и тянулось все то же чужое незнакомое поле, но теперь на немъ что-то копошилось, двигалось, сверкало блѣдными огоньками, разсыпаясь непрерывной ружейной трескотней.

На сѣромъ небѣ, казалось, все на одномъ и томъ же мѣстѣ, стояла какая-то черная черточка и то увеличивалась, то уменьшалась. И когда увеличивалась, то сверху чуть слышно доносилось страшное жужжаніе, и всѣ солдаты поднимали вверхъ сѣрыя, блѣдныя лица.

Потомъ сзади, тоже сверху, послышалось быстро приближающееся мощное жужжаніе, и надъ головами солдатъ, совсѣмъ низко, тяжело, какъ промокшая птица, пролетѣлъ русскій аэропланъ. Онъ быстро сталъ уменьшаться, поднимаясь все выше и выше, и солдаты видѣли, какъ уменьшалось разстояніе между нимъ и той черной черточкой, которая парила далеко въ небѣ. Въ рядахъ послышались голоса и, когда та далекая черточка быстро стала уменьшаться, точно падая къ горизонту, голоса стали громки и веселы.

— Ага, не ндравится!... Наутекъ пошелъ, братцы!... Ловко!... Молодцы!...— послышалось по рядамъ.

Солдаты ожили и на мгновеніе забыли о себѣ, о той тяжелой неизвѣстной судьбѣ, которая ожидала ихъ самихъ.

— То-то бы тебя, Ермилычъ, на еропланъ посадить... Ловокъ бы ты былъ!...—шутили солдаты другъ надъ другомъ.

И вдругъ впереди послышался нестройный многоголосый крикъ, усиленная безпорядочная трескотня, и оттуда сначала по одному, потомъ кучками и, наконецъ, разсыпной, растерянной массой повалила толпа такихъ же сѣрыхъ солдатъ другого полка той дивизіи. Еще издали можно было разсмотрѣть ихъ блѣдныя лица, съ широко раскрытыми глазами, съ округленными ртами и выраженіемъ безумнаго ужаса.

Офицеры Ашкадарскаго полка, махая шашками и что-то крича, бѣжали по размытой пахотѣ навстрѣчу бѣгущимъ, но

сѣрая толпа моментально сбила, смяла, закрыла ихъ, смѣшалась съ рядами ашкадарцевъ, и все сразу потеряло тотъ смыслъ, который имѣло до сихъ поръ.

Какъ волна уноситъ разорванную въ одномъ мѣстѣ плотину, такъ бѣгущіе сбили и унесли стоявшій полкъ. Частью побѣжали и сами ашкадарцы, сами не зная, почему, и только чувствуя ту стихійность, передававшуюся отъ человѣка къ человѣку, которая неудержимо толкаетъ въ спину и заставляетъ бѣжать, куда бы то ни было, только дальше и дальше.

Вся масса людей кинулась внизъ, подъ уклонъ, свернула въ сторону, наткнувшись на батарею, съ которой что-то кричали и махали руками, затѣмъ набѣжала на правильную линію сѣрыхъ солдатъ, быстро идущихъ навстрѣчу со штыками наперевѣсъ, метнулась въ одну сторону, въ другую, назадъ и впередъ и, наконецъ, бросилась врассыпную, оглашая воздухъ бѣшенымъ крикомъ и безпорядочной стрѣльбой.

И вотъ тутъ-то этотъ второй взводъ третьей роты, потерявъ свой полкъ и офицеровъ, въ составѣ всего семнадцати человѣкъ, по стихійной привычкѣ державшихся вмѣстѣ, очутился въ сторонѣ отъ боя, въ какомъ-то узкомъ глинистомъ оврагѣ, поросшемъ мелкимъ лѣсомъ.

Оврагъ былъ глубокій, съ изрытыми водой глинистыми берегами, надъ которыми высоко мутной, неровной полосой тянулось сѣрое небо, моросившее неустаннымъ дождемъ на размокшую красную глину, на мокрыя березки и кучку солдатъ, сбившихся съ толку и торопливо, по инерціи, бредущихъ все дальше и внизъ.

Солдаты были все изъ запасныхъ, коренастые, бородатые и рябые мужики костромской и новгородской губерній, и среди нихъ—черненькій еврей, Гершель Макъ, который одинъ и думалъ, и соображалъ за всѣхъ.

Всѣмъ остальнымъ сѣрымъ мужикамъ, взятымъ прямо изъ деревни, совершенно было непонятно, какимъ образомъ все это произошло, и произошло ли вообще что-нибудь; было ли сраженіе, плохо или хорошо то, что они остались безъ офицеровъ въ какомъ-то проклятомъ оврагѣ и что изъ всего этого выйдетъ? Только Гершель Макъ понималъ, что сраженіе было, что передовыя цѣпи попали подъ перекрестный огонь пулеметовъ, что произошла паника, что Ашкадарскій полкъ былъ сбитъ толпой бѣглецовъ и разстроился безъ выстрѣла, а теперь они предоставлены на волю судебъ неизвѣстно, гдѣ, можетъ-быть, въ са-

момъ центрѣ непріятельской позиціи. Гершель Макъ понималъ что никому до нихъ теперь нѣтъ и не можетъ быть никакого дѣла, а потому они должны выпутываться сами, и его изворотливый еврейскій умъ сразу заработалъ во всю.

Дождь журчалъ по склонамъ оврага и по дну его, и за водяной пѣсенкой только изрѣдка, гдѣ-то наверху, слышались трескотня пулеметовъ и буханье пушекъ. Оврагъ шелъ внизъ и, должно быть, въ лѣсъ, потому что деревья становились все чаще, и на землѣ вмѣстѣ съ грязью лежалъ теперь толстый слой полусгнившихъ вялыхъ листьевъ.

Раза два вверху слышалось тяжкое жужжаніе, и солдаты невольно поднимали глаза, но аэроплана не было видно, и неизвѣстно было,— свой онъ или чужой.

Гершель Макъ шелъ позади всѣхъ и напряженно думалъ:

— Что же мы будемъ дѣлать, когда встрѣтится непріятель? Ну, когда былъ полкъ, такъ они себѣ уже знали, что дѣлать... А мы же не знаемъ высокихъ военныхъ правиловъ!.. Можетъ-быть, намъ совсѣмъ не нужно драться—можетъ-быть, по высокимъ военнымъ правиламъ нужно немножко отступить?... Мы же ничего не знаемъ!...

И какъ разъ въ эту минуту на противоположномъ берегу ручья, разлившагося въ плоскія мутныя лужи, среди древесныхъ стволовъ замелькало что-то темное, и показались незнакомые солдаты, въ свѣтло сѣрыхъ шинеляхъ, въ лакированныхъ черныхъ каскахъ, обтянутыхъ въ полотняные чехлы.

Это былъ такой же заблудившійся, отбившійся отъ своихъ, непріятельскій отрядикъ, которымъ предводительствовалъ огромный рыжебородый унтеръ-офицеръ.

Нѣмцы шли также неувѣренно, съ ружьями наперевѣсъ, трусливо озираясь по сторонамъ, и только-что собирались остановиться, чтобы обсудить свое незавидное положеніе, какъ увидѣли рыжесѣрыя шинели и штыки.

— Стой!—заоралъ бѣлоусый костромичъ такъ, что двѣ вороны камнемъ взлетѣли надъ оврагомъ и понеслись, косо забирая по вѣтру, прочь отъ этого мѣста.

Гершель Макъ чуть не упалъ въ воду.

Съ той стороны раздались жидкіе, разрозненные крики изумленія и ужаса, и вдругъ наступила зловѣщая напряженная тишина.

Рыжіе и сѣрые солдаты стояли шагахъ въ пятидесяти другъ отъ друга, раздѣленные мелкимъ мутнымъ ручьемъ, по которому

неустанно колотилъ дождь, и скорѣе удивленно, чѣмъ испуганно, смотрѣли во всѣ глаза.

— А... послушайте... а...—зашепталъ Гершель Макъ, дотрогиваясь до ружья бѣлоусаго костромича.

Но въ это время, какъ по командѣ, сѣрые солдаты отступили шага на два, разомъ опустились на колѣни, и трескъ недружнаго залпа разодралъ мокрый воздухъ.

Бѣлоусый костромичъ и другой русскій солдатъ, нижегородскій многосемейный мужикъ, котораго въ ротѣ звали „дядя", взмахнули руками и тяжко шлепнулись въ размокшую глину.

Костромичъ былъ убитъ наповалъ, а „дядя" схватился за животъ, сѣлъ и взвылъ тоненькимъ пронзительнымъ голосомъ:

— Бра-атцы!...

И дикая злоба, неукротимая и полная ужаса, похожая на ту нервную злость, съ которой убиваютъ и топчутъ змѣю, вдругъ охватила солдатъ. Дробь разрозненныхъ выстрѣловъ посыпалась между мокрыхъ деревьевъ, и нестройный крикъ повисъ въ сыромъ туманѣ. Пули засвистѣли далеко по лѣсу, чмокая въ глину.

Березовые листья, тихо кружась, опускались на землю, а на ней, то падая, то поднимаясь, въ судорожныхъ движеніяхъ боли и ужаса, закопошились три свѣтлосѣрыя фигуры.

И первый замолкъ, уткнувшись лицомъ въ холодную муть ручья, огромный бородатый унтеръ-офицеръ.

Въ отвѣтъ снова затрещалъ еще болѣе нестройный залпъ, и потомъ, уже съ обѣихъ сторонъ, посыпались одиночные безтолковые выстрѣлы, прерываемые злобнымъ крикомъ, стономъ и хрипомъ.

Блѣдные огоньки мелькали со всѣхъ сторонъ, съ березокъ летѣла бѣлая кора, видны были торопливо возившіяся съ ружейными затворами дрожащія руки и блѣдныя искаженныя лица. Надъ ручьемъ потянуло острымъ запахомъ пороха и крови, сизый дымокъ медленно потянулся кверху, выбираясь между вѣтками березокъ, вздрагивающихъ, точно отъ страха, а подъ ними двѣ кучки людей, рыжихъ и сѣрыхъ, заряжая и стрѣляя, били другъ друга, усыпая мокрую землю разбитыми, корчащимися и стонущими тѣлами.

. . . .

И вдругъ стрѣльба затихла такъ же неожиданно, какъ и началась.

На открытомъ мѣстѣ уже никого, кромѣ раненыхъ и уби-

тыхъ, не было. Рыжіе солдаты залегли за камни, а сѣрые попрятались за деревья. Огонь смолкъ.

Еще долго сердца дрожали мелкой мучительной дрожью, и въ глазахъ стоялъ тотъ же нечеловѣческій злобный ужасъ, но никто не стрѣлялъ.

И такъ прошелъ часъ и другой.

Солдаты, молча, лежали за камнями, другіе, также молча, таились въ перелѣскѣ и зорко ненавидящими острыми глазами, подмѣчающими малѣйшее движеніе врага, слѣдили другъ за другомъ.

Только „дядя", прислонившись къ дереву, тихо и жалобно, точно муха въ паутинѣ, стоналъ отъ боли, да на той сторонѣ все силилась подняться изъ мутной лужи блѣдная безусая голова, съ помертвѣлыми глазами, уже подернутыми пленкой близкой смерти. Но нихъ никто не обращалъ вниманія.

Каждый чувствовалъ на себѣ зоркіе безпощадные глаза врага и не смѣлъ шевельнуться, не смѣлъ вытянуть онѣмѣвшую ногу. Разъ одинъ сѣрый солдатъ пытался перемѣнить мѣсто, и сейчасъ же съ той стороны треснули три выстрѣла, и солдатъ только перевернулся и затихъ, точно и въ самомъ дѣлѣ ему только хотѣлось перевернуться на другой бокъ. Позже были убиты еще два человѣка, по одному съ каждой стороны, и опять все затихло, только дождь шумѣлъ, точно кто-то незримый горько плакалъ въ лѣсу.

Время шло, и росло страшное нервное напряженіе, похожее на предсмертную тоску. Было очевидно, что такъ продолжаться долго не можетъ, и всѣ знали, что первый, кто подыметъ голову, будетъ застрѣленъ, какъ собака.

Богъ знаетъ, какія странныя и мучительныя мысли проходили въ отуманенныхъ злобой и страхомъ головахъ. Эти головы были теперь тупы, сбиты съ толку.

Гершель Макъ остро чувствовалъ, что ему хочется жить, что у него, какъ и у всѣхъ этихъ, и сѣрыхъ и рыжихъ солдатъ, есть отецъ и мать, есть свои маленькія завѣтныя желанія, далекія отсюда. И еще ему было жалко и „дядю" и того умирающаго въ мутной лужѣ нѣмца, котораго, быть-можетъ, убила пуля „дяди".

Время шло, росъ нестерпимый нервный ужасъ, и страшное, какъ струна, готовая лопнуть, внутреннее напряженіе начинало переходить въ то кошмарное состояніе, когда у людей начинаютъ дрожать лица, руки и ноги, передъ глазами встаетъ красный

туманъ, исчезаютъ страхъ смерти и страданія, и все человѣческое претворяется въ стихійное, звѣриное бѣшенство.

И вотъ, когда струна была готова лопнуть, когда кошмаръ готовъ былъ разразиться безпощадной схваткой, Гершель Макъ, не въ силахъ будучи справиться съ натянувшимися нервами, жалобно взмолился на языкѣ своихъ отцовъ:

— Шма Исроэлъ!... Шма Исроэлъ!...

Свои не поняли его и только съ ужасомъ, какъ на сумасшедшаго, мелькомъ оглянулись на него, но съ той стороны отозвался ему такой же жалкій испуганный голосъ на еврейскомъ языкѣ:

— Еврей!.. Еврей!.

Гершель Макъ замеръ. Нельзя передать той безумной радости, того чистаго человѣческаго восторга, какимъ наполнилось сердце его, когда оттуда, откуда онъ ждалъ только ненависти и смерти, раздались знакомыя, понятныя, человѣческія слова.

Онъ вскочилъ на колѣни, поднялъ руки, забывая о смертельной опасности, и крикнулъ, точно отозвался въ пустынѣ:

— Я!.. Я!..

Треснулъ выстрѣлъ, но только фуражка Гершеля Мака, подпрыгнувъ, слетѣла въ лужу.

За ручьемъ, изъ-за дерева, смотрѣла на него характерная, съ торчащими изъ-подъ лакированной каски ушами, человѣческая голова.

— Не стрѣляй!... Не стрѣляй!...—кричалъ Гершель Макъ по-русски, по-нѣмецки и по-еврейски сразу, безтолково размахивая руками.

И тотъ еврей, въ длинной свѣтло-сѣрой шинели, тоже что-то кричалъ своимъ. И уже не одна голова, а десятокъ удивленныхъ лицъ смотрѣли на Гершеля Мака удивленными, обрадованными глазами. Въ этихъ глазахъ, вдругъ ставшихъ простыми, понятными, перепуганными человѣческими глазами, виднѣлась смутная, еще непонятная имъ самимъ надежда.

Тогда Гершель Макъ и еврей въ свѣтло-сѣрой шинели выскочили на открытое мѣсто и, шлепая прямо по водѣ, довѣрчиво побѣжали другъ къ другу. Они сошлись между двумя все еще враждебно торчащими рядами ружейныхъ стволовъ и въ порывѣ неразсуждающей человѣческой радости обнялись.

— Вы еврей?—спросилъ сѣрый солдатъ.

И они стояли и смотрѣли другъ на друга, какъ два старые

знакомые, неожиданно встрѣтившіеся тамъ, гдѣ всего меньше можно было ожидать этого.

Въ сумерки, подобравъ своихъ раненыхъ и убитыхъ, осторожно оглядываясь назадъ, солдаты тихо расходились въ разныя стороны по оврагу, уже посинѣвшему отъ вечерняго тумана.

Тѣ, которые шли сзади, съ недовѣрчивымъ недоумѣніемъ поглядывали назадъ, на враговъ, и руки ихъ судорожно сжимали холодныя дула ружей. Только Гершель Макъ и еврей въ сѣрой шинели шли спокойно.

А потомъ Гершель всю дорогу болталъ, какъ обезьяна, приставая то къ одному, то къ другому изъ сбитыхъ съ толку, недоумѣвающихъ солдатъ.

Онъ что-то говорилъ о своемъ восторгѣ, о какой-то великой миссіи еврейства. Но его никто не слушалъ, и кто-то даже сказалъ ему беззлобно:

— А пойди ты къ чорту, пархатый жидъ!..

М. Арцыбашевъ.

ГОЛОСЪ ОТТУДА.

„Я не одинъ, потому что Отецъ со Мною"
Ев. отъ Іоанна, гл. 16,32.

Былъ древле зовъ. Ему я внемлю.
Слеза слагается въ кристалъ.
Христосъ, дабы сойти на землю,
Среди людей Евреемъ сталъ.
Я это вѣдаю, пріемлю,
Безъ этого я скудно малъ.

Зачѣмъ лачугу Іудея
Онъ выбралъ на землѣ, какъ домъ.
Тотъ возгласъ, въ сердцѣ тяготѣя,
Для сердца разрѣшенъ Христомъ.
Его святою кровью рдѣя,
Мы свѣтлымъ цвѣтомъ расцвѣтемъ.

Самозакланный, во спасенье
Всѣхъ, кто пріидетъ ко Христу,
Онъ на Землѣ Свое служенье
Вметнулъ, какъ свѣточъ, въ темноту,
Средь обреченныхъ на мученье,
Что вѣрны на своемъ посту.

Въ рѣшеньи выспреннемъ и строгомъ
Въ Египтѣ Онъ ребенкомъ былъ,
И по Халдейскимъ Онъ дорогамъ
Свой путь—незнаемый—пробилъ,
И Богъ пришелъ въ Израиль Богомъ,
И Человѣка возлюбилъ.

Въ суровомъ царствѣ Іеговы
Возникъ воздушнѣйшій цвѣтокъ,
Разбиты древнія оковы,
Лилейно пѣнье кроткихъ строкъ,
Не тщетны въ мірѣ были зовы,
Здѣсь данъ рядамъ вѣковъ намекъ.

Кто скажетъ „Нѣтъ", въ томъ хитрость змѣя,
Возжаждетъ поздно—молвить „Да",
Пребудемъ—сердцемъ не скудѣя,
Мы—здѣсь, насъ призовутъ—туда,
Нѣсть Эллина, ни Іудея,
Есть Виѳлеемская звѣзда!

К. Бальмонтъ.

ЕВРЕИ И РУССКОЕ НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Много и страстно писалось о невыносимомъ положеніи русскихъ евреевъ, этихъ, въ своей массѣ, своеобразныхъ „крѣпостныхъ“ XX вѣка, прикованныхъ къ „чертѣ осѣдлости“ (въ родѣ „glebae adscripti“ — римскихъ колоновъ). Трагическая исторія послѣднихъ лѣтъ и переживаемыя нынѣ минуты способны вывести изъ душевнаго равновѣсія самаго безучастнаго „зрителя“ текущихъ событій. Какъ-то тяжело касаться многихъ наболѣвшихъ и, по существу дѣла, совершенно ясныхъ вопросовъ, но жизнь безпрестанно и сурово требуетъ ихъ постановки и ждетъ отвѣта отъ мысли и совѣсти русскаго общества.

Мы не хотимъ обсуждать недопустимость еврейскаго безправія съ общегуманитарной точки зрѣнія. Какъ ни величественны сами по себѣ тѣ „элементарныя начала права и морали“, которыя были выстраданы человѣчествомъ на его долгомъ историческомъ пути и являются нынѣ устоями культурнаго міросозерцанія, но въ глазахъ многихъ — они и теперь кажутся только „хорошими словами“, стилистическими украшеніями рѣчи интеллигентнаго человѣка. Конечно, атмосфера безправія — одинаково губительна и для страдающаго, и для привилегированнаго: вѣдь крѣпостное состояніе развращало господъ не меньше, чѣмъ рабовъ. Все это — такъ; но имѣются аргументы, къ сожалѣнію, болѣе доступные и убѣдительные. На нихъ мы и хотимъ остановиться.

Читающій эти строки, само собою разумѣется, знаетъ, что въ послѣднее время ни о чемъ такъ охотно не говорили, какъ о необходимости развивать „производительныя силы Россіи“. Сознаніе того, что общее преуспѣяніе нашей родины находится въ самой тѣсной зависимости отъ хозяйственнаго прогресса, — проникло въ широкіе слои общества. Война, надо думать, сдѣлала эту истину очевидной: успѣхъ столкновенія зависитъ не только отъ дѣйствій самоотверженной арміи, но и отъ устойчивости

хозяйства. Экономическія затрудненія, которыя переживаются Германіей, укрѣпляютъ вѣру въ нашу конечную побѣду. Болѣе четверти вѣка тому назадъ русскій министръ финансовъ, прилагавшій особенныя усилія къ развитію у насъ промышленности, писалъ въ объяснительной запискѣ къ проекту росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ: „Считаю своимъ долгомъ вѣрноподаннаго передъ В. И. Величествомъ твердое, ясное и глубокое убѣжденіе въ томъ, что благосостояніе народа, даже при нѣкоторомъ несовершенствѣ военнаго устройства, принесетъ въ періодъ вооруженнаго столкновенія болѣе пользы, нежели самая полная боевая готовность арміи при пошатнувшемся экономическомъ положеніи народа, который, въ семъ случаѣ, при всей готовности жертвовать и жизнью, и достояніемъ, можетъ принести на алтарь отечества только одну жизнь, но не будетъ въ силахъ доставить необходимыя государству денежныя средства“.

Вотъ съ этой точки зрѣнія хозяйственныхъ интересовъ мы и подойдемъ къ больному еврейскому вопросу. Безвозвратно ушли тѣ времена, когда можно было устами императрицы Елизаветы Петровны сказать: „отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли“. Именно въ этой хозяйственной прибыли заинтересованы и казначейство, и высшіе классы, и — что самое важное — широкіе слои населенія; чѣмъ успѣшнѣе развивается хозяйство, тѣмъ выше, обезпеченнѣе, устойчивѣе и заработки. Основная *производительная сила* страны это — живой трудъ ея народа. Въ политическій организмъ Россіи входитъ около 6 милліоновъ способнаго и, несомнѣнно, трудолюбиваго еврейскаго населенія. О томъ, какъ примѣняются его силы, мы скажемъ ниже; пока отмѣтимъ лишь одно обстоятельство: прямой разсчетъ русскаго государства заключается въ томъ, чтобы какъ можно полнѣе и разумнѣе использовать въ своемъ хозяйствѣ эту живую еврейскую силу. Положительно непостижимыми, съ этой точки зрѣнія, являются всѣ тѣ преграды, которыя создаются для евреевъ въ области образованія: Россія, столь бѣдная не только представителями высшаго, квалифицированнаго труда, но и просто грамотными людьми, какъ будто стремится увеличить свое невѣжество и умственную отсталость отъ Запада. А еще такъ много идетъ разговоровъ о всяческихъ иностранныхъ „засильяхъ“. Конечно, для всякаго поступка находятся формальныя оправданія: каждый, совершающій зло, пытается убѣдить себя въ его правомѣрности. Такъ и въ данномъ случаѣ: насильственное держаніе еврейской массы въ невѣжествѣ объясняется желаніемъ не до-

пустить ее стать выше русскаго населенія, которое будто бы въ интеллектуальномъ отношеніи уступаетъ евреямъ. Не говоря уже о томъ, что такой аргументъ прямо-таки оскорбителенъ для русскаго народа и свидѣтельствуетъ о полномъ незнаніи со стороны оппонентовъ его свойствъ и богатыхъ природныхъ задатковъ, — по существу, дѣло сводится къ намѣренному неиспользованію той производительной силы, которая представлена частью россійскихъ подданныхъ. Хозяйство наше не получаетъ той выгоды, на которую оно было бы въ правѣ претендовать.

Обратимся теперь къ тѣмъ характернымъ общественно-экономическимъ условіямъ, въ которыхъ находятся у насъ евреи. Почти вся ихъ масса (свыше 5 милліоновъ) заключена въ предѣлахъ черты еврейской осѣдлости — 15 губерніяхъ и въ Царствѣ Польскомъ; лишь 6% живетъ внѣ этой грани. Естественнымъ результатомъ такого искусственнаго замыканія евреевъ на опредѣленной территоріи, въ связи съ невозможностью занятія земледѣльческимъ трудомъ (въ силу запрета пріобрѣтать и арендовать недвижимость внѣ городовъ и мѣстечекъ) является своеобразный профессіональный составъ еврейскаго населенія: около 3/4 его вынуждено заниматься торговлей и промышленностью (73,08%). Если взять „самодѣятельное“ еврейское населеніе (во всей Имперіи), то сельское хозяйство поглощаетъ лишь 2,4%, свободныя профессіи — 4,7%, частная служба — (прислуга и пр.) — 11,5%; остальные, за вычетомъ лицъ съ неопредѣленнымъ занятіемъ, вынуждены искать себѣ пропитанія въ области торговли (31%), промышленности (36,3%) и транспорта (3%). Къ этому же понуждаетъ и искусственное сосредоточеніе евреевъ въ городахъ: въ селахъ и деревняхъ черты осѣдлости живетъ лишь 18%, а въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ около 82%, — болѣе 4/5. Такое одностороннее распредѣленіе еврейскаго труда не представляло бы собою отрицательнаго явленія, если бы имѣлась возможность разсѣять его въ предѣлахъ всего государства: какъ ни слабо развита Россія въ торгово-промышленномъ отношеніи, но, съ громадной пользой для народнаго хозяйства, евреи легко размѣстились бы въ соотвѣтствующихъ ихъ навыкамъ областяхъ, мощно двигая впередъ индустріализацію страны. При нынѣшнихъ условіяхъ, они загнаны въ тупикъ, перегружая въ чертѣ осѣдлости торгово-промышленный промыселъ. Едва-ли нужно говорить о томъ, что на этой почвѣ еврейская масса ведетъ ожесточенную и самую элементарную борьбу за существованіе, опредѣленно подвигаясь въ нѣкоторыхъ райо-

нахъ по пути къ вырожденію. На Западѣ (кромѣ Галиціи и Румыніи) евреи входятъ въ составъ состоятельныхъ элементовъ, въ Россіи — подавляющая ихъ часть это — пролетаріи, „свободные, какъ птица", горькіе нищіе, буквально не знающіе сегодня, чѣмъ будутъ жить завтра. Душу потрясающія картины рисуютъ безпристрастные изслѣдователи жизни еврейской бѣдноты — ремесленниковъ, фабричныхъ рабочихъ, мелкихъ торговцевъ: въ буквальномъ смыслѣ слова они голодаютъ, убиваютъ и душу, и тѣло въ грязныхъ, антисанитарныхъ углахъ городовъ. Естественно, что въ жадныхъ поискахъ хоть какого-либо заработка, они, съ одной стороны, вынуждены не брезгать разными методами (отсюда разговоры о „преступныхъ чертахъ" еврейскаго характера, ихъ наклонности къ спекуляціи, что, однако, охотно прощается и поощряется въ „отечественныхъ" представителяхъ коммерческихъ интересовъ); съ другой — понижаютъ чувствительнымъ образомъ „уровень жизни" трудящагося, продавая свои услуги часто за безцѣнокъ. Этимъ и въ Россіи, и въ тѣхъ странахъ, куда направляется еврейская эмиграція, создается почва для своеобразнаго „соціальнаго антисемитизма", аналогичнаго движенію въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки и Австралійской федераціи противъ „желтаго" труда. Кто же повиненъ въ созданіи этихъ „недостойныхъ для человѣка" условіяхъ еврейскаго труда? Конечно, искусственная граница его приложенія! Несмотря на обильный исходъ евреевъ изъ Россіи, напоминающій бѣгство ирландцевъ изъ своего отечества, — съ 1881 г. по 1908 г. свыше полутора милліона человѣкъ — оставшаяся масса пребываетъ обреченной на недоѣданіе и вырожденіе. Столь популярнымъ разсказамъ о еврейскихъ богатствахъ (которыя въ Россіи — относительная рѣдкость) приводимъ безпристрастные факты: самыми бѣдными изъ эмигрантовъ въ Америку оказываются евреи. При средней цифрѣ привозимыхъ съ собою денегъ въ 15 долл., шотландцы имѣли 41,5 долл., англичане — 38,7, французы — 37,8, нѣмцы — 28,5, а евреи стояли на послѣднемъ мѣстѣ — лишь 8,7 доллара! Очевидно, что если туземному населенію и грозитъ какая-либо реальная опасность, то исключительно въ плоскости со слишкомъ дешевымъ трудомъ скученнаго еврейскаго населенія; и чѣмъ больше будутъ угнетаться евреи, тѣмъ хуже будетъ для туземнаго рабочаго люда! Ибо всякій предприниматель предпочтетъ дешевыя услуги болѣе дорогимъ! Ясно, что заботы объ интересахъ туземнаго населенія въ репрессивной еврейской политикѣ, по существу дѣла, отсутствуютъ: *демокра-*

тическая привѣска здѣсь не у мѣста. Русскій трудовой рынокъ страдаетъ въ чертѣ осѣдлости перенасыщенностью, а въ другихъ районахъ — недостаточностью. Какъ отъ этого страдаетъ народное хозяйство въ его цѣломъ, — вопросъ не требуетъ дальнѣйшаго обсужденія. Имѣется еще одна любопытная черточка: въ противовѣсъ упрекамъ въ еврейскомъ стяжаніи необходимо отмѣтить слѣдующее. Евреи обычно удовлетворяются меньшимъ процентомъ на пускаемый въ оборотъ капиталъ, стремясь добыть, прежде всего, средства къ существованію; этимъ, до нѣкоторой степени, понижается уровень прибыли, что не можетъ не раздражать капиталистовъ туземнаго происхожденія. Дѣло, очевидно, сводится къ конкурренціи капиталовъ; — изъ этой именно среды и слышатся наиболѣе яростные антисемитскіе клики! Не забудемъ, что ранніе одесскіе погромы обязаны агитаціи грековъ, боявшихся утерять свое торговое вліяніе.

Сказанное до сихъ поръ обнаруживаетъ, что экономическая политика, проникнутая антисемитизмомъ, создаетъ искусственное полнокровіе въ отдѣльныхъ органахъ народнаго хозяйства въ ущербъ цѣлому; она напоминаетъ дѣятельность садовника, обильно поливающаго до вымоканія однѣ гряды и предоставляющаго другимъ гибнуть отъ засухи. *Русскій* интересъ заключается въ томъ, чтобы еврейскій трудъ и еврейскія средства находили себѣ наиболѣе производительное примѣненіе повсюду: отъ этого лишь выиграетъ наше отечество. Антисемитизмъ, съ народнохозяйственной точки зрѣнія, являетъ собою колоссальную растрату производительныхъ силъ страны.

Необходимо обратить вниманіе и на слѣдующую сторону вопроса, Нравятся ли кому-либо евреи, какъ раса, или нѣтъ — это вопросъ личнаго свойства, разрѣшеніе котораго не можетъ вліять на здоровую экономическую политику государства. Оно должно считаться съ объективными данными. А послѣднія — таковы: *евреи составляютъ больше трети* (*35%*) *торговаго класса Россіи*. Если отбросить въ сторону идеалы натуральнаго хозяйства и видѣть преуспѣяніе родины въ прогрессивномъ развитіи мѣновой экономики, то мы *должны* признать, что роль евреевъ въ торговой жизни Россіи — громадна, что они въ значительной степени эту торговлю налаживаютъ. Всякіе тормазы въ проявленіи свободной торговой энергіи евреевъ отзываются болью въ національно-экономическомъ тѣлѣ Россіи. Глубоко правъ одинъ изъ изслѣдователей еврейскаго вопроса въ своемъ выводѣ: „если бы евреевъ теперь не было въ Россіи, ихъ необходимо

было бы призвать, — еще разъ призвать, для торговыхъ цѣлей, точно такъ же, какъ и для промышленныхъ, какъ они многократно призывались для тѣхъ же цѣлей 100—300 лѣтъ тому назадъ". Впрочемъ, мнѣніе отдѣльнаго изслѣдователя можетъ казаться не столь авторитетнымъ; но мы, для аргументаціи вышеприведеннаго положенія, обезпечены цѣлымъ рядомъ общественныхъ заявленій. Не заходя далеко въ глубь исторіи, остановимся на фактѣ весьма недавняго прошлаго. Въ 1912 г. бывшій нижегородскій губернаторъ проявилъ необычайное усердіе въ гоненіи на евреевъ въ разгаръ ярмарочнаго сезона, что, по всей видимости, стояло въ связи съ предвыборнымъ (въ Гос. Думу) періодомъ. „Общество фабрикантовъ и заводчиковъ Московскаго промышленнаго района", далеко не отличающееся чрезмѣрнымъ либерализмомъ, сочло себя вынужденнымъ, въ собственныхъ интересахъ, вмѣшаться въ дѣло: была составлена докладная записка по вопросу о стѣсненіяхъ евреевъ и направлена черезъ предсѣдателя Общества г. Гужона предсѣдателю Совѣта Министровъ. Вотъ что говорится въ этой запискѣ: „.....Евреи исполняютъ въ хозяйственномъ организмѣ страны функціи посредствующаго звена между производителями и потребителями товаровъ; въ сѣверо-западныхъ, южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ эти функціи исполняются почти исключительно евреями. Отдѣлить при этихъ условіяхъ торгово-промышленное населеніе значительной части государства отъ центра фабричнаго производства — значитъ нанести огромный ущербъ не только непосредственно купцамъ-евреямъ, но и огромному, многомилліонному нееврейскому населенію". „Разобщать деревню съ городомъ, города Запада и Юга съ городами и деревнями центра и Востока, означаетъ какъ-бы намѣренное разстройство хозяйственной жизни страны, подрывъ кредита и обезцѣненіе народнаго труда". Вотъ что говорили московскіе фабриканты! Учитывая реальныя нужды хозяйства, не склонные жертвовать коммерческимъ интересомъ ради антигуманитарныхъ лозунговъ, они выражали опасеніе, что дѣйствія администраціи помѣшаютъ надлежащей реализаціи урожая, что „заготовленные запасы товаровъ не найдутъ ни потребителя, ни покупателя, ни дѣятельнаго посредника въ той степени, какъ это должно быть и могло-бы быть".

Кажется, ясно, что удары по евреямъ, прочно вошедшимъ въ народно-хозяйственный организмъ Россіи, въ одинаковой, если не большей мѣрѣ, являются ударами по массѣ коренного русскаго населенія. Не касаясь по существу различныхъ мечтаній

евреевъ, возникающихъ на почвѣ „сіонистскихъ“ идеаловъ, мы отмѣтимъ только, что уходъ евреевъ изъ Россіи былъ-бы гро-маднымъ ущербомъ для ея экономическаго развитія. На Западѣ прекрасно понимаютъ эту простую истину. Никто иной, какъ В. Зомбартъ, въ своей работѣ „Будущее евреевъ“ („Die Zukunft der Juden“) дѣлаетъ такое заключеніе: „Если бы свершилось чудо, и завтра всѣ евреи приняли рѣшеніе переселиться въ Палестину, то мы (нѣмцы) никогда и ни въ коемъ случаѣ не могли бы этого допустить. Вѣдь это въ одной только народно-хозяйственной области обозначало бы такой крахъ, какого мы никогда еще ни въ одномъ крупномъ кризисѣ не переживали, крахъ, отъ котораго, можетъ быть, никогда уже наше хозяйство не могло бы оправиться“.

А мы, русскіе, мало задумываемся надъ такими вопросами. Въ прошломъ году не остановились, напр., передъ новыми ограниченіями, отмѣненными только въ годину великаго испытанія — войны.

Кто желаетъ блага *русскому* народному хозяйству, кто мечтаетъ о его могущественномъ развитіи, о дѣйствительной эмансипаціи отъ иностраннаго вліянія (въ той мѣрѣ, насколько это вообще возможно по экономическимъ законамъ), тотъ долженъ понять, что антисемитизмъ — злѣйшій врагъ нашего экономическаго преуспѣянія, что еврейскій вопросъ есть *русскій* вопросъ. Только на почвѣ уравненія евреевъ въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ Имперіи возможно наше мирное, культурное развитіе, осуществимы тѣ широкіе идеалы, которые выдвинуты трагической борьбой съ германскимъ империализмомъ.

М. Бернацкій.

„МНѢ ОТМЩЕНІЕ И АЗЪ ВОЗДАМЪ".

Еврейскій вопросъ одинъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ нашей государственности, о который она не разъ уже спотыкалась при различныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ невзгодахъ. Можно ли придумать мѣру, болѣе антигосударственную, какъ черта еврейской осѣдлости. Вѣдь это значитъ возбудить и вѣчно поддерживать озлобленіе еврейскаго народа, дать ему ореолъ мученичества и создать въ то же время искусственно условія для сплошности населенія, которое къ тому же въ силу своей бѣдности почти на каждомъ шагу встрѣчается съ возмущающими душу жизненными условіями.

Судите сами: молодой человѣкъ хотѣлъ бы найти Божій свѣтъ дальше Бердичева и Шклова — онъ встрѣчается съ препятствіемъ, которое выражается однимъ словомъ „нельзя". Заболѣлъ кто-нибудь въ семьѣ и заболѣлъ такъ, что надо и можно найти помощь, но только не у себя, а на сторонѣ, напримѣръ, въ какомъ-нибудь болѣе крупномъ центрѣ, и опять „нельзя". Если человѣкъ рискнулъ и выѣхалъ за черту осѣдлости по краткосрочному разрѣшенію, онъ можетъ очутиться въ еще болѣе критическомъ положеніи, въ случаѣ, напримѣръ, если ему пришлось случайно задержаться по своимъ дѣламъ. Все закончилось бы благополучно, если бы ему было предоставлено пробыть нѣсколько долѣе опредѣленнаго срока, но передъ нимъ стоитъ грозное слово „нельзя", и весь планъ рушится. Еще хуже, если онъ заболѣетъ на чужбинѣ и долженъ полечиться у мѣстныхъ свѣтилъ, опять безпощадное „нельзя" лишаетъ его самаго неотъемлемаго права человѣческой личности — заботы о своемъ здоровьѣ.

Но вотъ человѣкъ „по праву" устроился внѣ черты осѣдлости. Неожиданно онъ не понравился своему хозяину, у котораго служитъ въ той или другой роли, его увольняютъ, и опять онъ встрѣчается съ грознымъ „нельзя". Ему нельзя оставаться не приписаннымъ, хотя бы даже противъ его желанія, къ какому-нибудь предпріятію, не угодно ли ѣхать въ районъ осѣдлости, гдѣ у него нѣтъ никакихъ связей, иначе его выселятъ по этапу.

Заболѣваетъ глава семейства и ему отказываютъ въ мѣстѣ службы, опять то же грозное „нельзя"! Не угодно ли больному со своими домочадцами отправиться въ районъ осѣдлости, гдѣ, можетъ быть, не окажется ни должной помощи въ болѣзни, ни заработка для поддержанія семьи.

Вотъ ратникъ изъ живущихъ внѣ черты осѣдлости призывается на службу для спасенія отечества, для его семьи сейчасъ же встаетъ грозное „нельзя", отправляйся въ районъ осѣдлости. Раненый герой возвращается съ театра войны и желалъ бы оставаться вблизи родныхъ, устроившихся внѣ черты, но опять „нельзя", и онъ высылается въ предѣлы осѣдлости.

Нужно ли говорить съ какою безропотностью переносятся всѣ тѣ безпощадные удары судьбы, которые кроются за этимъ грознымъ „нельзя". И тѣмъ не менѣе, какая въ этомъ „нельзя" кроется подготовка почвы для усвоенія всѣхъ антигосударственныхъ ученій. Дѣло идетъ о постоянной поддержкѣ тлѣнія въ кострѣ, откуда каждую минуту подъ вліяніемъ сторонняго вѣтра можетъ вспыхнуть яркое пламя.

Могутъ сказать, что это не страшно. Да, быть-можетъ, не страшно, однако, до тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ о благополучіи государства. Но послѣднее должно вѣдь имѣть въ виду не одну только хорошую погоду, но и бури, которыя могутъ придти отовсюду, а тогда будетъ уже поздно исправлять роковую ошибку.

Но всѣмъ этимъ дѣло еще не ограничивается. Съ упомянутыми условіями связана постоянная поддержка язвы, разъѣдающей нашу государственность. Всякій законъ, даже самый суровый, если онъ справедливъ, есть основа государственности: „Dura lex, sed lex". Но несправедливый законъ, какъ и несправедливая власть является постояннымъ источникомъ возмущенія, находящаго сочувствіе и въ тѣхъ, кто этому закону не подлежитъ. Далѣе несправедливость родитъ всякаго рода соблазны, особенно по части звонкаго металла, а это наиболѣе благопріятное условіе для нравственнаго развращенія власти, начиная съ самой низшей, каковое зло еще горше перваго: „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ".

Спрашивается, во имя чего все это дѣлается? При бесѣдѣ съ отъявленными антисемитами я слышалъ мнѣніе, „что надо оградить русскаго мужика". Нечего говорить, что говорившій это былъ изъ тѣхъ задопятовъ, которые всегда принципіально высказываются противъ широкаго просвѣщенія русскаго народа.

Такъ вотъ въ чемъ корень всего. Нужно давить во что бы то ни стало еврейство и поддерживать сплошность его населенія

въ чертѣ осѣдлости, подготовляя тѣмъ самымъ своего рода государство въ государствѣ вмѣсто разсѣиванія, и все это въ виду того, что по мнѣнію нашихъ задопятовъ, рано просвѣщать русскій народъ, а такъ какъ онъ находится еще по своему развитію на положеніи младенчества, то нельзя допускать устраненія черты и осѣдлости, дабы этимъ уберечь русскаго мужика. Пусть растетъ злоба и недовольство, пусть ограничивается предпріимчивость, пусть господствуетъ промышленный застой въ странѣ, пусть заграничные гимназіи и университеты просвѣщаютъ еврейскую молодежь изъ Россіи, пропитывая ее политическими тенденціями чуждыхъ намъ странъ, пусть обогащаются на счетъ больныхъ русскихъ евреевъ заграничные курорты и города и тѣмъ самымъ обездоливаются наши цѣнныя по своимъ качествамъ лечебныя мѣста, пусть организуется въ предѣлахъ Россіи сплошное населеніе съ особымъ языкомъ, обычаями и даже литературой, пусть, наконецъ, тлѣетъ подъ нами пламень революціи, но пусть „нехристь" не выходитъ изъ своей норы. Такова наша политика, и таково отношеніе къ чертѣ еврейской осѣдлости. Ее хотятъ сохранить во что бы то ни стало враги Россіи и русской государственности. Ссылаются при этомъ на будто бы расовыя особенности еврейскаго народа и на его „внѣгосударственность", тогда какъ и то, и другое на самомъ дѣлѣ обусловливается особенностями, вытекающими изъ соціально-экономическихъ условій современной жизни еврейства и направленныхъ противъ него гоненій.

Во многомъ мы брали примѣръ съ Запада и въ концѣ-концовъ исторія оправдывала эту политику. Но въ вопросѣ объ еврействѣ почему-то намъ не къ лицу брать примѣръ съ западно-европейскихъ государствъ, давнымъ-давно разрѣшившихъ у себя еврейскій вопросъ и смотрящихъ на правовыя условія жизни русскаго еврейства, какъ на пережитокъ отдаленнаго прошлаго, который никакъ не мирится съ цивилизаціей новѣйшаго времени.

Что касается мѣръ борьбы съ столь распространеннымъ у насъ антисемитизмомъ, то въ этомъ отношеніи важнѣйшимъ условіемъ является пропаганда идей гуманизма и правильныхъ взглядовъ на роль различныхъ народностей Россіи въ созиданіи русской культуры.

Но, быть-можетъ, больше, чѣмъ, что-либо нанесутъ, пораженіе антисемитизму переживаемыя нынѣ событія. Если всѣ народности, и въ томъ числѣ евреи, одинаково несутъ жертвы на защиту родины, то какое можетъ быть оправданіе для раздѣленія

народовъ Россіи на господъ и паріевъ. Самая война, которая требуетъ столько тяжелыхъ жертвъ отъ всѣхъ вообще европейскихъ народовъ, мнѣ представляется ужасной, но, бытьможетъ, заслуженной расплатой за всю ту вину, которая лежитъ на человѣчествѣ въ его прошлыхъ условіяхъ политической жизни, вслѣдствіе чего послѣ войны, надо надѣяться, наступитъ то нравственное отрезвленіе народовъ, которое можетъ устранить въ будущей жизни человѣчества много неправдъ и въ томъ числѣ, вѣроятно, и ту, которая тяготѣетъ надъ русскимъ еврействомъ.

Тѣмъ не менѣе самымъ главнымъ основаніемъ для разрѣшенія у насъ еврейскаго вопроса все же, какъ мнѣ думается, послужитъ внѣдреніе въ умы правильно понятыхъ интересовъ русской государственности, которая настоятельно требуетъ прежде всего не разъединенія народовъ, живущихъ въ Россіи, а, наоборотъ, установленія между ними большей цементной связи

Акад. В. Бехтеревъ.

ИЗЪ МРАКА КЪ СВѢТУ.

Не очень давно мнѣ пришлось лѣчить привезеннаго въ Петроградъ изъ провинціи еврейскаго гимназиста VIII класса. Дѣло было осенью, а предстоящей весной ему надлежало держать экзамены на аттестатъ зрѣлости. Юноша — изъ зажиточной семьи, отличавшійся блестящими способностями и проходившій всѣ классы на «весьма», чѣмъ бы вы думали могъ заболѣть? Онъ страдалъ, какъ онъ самъ заявлялъ, въ своей болѣзни «муками слова». Онъ сидѣлъ за тетрадью своихъ сочиненій, подыскивая лучшую форму выраженія своихъ мыслей и дни, и ночи, при чемъ только послѣ неимовѣрныхъ усилій, связанныхъ съ насильственнымъ отрываніемъ его отъ тетрадей, его можно было укладывать въ постель часа въ четыре и даже въ пять — шесть утра и такъ изо-дня въ день, при чемъ его нервное здоровье съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже. Видно было, что юноша окончательно заучился, и приходилось думать уже не объ ученьи, а о здоровьи, ибо надвинулся тяжелый нервный недугъ. Юношу всѣ въ гимназіи любили, учителя признавали его первымъ ученикомъ, и, узнавъ объ его болѣзни, обѣщали ходатайствовать о предоставленіи ему окончить гимназію безъ экзамена, давъ отличный аттестатъ. Но ничего не помогало. Юноша не могъ успокоиться, просиживая дни и ночи за сочиненіями и постоянно терзаясь «муками слова».

Когда отецъ пріѣхалъ ко мнѣ съ нимъ въ Петроградъ, я, убѣдившись, что недугъ его объясняется тѣмъ, что онъ не выдержалъ семилѣтней школьной жизни на пятеркахъ, обратился къ отцу съ нѣкоторымъ упрекомъ, что не нужно было побуждать его къ чрезмѣрнымъ занятіямъ. Но отецъ, очень образованный человѣкъ, врачъ по образованію и въ то же время раввинъ, отвѣтилъ мнѣ, что онъ никогда и не думалъ побуждать его къ усиленнымъ занятіямъ, но, заявилъ онъ, въ

знаете, вездѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ процентная норма, юноша всегда мечталъ пройти высшую школу, и онъ самъ сталъ добиваться, во что бы то ни стало, быть первымъ ученикомъ гимназіи, иначе онъ не могъ бы попасть въ университетъ. Это было въ то время, когда еще не было пресловутой жеребьевки, введенной министромъ Кассо.

Нечего говорить, что заучившихся юношей приходится встрѣчать сотнями, но въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, дѣло шло о тяжеломъ недугѣ, вызванномъ ничѣмъ инымъ, какъ процентной нормой. Къ счастью, юноша спустя много мѣсяцевъ поправился и, получивъ блестящій аттестатъ, имѣлъ всѣ шансы попасть въ университетъ, войдя въ процентную норму. Но произошло новое разочарованіе. Какъ-разъ въ этотъ годъ была объявлена жеребьевка для евреевъ, вступающихъ въ высшія правительственныя учебныя заведенія. Юноша долго метался, не зная, что дѣлать. Едва удалось его уговорить поступить вмѣсто университета въ музыкальную школу, ибо онъ проявлялъ также недюжинное музыкальное дарованіе.

Такъ пришлось крайне способному юношѣ подавить въ себѣ стремленіе къ высшему благу — стремленіе подняться изъ мрака къ свѣту, получивъ высшее образованіе, вслѣдствіе чего, естественно, была исковеркана для него вся его будущая жизнь. Спрашивается, сколько такихъ или подобныхъ жертвъ ограничительной системы пріема евреевъ въ высшія учебныя заведенія,— трудно даже и перечесть. Въ лучшемъ случаѣ, молодой человѣкъ изъ евреевъ, не попавшій подъ норму, при первой возможности уѣзжаетъ за границу, обогащая за свое образованіе и матеріально, и духовно заграничные университеты и служа въ своемъ лицѣ невольнымъ свидѣтельствомъ государственнаго нестроенія собственной страны. Въ какой мѣрѣ страдалъ отъ этого престижъ русской государственности за границей ясно для всякаго, особенно, если принять во вниманіе, что и за границей русская еврейская молодежь оказывалась какъ бы внѣ покровительства русскихъ властей въ лицѣ ихъ дипломатическихъ представителей. Нужно ли говорить, въ какомъ духѣ перевоспитывается еврейская молодежь въ заграничныхъ университетахъ, и съ какими чувствами она, послѣ многихъ мытарствъ и нерѣдко всевозможныхъ лишеній, возвращается, въ концѣ-концовъ, къ родному гнѣзду и неуютному, и непривлекательному, но все же притягивающему къ себѣ роковой силой семейныхъ, экономическихъ и иныхъ связей.

Но лучше ли положенiе тѣхъ, которые, во что бы то ни стало, стремятся достичь высшаго образованiя у себя на родинѣ, не претендуя ни на какiя права, связанныя съ этимъ образованiемъ. Для этой цѣли служатъ частныя высшiя школы, но эти школы имѣются лишь въ столицахъ и большихъ городахъ, и вотъ для несчастной еврейской молодежи начинается въ этомъ случаѣ волокита съ правомъ жительства, которая до сихъ поръ еще заявляетъ о себѣ въ полной мѣрѣ въ обѣихъ столицахъ. Дѣло идетъ о добыванiи приказчичьихъ и иныхъ свидѣтельствъ, отыскиванiи учрежденiй, которыя приняли бы къ себѣ, хотя бы въ видѣ прислуги, учащагося еврея или еврейку. Начинаются безконечныя скитанiя по полицейскимъ участкамъ съ неизбѣжными подачками для умилостивленiя дворниковъ и прочаго причастнаго къ дѣлу персонала, нерѣдко съ проведенiемъ безсонныхъ ночей на улицѣ и т. п. Но извѣстны факты еще болѣе ужасные. Бывали случаи, когда невинныя дѣвушки для законнаго пребыванiя въ Петроградѣ должны были выхлопатывать желтый билетъ и подвергать себя позорной процедурѣ освидѣтельствованiя, гдѣ врачъ послѣ осмотра цѣломудренной дѣвушки узнавалъ горькую истину о причинѣ ея явки на освидѣтельствованiе.

Послѣ этого стоитъ ли говорить о другихъ моральныхъ униженiяхъ, связанныхъ съ погоней за образованiемъ, доводящихъ еврейскую молодежь иногда даже до самоубiйства?

Остается лишь спросить, кому и для чего нужна эта утонченная система инквизицiи и какiе она приноситъ плоды въ сознанiи населенiя о государственно-правовомъ положенiи одной его части, несущей, однако, всѣ государственныя повинности наравнѣ съ прочими частями населенiя. Послѣдовавшее въ связи съ современными тяжелыми событiями нѣкоторое смягченiе положенiя учащейся еврейской молодежи въ смыслѣ расширенiя прiема въ правительственныя учебныя заведенiя вмѣстѣ съ разрѣшенiемъ права жительства въ городахъ, исключая, однако, обѣ столицы, является лишь слабымъ просвѣтомъ въ густой непроглядной тьмѣ недавняго прошлаго, но, спрашивается, предвѣщаетъ ли этотъ просвѣтъ появленiе свѣтлой зари на нашемъ горизонтѣ? Будемъ надѣяться, что заря дѣйствительно взойдетъ и взойдетъ скоро.

В. Бехтеревъ.

ПАСХАЛЬНАЯ ВСТРѢЧА.

То, что я хочу разсказать, случилось въ мартѣ этого года, въ Варшавѣ, но все же мой разсказъ многимъ покажется невѣроятнымъ. Въ жизни случаются совпаденія, на которыхъ ни одинъ романистъ не рѣшился бы основать свое повѣствованіе. Къ числу такихъ причудливыхъ совпаденій относится и фактъ, сообщенный мнѣ нѣсколькими очевидцами, людьми простыми, нисколько не склонными къ мистификаціямъ.

У евреевъ существуетъ обычай, чтобы въ праздникъ Пасхи зажиточныя лица приглашали къ своему столу бѣдняковъ, находящихся въ чужомъ городѣ. Объясняется этотъ обычай тѣмъ, что въ дни Пасхи евреи, по закону, должны ѣсть особыя блюда, которыя нельзя получить, живя въ гостиницѣ, въ чужой семьѣ и т. п. За обѣдомъ у богатыхъ людей въ праздникъ такихъ приглашенныхъ собирается иногда 15—20 человѣкъ. Особенно охотно приглашаютъ къ столу (и въ мирное время) евреевъ-солдатъ, такъ какъ они уже навѣрное лишены семейной обстановки.

Въ Варшавѣ живетъ старушка-еврейка, Р., добрая, сердобольная женщина, съ нѣкоторымъ достаткомъ. У нея есть сынъ, который имѣлъ какія-то дѣла съ однимъ полковникомъ, и этотъ полковникъ нѣсколько разъ посылалъ къ Р. съ порученіями своего денщика-еврея. Передъ Пасхой старушка Р. увидѣла въ своемъ домѣ этого денщика и спросила его, есть ли у него въ Варшавѣ знакомые, у которыхъ онъ могъ бы обѣдать въ праздники. Денщикъ отвѣтилъ, что никого знакомыхъ въ Варшавѣ у него нѣтъ, и старушка, согласно съ обычаемъ, пригласила его къ себѣ въ домъ.

На слѣдующій день, за обѣдомъ, солдатъ-денщикъ разсказалъ, что у него есть,—вѣрнѣе—былъ,—младшій братъ, почти юноша, пошедшій на войну добровольцемъ. Юноша участвовалъ

въ одномъ сраженіи, въ Восточной Пруссіи, еще въ самомъ началѣ войны, и послѣ боя пропалъ безъ вѣсти. Сначала надѣялись, что онъ былъ раненъ и попалъ въ плѣнъ, потомъ, не получая о немъ никакихъ извѣстій, увѣрились, что онъ убитъ. Солдатъ-денщикъ разсказывалъ о своемъ младшемъ братѣ съ большимъ чувствомъ и говорилъ, что до сихъ поръ не рѣшается сообщить объ его смерти матери: юноша всегда былъ ея любимцемъ, и для нея будетъ невыносимымъ ударомъ узнать, что его нѣтъ въ живыхъ.

Вечеромъ старушка Р., проходя по улицѣ, увидѣла молоденькаго солдата, блѣднаго, изможденнаго, въ истрепанной шинели. Узнавъ, что солдатъ — еврей, старушка къ нему обратилась съ вопросомъ, есть ли у него гдѣ обѣдать въ праздникъ. Молоденькій солдатъ тоже отвѣтилъ, что обѣдать ему негдѣ и что по этой причинѣ онъ голодаетъ, такъ какъ не хочетъ въ праздникъ ѣсть запрещенное евреямъ. При этомъ солдатъ добавилъ, что онъ былъ въ началѣ войны раненъ въ одномъ бою, попалъ въ плѣнъ къ нѣмцамъ, недавно бѣжалъ отъ нихъ и теперь старается разыскать свой полкъ. Старушка и этого солдатика пригласила къ себѣ.

Нетрудно догадаться, что молоденькій солдатъ оказался пропавшимъ безъ вѣсти братомъ денщика. На другой день братья неожиданно встрѣтились за столомъ. Денщикъ немного запоздалъ къ обѣду и, войдя въ столовую, вдругъ увидѣлъ среди прочихъ гостей своего брата, смерть котораго уже оплакалъ. Денщикъ сначала не повѣрилъ своимъ глазамъ, думалъ, что это — случайное сходство, но и младшій братъ былъ столь же пораженъ встрѣчей, всталъ, поблѣднѣвъ, изъ-за стола, хотѣлъ спросить и не могъ. Потомъ начались объясненія, слезы, изумленныя восклицанія присутствующихъ и т. д.

Не удивительно, конечно, что тяжело раненый остался живъ и что плѣнный, проведя въ плѣну нѣсколько мѣсяцевъ, бѣжалъ: такихъ случаевъ можно насчитать тысячи и тысячи. Не удивительно и то, что солдатъ-еврей, бѣжавшій изъ нѣмецкаго плѣна, попалъ, въ поискахъ своего полка, именно въ Варшаву и здѣсь былъ приглашенъ въ дни Пасхи на обѣдъ какой-то сердобольной старушкой-еврейкой. Но много ли вѣроятности, чтобы это оказалась та самая старушка, у которой обѣдаетъ именно его братъ? Бѣглецъ легко могъ попасть въ тысячу другихъ еврейскихъ домовъ: и поразительной встрѣчи не произошло бы. Къ этому надо добавить, что юношѣ совершенно случайно уда-

лось бѣжать именно передъ праздниками Пасхи; не будь этой случайности, онъ вовсе не бѣжалъ бы или бѣжалъ бы позже. Кромѣ того, и денщикъ попалъ въ Варшаву на Пасху также случайно: со своимъ полковникомъ онъ обычно находится на фронтѣ, на позиціяхъ, и лишь изрѣдка имъ приходится бывать, по дѣламъ полка, въ городѣ... Если соединить всю эту цѣпь случайностей, надо будетъ сказать, что встрѣтиться въ одной комнатѣ двумъ братьямъ было не больше вѣроятія, чѣмъ, взявъ одну карту изъ десяти колодъ, потомъ наудачу вынуть такую же: опять пиковаго туза или опять червонную двойку.

Валерій Брюсовъ.

СІОНЪ.

Загоритъ, заблеститъ лучъ денницы:
И кимвалъ, и тимпанъ, и цѣвницы,
И сребро, и добро, и святыню,
Понесемъ въ старый домъ, въ Палестину.
(См. *Ѳ. М. Достоевскій*. Дневникъ писателя 1877 г.).

Есть священные символы и міровыя идеи, которыя заставляютъ дрожать самыя сокровенныя струны сердца: такое значеніе имѣетъ, напр., христіанскій Царьградъ и крестъ на св. Софіи, или освобожденіе изъ рукъ невѣрныхъ Гроба Господня. Подобное же значеніе должно имѣть для іудейскаго *и* христіанскаго сердца (я трижды подчеркиваю это *и*) вопросъ о Палестинѣ и устроеніи Израиля на землѣ, ему Богомъ данной и обѣтованной. Въ дни великихъ міровыхъ свершеній, когда обнажаются сокровенные корни исторіи, опять загорѣлась и эта идея, выступилъ на поверхность и этотъ вопросъ, какъ очередной, близкій, подлежащій разрѣшенію, если не сегодняшняго, то завтрашняго дня. Постановка вопроса о предоставленіи Палестины, въ той или иной политической формѣ (и, конечно, за исключеніемъ величайшихъ христіанскихъ святынь), въ качествѣ національнаго жилища, Израилю, волнуетъ душу совершенно исключительнымъ волненіемъ, ибо съ духовными судьбами Израиля таинственно и непреложно связаны и судьбы христіанскаго міра. Не земные расчеты на власть, богатство и вліяніе руководятъ тѣми представителями еврейскаго народа, которые справедливо видятъ въ преодолѣніи „голуса", діаспоры, разсѣянія основу духовнаго возрожденія своего народа и жаждутъ не только освобожденія отъ „черты осѣдлости", или новаго права на разсѣяніе, но и осѣдлости, права на самобытное существованіе. Объ этой вѣрности евреевъ Сіону зналъ Достоевскій, который писалъ (послѣ приведенныхъ стиховъ Кукольника): „все это, повторяю, я слышалъ какъ легенду,

но я вѣрю, что суть дѣла существуетъ непремѣнно, особенно въ цѣлой массѣ евреевъ, въ видѣ инстинктивно-неудержимаго влеченія". И не меньше, конечно, зналъ про это Вл. Соловьевъ, по изображенію котораго, въ послѣднюю эпоху исторіи Палестина является автономною областью, населенною и управляемою преимущественно евреями"; имъ онъ приписываетъ и послѣднее возстаніе противъ всемірнаго императора-антихриста. Сіонизмъ, какъ національное движеніе среди еврейства, необходимо приведшее къ постановкѣ вопроса о мѣстѣ осѣдлости, и, въ концѣ-концовъ, о Сіонѣ, возникло въ концѣ прошлаго вѣка—не только подъ вліяніемъ антисемитизма и преслѣдованій, но и въ неменьшей мѣрѣ вслѣдствіе страха предъ ассимиляціей и обмірщеніемъ іудейства, при которомъ, по характерному выраженію одного еврейскаго же писателя, „современный еврей не знаетъ больше, почему онъ еврей, почему онъ долженъ оставаться евреемъ", такъ что, „чтобы сохранить евреевъ для еврейства, имѣются только два средства: внѣшнее угнетеніе или прекращеніе діаспоры" [1]).

Предоставленіе евреямъ возможности образовать подъ покровительствомъ могущественнѣйшихъ государствъ Европы прочный національный центръ, возстановить здѣсь полную національную жизнь со своимъ языкомъ, хозяйствомъ, правомъ, создать, по выраженію компетентнаго изслѣдователя положенія евреевъ Руппина [2]), „зерно національной кристаллизаціи" (einen nationalen Kristallisationskern schaffen), не должно разсматриваться, какъ средство разрѣшенія „еврейскаго вопроса" во внутренней жизни европейскихъ государствъ, въ частности въ Россіи, и такъ не смотрятъ, прежде всего, сами сіонисты, которые нисколько не тѣшатся мыслью увлечь за собой въ Палестину значительное большинство своихъ соотечественниковъ [3]). Какъ мѣсто для колонизаціи, Па-

---

[1]) Д-ръ *Цольшанъ*. Расовая проблема (съ теоретическимъ обоснованіемъ еврейскаго вопроса). Москва. 1914. Стр. 422, 441.

[2]) *Artur Ruppin*. Die Juden der Gegenwart. Eine socialwissenschaftliche Studie. 2 Auflage. Köln und Leipzig. 1911. Стр. 297. Здѣсь см. превосходную статистическую характеристику положенія современнаго еврейства.

[3]) „Если бы часть евреевъ выселилась изъ Европы въ Палестину, повторился бы тотъ же процессъ возвращенія, который почти 2500 лѣтъ назадъ вернулъ часть евреевъ изъ вавилонскаго плѣна въ Палестину. Какъ нынѣ Европа, такъ и тогда Вавилонъ былъ центромъ высокой культуры и— ассимиляціи евреевъ. Лишь малая часть могла рѣшиться промѣнять благополучіе Вавилона на палестинскую пустыню, какъ это произошло бы съ европейскими евреями и теперь. И все же тогда изъ этой горсти евреевъ выросъ еврейскій народъ со своей собственной культурой". (Ruppin, стр. 273).

лестина въ ближайшемъ будущемъ не могла бы получить даже приблизительно того значенія, какое имѣетъ, напр., Америка. Допустимъ, что еврейскій вопросъ, какъ правовая и экономическая проблема, разсматриваемая съ точки зрѣнія „правъ человѣка и гражданина", получитъ самое радикальное разрѣшеніе въ смыслѣ полнаго уравненія правъ, но этимъ онъ ни въ малой степени не будетъ рѣшенъ *духовно*, напротивъ, онъ тогда только поставится съ новой остротой и въ общемъ сознаніи, и въ самосознаніи діаспоры, которой предстанетъ выборъ между ассимиляціей и національнымъ вымираніемъ (что мнѣ представляется совершенно не возможнымъ), или же открытымъ утвержденіемъ своего національнаго лика, а въ связи съ послѣднимъ необходимо въ концѣ концовъ возникаетъ и вопросъ о національномъ центрѣ. Такимъ священнымъ центромъ еврейства единственно и исключительно является Палестина,—земля, отданная Израилю самимъ Богомъ.

Въ писаніяхъ пророковъ, которыя одинаково чтутся христіанскимъ и еврейскимъ міромъ, повидимому, имѣются прямыя указанія на чаянія, нынѣ возникающія. Въ нихъ Земля Іудова *вторично* обѣщается Израилю. „И будетъ—читаемъ мы въ пророчествѣ Исаіи—въ тотъ день: Господь снова прострётъ руку Свою, чтобы возвратить Себѣ остатокъ народа Своего, какой останется у Ассура, и въ Египтѣ, и въ Патросѣ, и у Хуса, и у Елама, и въ Сеннаарѣ, и въ Емаѳѣ, и на островахъ моря. И подниметъ знамя язычникамъ, и соберетъ изгнанниковъ Израиля, и разсѣянныхъ Іудеевъ созоветъ отъ четырехъ концовъ земли". (Исаіи 11, 10—12). „Послѣ многихъ дней ты понадобишься; въ послѣдніе годы ты придешь въ землю, избавленную отъ меча, собранную изъ многихъ народовъ, на горы Израилевы, которыя были въ постоянномъ запустѣніи, но теперь жители ея будутъ возвращены изъ народовъ, и всѣ они будутъ жить безопасно". (Езек., 38, 8). И это наши *общія пророчества*, христіанскія и іудейскія: неужели приближается ихъ исполненіе?

Была вѣдь діаспора и въ эпоху второго Храма Іерусалимскаго, но тогда въ немъ имѣла она средоточіе свое и сердце свое. И существованіе подобнаго центра поможетъ и теперь Израилю совершить свою внутреннюю работу, побѣдить трагическую раздвоенность и духовную борьбу, которая во всѣ времена шла въ душѣ Израиля. Величайшая трудность для сіонизма состоитъ теперь въ томъ, что онъ не въ силахъ вернуть утрачиваемую вѣру отцовъ и принужденъ базироваться на національномъ, или культурно-этнографическомъ принципѣ, на которомъ

не можетъ утвердиться никакая дѣйствительно великая народность, а ужъ тѣмъ болѣе еврейская. Ибо воистину правъ былъ Достоевскій, когда писалъ: „Да и нельзя даже представить себѣ еврея безъ Бога." Онъ даже прибавляетъ: „мало того, не вѣрю я даже и въ образованныхъ евреевъ-безбожниковъ" (чего я не могъ бы за нимъ повторить). Возможность остаться наединѣ съ собой, внѣ атмосферы діаспоры, на той священной землѣ, которая хранитъ въ себѣ останки Авраама, Исаака и Іакова, и здѣсь прислушаться къ голосу своего религіознаго сознанія,—не явится ли для Израиля началомъ спасительнѣйшаго религіознаго самоиспытанія и самоочищенія, новаго духовнаго рожденія? Имѣемъ о семъ непреложное пророчество, о которомъ никогда *не слѣдуетъ* забывать, трепетно склоняясь предъ судомъ Божьяго избранія: „Не хочу оставить васъ, братія, въ невѣдѣніи тайны сей, что ожесточеніе произошло въ Израилѣ отчасти, до времени, пока войдетъ полное число язычниковъ. И такъ весь Израиль спасется, какъ написано: пріидетъ отъ Сіона Избавитель, и отвратитъ нечестіе отъ Іакова" (Рим. 11, 25—6).

Близятся времена и сроки. На историческомъ небѣ загорѣлись новыя идеи, въ ряду съ другими священными именами исторіи произносится и святое имя Сіона. Есть признаки, что „еврейскій вопросъ" въ развитіи событій вступаетъ въ новое обостреніе, и трагическая его безвыходность въ діаспорѣ ощущается съ новой силой. И въ это время, когда загорается лучъ Будущаго, появляется надежда на возможность новой постановки вѣчнаго вопроса. О, пусть она не обманетъ!

Сергій Булгаковъ.

23 марта 1915.

ДЕНЬ ГНѢВА

Апокалипсисъ, 6.

...И Агнецъ снялъ четвертую печать.
И услыхалъ я голосъ, говорившiй:
„Возстань. Смотри“. И я взглянулъ: конь блѣденъ,
На немъ же мощный всадникъ—Смерть. И Адъ
За нею шелъ, и власть у ней была
Надъ четвертью земли, да умерщвляетъ
Мечомъ и гладомъ, моромъ и звѣрями.
И пятую онъ снялъ печать. И видѣлъ
Я подъ престоломъ души убiенныхъ,
Вопившiя: „Доколѣ, о Владыко,
Не судишь ты живущихъ на землѣ
За нашу кровь?“ И были имъ даны
Одежды бѣлоснѣжныя, и было
Имъ сказано: да почiютъ, покуда
Сотрудники и братья ихъ умрутъ,
Какъ и они, за словеса Господни.
Когда же снялъ шестую онъ печать,
Взглянулъ я вновь, и вотъ—до основанiй
Потрясся мiръ, и солнце стало мрачно,
Какъ вретище, и ликъ луны—какъ кровь:
И звѣзды устремились внизъ, какъ въ бурю
Незрѣлый плодъ смоковницы, и небо
Свилось, какъ свитокъ хартiи, и горы,
Колеблясь, съ мѣста двинулись; и всѣ
Цари земли, вельможи и владыки,
Богатые и сильные, рабы
И вольные—всѣ скрылися въ пещеры,
Въ ущелья горъ, и говорятъ горамъ
И камнямъ ихъ: „Падите и сокройте
Насъ отъ лица сидящаго во славѣ
И гнѣвѣ Агнца: ибо настаетъ
Великiй день Его всесильной кары!“

И. Бунинъ.

ТОРА.

Былъ съ Богомъ Моисей на дикой горной кручѣ,
У вратъ небесъ стоялъ, какъ въ жертвенномъ дыму:
Сползали по горѣ грохочущія тучи—
И въ голосѣ громовъ Богъ говорилъ ему.

Мѣшалось солнце съ тьмой, основы скалъ дрожали,
И видѣлъ Моисей, какъ зиждилась Она:
Изъ бѣлаго огня—раскрытыя скрижали,
Изъ чернаго огня—святыя письмена.

И стиль,—незримый стиль, чертившій ихъ узоры,—
Богъ о главу Вождя склоненнаго отеръ,
И въ пламенномъ вѣнцѣ шелъ воспріемникъ Торы
Къ народу своему, въ свой станъ и свой шатеръ.

Воспойте пѣснь Ему! Онъ радостнѣй и краше
Свѣтильника Седьми предъ Божьимъ алтаремъ:
Не отъ него-ль зажгли мы пламенники наши,
Ни свѣта, ни огня не уменьшая въ немъ?

И. Бунинъ.

ГРОБНИЦА РАХИЛИ.

«И умерла, и схоронилъ Іаковъ
Ее въ пути»... И на гробницѣ нѣтъ
Ни имени, ни надписей, ни знаковъ.

Ночной порой въ ней свѣтитъ слабый свѣтъ,
И куполъ гроба, выбѣленный мѣломъ,
Таинственною блѣдностью одѣтъ.

Я приближаюсь въ сумракѣ несмѣломъ
И съ трепетомъ цѣлую прахъ и пыль
На этомъ камнѣ женственномъ и бѣломъ...
Сладчайшее изъ словъ земныхъ! Рахиль!

И. Бунинъ.

* * *

Софія, проснувшись, заплетала ловкой,
Голубой рукою пряди черныхъ косъ.
«Всѣ меня ругаютъ, Магометъ, жидовкой!»
Говоритъ сквозь слезы, не стирая слезъ.
Магометъ, съ усмѣшкой и любовью глядя,
Отвѣчаетъ кротко: «Ты скажи имъ, другъ,—
Авраамъ—отецъ мой, Моисей—мой дядя,
Магометъ—супругъ...»

И. Бунинъ.

СТОЛПЪ ОГНЕННЫЙ.

Въ пустынѣ долго, долго мы блуждали,
Томительно намъ знойный день свѣтилъ,
Во мглистыя сверкающія дали
Туманный Столпъ предъ нами уходилъ.
Но пала ночь, — и скрылся столпъ туманный,
Миражъ исчезъ, сильнѣе дышитъ грудь —
И Пламенемъ къ землѣ обѣтованной
Намъ Ягве указуеетъ путь!

И. Бунинъ.

НѢМЕЦКІЕ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ О ДУХОВНОЙ ЦѢННОСТИ ЕВРЕЕВЪ.

Нѣтъ надобности, кажется, распространяться о важномъ значеніи еврейской духовной культуры въ исторіи развитія такъ-называемыхъ христіанскихъ народовъ. Достаточно указать на тотъ фактъ, что христіанская церковь почитаетъ древнихъ еврейскихъ мудрецовъ и политиковъ за первоположниковъ своего ученія, и что древняя исторія евреевъ преподается въ нашихъ школахъ, какъ священная.

Изъ этого уже нетрудно à priori заключить, что еврейская раса должна обладать богатыми духовными задатками, и такое заключеніе находитъ многочисленныя подтвержденія въ фактахъ участія евреевъ въ разнообразнѣйшихъ областяхъ научной и практической дѣятельности европейскихъ народовъ. Косвеннымъ доказательствомъ высказаннаго положенія служитъ и широко развившійся въ послѣднее время антисемитизмъ, ибо активно-враждебное къ себѣ отношеніе врядъ ли можетъ вызвать малоцѣнное въ культурномъ смыслѣ племя. Такое племя не будетъ ни выдаваться своими особенностями среди его согражданъ, не стоять на ихъ жизненномъ пути, какъ опасный соперникъ.

Европейскій антисемитизмъ не остановился, однако, передъ приниженіемъ духовной цѣнности евреевъ и причислилъ ихъ къ низшей интеллектуально и морально расѣ. И хотя представители такого взгляда пытаются обосновать его научными якобы данными, но истинный его смыслъ разъясняется уже тѣмъ, что главными основателями и проповѣдниками утвержденія о духовной малоцѣнности евреевъ являются такіе столпы воинственнаго антисемитизма, какъ Дюрингъ, Рих. Вагнеръ и онѣмечившійся англичанинъ Чэмберленъ.

Германія является главнымъ очагомъ «научнаго» антисемитизма, доставляя аргументы для антисемитской пропаганды всему свѣту, въ томъ числѣ и русскимъ ненавистникамъ

евреевъ. Интереснымъ поэтому—въ качествѣ испытанія научной цѣнности ученія о евреяхъ, какъ о низшей расѣ,—представляется вопросъ о томъ, какіе слѣды оставила проповѣдь культурной малоцѣнности еврейскаго племени въ сознаніи выдающихся ученыхъ, мыслителей и политическихъ дѣятелей этой страны, и какого мнѣнія о цѣнности евреевъ держатся эти представители. Нѣкоторый матеріалъ для освѣщенія даннаго вопроса находится въ изданной нѣсколько лѣтъ назадъ въ Германіи и переведенной на русскій языкъ книжкѣ, заключающей результаты анкеты, произведенной евреемъ Ландсбергеромъ (при участіи Зомбарта) среди выдающихся представителей нѣмецкой интеллигенціи по вопросу о томъ, какихъ можно ожидать послѣдствій (въ духовномъ, политическомъ и научномъ отношеніяхъ) отъ ассимиляціи евреевъ или ихъ исхода изъ Европы, согласно предположеніямъ сіонистовъ. Большая часть отвѣтовъ на заданные вопросы составлена лаконично или догматично. Но нѣкоторые корреспонденты Ландсбергера считали нужнымъ болѣе или менѣе подробно мотивировать свои мнѣнія и высказались по еврейскому вопросу вообще, и о духовномъ типѣ евреевъ въ частности. Въ настоящей замѣткѣ мы извлечемъ изъ анкеты Ландсбергера *) (а также изъ брошюры Зомбарта «Будущность еврейскаго народа») нѣсколько данныхъ для характеристики общаго значенія еврейской расы для соціально-моральнаго развитія Германіи, какъ оно рисуется выдающимися представителями германской мысли.

Нѣмецкая буржуазная интеллигенція относится къ евреямъ, какъ фактору соціальнаго быта Германіи, въ общемъ, не совсѣмъ доброжелательно. Причины такого отношенія, насколько можно судить на основаніи названныхъ выше источниковъ, кроются, между прочимъ, въ древнихъ предразсудкахъ и расовомъ антагонизмѣ; въ успѣшной конкуренціи евреевъ съ неевреями на различныхъ поприщахъ дѣятельности, обостренной фактомъ сосредоточенія евреевъ, преимущественно, въ нѣкоторыхъ районахъ и въ нѣкоторыхъ профессіяхъ; въ уязвленномъ самолюбіи народа «хозяина», явно отступающаго въ нѣкоторыхъ важныхъ отношеніяхъ передъ народомъ «гостемъ»; въ опасеніи «искаженія» подъ вліяніемъ евреевъ духовнаго національнаго типа нѣмцевъ и т. д. Но такое небезпристрастное отношеніе къ евреямъ очень многихъ нѣмецкихъ интеллигентовъ

*) „Крещеніе евреевъ“ Москва. 1912.

не помѣшало высокой оцѣнкѣ ими — даже открытыми антисемитами — духовнаго типа евреевъ и положительнаго значенія ихъ для моральнаго состоянія нѣмцевъ.

Евреямъ приписывается нѣмецкими интеллигентами прежде всего важная роль среди спокойныхъ сѣверныхъ народовъ, какъ людямъ, обладающимъ южнымъ горячимъ, возбуждающимъ темпераментомъ.

«Мы (нѣмцы) должны быть обязаны случаю (или Провидѣнію) за не совсѣмъ скудное присоединеніе еврейскаго элемента», — высказываетъ Зомбартъ. «И именно тамъ, гдѣ мы сохранили германскія особенности въ особой чистотѣ, — кусокъ Востока, проникающій вмѣстѣ съ евреями въ нашу сѣрую сѣверную страну, пріобрѣтаетъ для насъ значеніе настоящаго освѣженія, ибо, чистая «бѣлокурость» могла бы, въ концѣ-концовъ, привести насъ къ вырожденію». Съ чисто физической стороны «мы не хотѣли бы лишиться типичныхъ Юдифей и Миріамъ»; въ духовной области «мы были бы подвержены опасности задохнуться въ своей «бѣлокурости», если бы не чувствовали вокругъ себя горячихъ восточныхъ душъ нашихъ еврейскихъ согражданъ. Пылкій темпераментъ, возбужденная предпріимчивость, особая духовная подвижность, — все это необходимо для нашей культуры, какъ мукѣ необходима закваска, чтобы стать хлѣбомъ», заключаетъ Зомбартъ. — Сынъ «зноной пустыни» долженъ время отъ времени пробуждать «сына болотъ и лѣсовъ», чтобы онъ не уснулъ непробуднымъ сномъ, — такъ выражаетъ ту же мысль другой корресподентъ Ландсбергера, Карлъ Іентшъ, прибавляя, что такая миссія предназначена евреямъ самимъ Богомъ. Роль бродильнаго фермента приписываетъ евреямъ и Генрихъ Маннъ, но онъ объясняетъ ее иначе. Неопредѣленность положенія евреевъ и ихъ отчужденность побуждаютъ ихъ, — говоритъ Маннъ, — «блистать умомъ» и тѣмъ подымать себя въ глазахъ окружающихъ. А это служитъ возбуждающимъ средствомъ для ихъ нееврейскихъ согражданъ. Имѣя въ виду такую роль евреевъ, Маннъ горячо протестуетъ противъ полной ассимиляціи евреевъ съ германцами, результатомъ которой было бы исчезновеніе мотивовъ къ интеллектуальному превосходству евреевъ. Что будетъ, спрашиваетъ онъ, съ «хозяевами», которые и теперь страдаютъ духовной ограниченностью, если евреи станутъ на болѣе низкій уровень? Что будетъ, если еврей перестанетъ быть возбуждающимъ общественную жизнь духовнымъ элементомъ, а еврейка — тѣмъ

же въ любви?. Одинаково ужасны были бы послѣдствія и полной ассимиляціи, и полнаго разрыва!»

Пылкіе, предпріимчивые, и духовно подвижные евреи не только являются ферментомъ, оживляющимъ нѣмецкую культуру вообще. Они и поддерживаютъ въ ней болѣе возвышенныя тенденціи, и эта ихъ черта обусловливается и ихъ пылкимъ темпераментомъ, и ихъ историческими судьбами.

— Восточное происхожденіе евреевъ,—высказываетъ профессоръ Альфредъ Веберъ,—обусловливаетъ различіе эмоціальной ихъ структуры. «Мы чувствуемъ ее, напр., въ той, чуждой намъ ноткѣ, съ которой они чему-либо покланяются. На полное самоотреченіе, которое дѣлаетъ ихъ сейчасъ піонерами всякаго новшества, мы не способны. Они—религіозный народъ, ихъ судьба, если не въ силу природы, то подъ вліяніемъ исторіи, стала религіозной». Подобному же черту—пылъ и воодушевленіе молодости, для которой всего дороже въ мірѣ истина, и которая, забывая себя самое, борется за эту истину»—находитъ у евреевъ и горячій противникъ нѣмецкаго еврейства, Рихардъ Нордгаузенъ.

Объ исторической судьбѣ евреевъ и значеніи ея для другихъ народовъ говорятъ и нѣкоторые другіе корреспонденты Ландсбергера.

«Есть націи, предназначенныя судьбой жить въ исторіи не самостоятельной жизнью, обреченныя въ видѣ разбросанныхъ по свѣту народныхъ остатковъ оказывать вліяніе на культуру другихъ», пишетъ профессоръ Іосифъ Колеръ, въ молодости сдѣлавшійся подъ вліяніемъ «горячихъ рѣчей» Рих. Вагнера и Трейчке антисемитомъ, но потомъ отдѣлавшійся отъ этого настроенія. Однимъ изъ такихъ народовъ были кельты, много давшіе нѣмцамъ, австрійцамъ, французамъ и англичанамъ. Къ числу такихъ же народовъ принадлежатъ и евреи—«одна изъ одареннѣйшихъ расъ, какія знаетъ человѣчество».

«Какой огромный пробѣлъ образовался бы въ человѣческомъ мірѣ, если бы еврейская нація исчезла!»—восклицаетъ Зомбартъ. Еврейскій народъ «превосходитъ всѣ другіе по значенію и глубинѣ своей судьбы». «Начиная съ пророческой эпохи, еврейскій народъ вносилъ этическій тонъ въ концертъ человѣчества, и въ наше время этотъ тонъ вносится лучшими его сынами. Великій трагическій пафосъ, облагораживающій матеріальный міръ, происходитъ, вѣдь, въ концѣ-концовъ, изъ Іудеи, и оттуда уже перенесся въ христіанство. Противупоставить элли-

низму великій контрастъ—вотъ задача Израиля въ прошломъ и настоящемъ... Какъ обнищалъ бы міръ, если бы въ немъ остались (послѣ ассимиляціи евреевъ) одни только американцы-зубоскалы или даже одни смѣющіеся греки. Мы не хотимъ лишиться когда бы то ни было глубокихъ, грустныхъ еврейскихъ глазъ ибо, вмѣстѣ съ ними исчезли бы и другія красоты: удивительная меланхолія еврейской поэзіи, проявившаяся для насъ въ творчествѣ Гейне, еврейскій юморъ и многое другое, что намъ дорого и обогащаетъ міръ».

«Еврей и нееврей—двѣ души въ груди человѣчества, вѣчно противоположныя и вѣчно необходимыя другъ другу», говоритъ Франкъ Ведекиндъ. Евреи непродуктивны въ политическомъ отношеніи и обречены вѣчно быть гостями другихъ народовъ. Но зато еврей—«создатель, учитель и виртуозъ въ области внѣгосударственной морали». Нееврей, «напротивъ того, непродуктивенъ въ моральной области и въ теченіе двухъ тысячилѣтій пользуется моралью евреевъ, которую онъ принялъ съ воодушевленіемъ, но которой внутренно совершенно чуждъ». Мысль о важномъ значеніи еврейской морали для европейскихъ народовъ выражаетъ и проф. В. Кинкель, говоря, что «еврейская религія, подобно христіанской, содержитъ столько этическихъ цѣнностей, такъ плодотворно вліяетъ на всю нашу культуру, что исчезновеніе ея означало бы большую потерю для нашего времени и для будущаго». «Кто изучалъ пророковъ Ветхаго Завѣта и другую библейскую и еврейскую литературу,—формулируетъ ту же мысль проф. Нибергаль,—тотъ знаетъ, какія могучія морально-религіозныя силы заложены въ еврействѣ». Та же въ сущности мысль высказана въ разгаръ берлинскаго антисемитизма знаменитымъ Момзеномъ. «Его взглядъ, насколько помню, сводился, вспоминаетъ д-ръ Эйленбургъ, къ тому, что Провидѣніе хорошо знало, какую цѣль Оно преслѣдуетъ, прибавляя еврейскую кровь къ нашей націи, и что нѣмцамъ принесетъ несомнѣнную пользу примѣсь двухъ процентовъ еврейскаго духа».

Приведенными выше общими мнѣніями объ евреяхъ не ограничиваются корреспонденты Ландсбергера. Многіе изъ нихъ пытаются конкретнѣе опредѣлить психическія особенности еврейской расы, коими опредѣляется поведеніе и значеніе евреевъ въ Германіи. Рихардъ Демель указываетъ, напр., на пользу, получаемую нѣмцами, благодаря «жизненному опыту, обдуманности, увѣренности, самообладанію и осторожности

евреевъ». Проф. Колеръ ищетъ объясненія того или другого участія евреевъ въ германской жизни, въ «громадной силѣ діалектики», имъ будто бы присущей. Эверсъ находитъ у евреевъ сильно развитое критическое чувство. Проф. Зомбартъ и Веберъ подчеркиваютъ то значеніе, какое принадлежитъ евреямъ въ прошломъ и настоящемъ Европы, въ силу присущаго имъ стремленія и способности къ раціонализированію всего, къ чему они прикасаются, и т. д. Не оставляютъ нѣмецкіе интеллигенты совершенно безъ вниманія и недостатки евреевъ— недостатки рабства, какъ выражается о нихъ проф. Нибергалъ, коими надѣлило ихъ продолжительное гетто, и которыми «потомки должны карать Европу за несправедливость, причиненную ихъ предкамъ». Мы не будемъ, однако, останавливаться на этой, сравнительно, детальной характеристикѣ евреевъ и ихъ значенія въ германскомъ быту, такъ какъ насъ интересуетъ здѣсь общая оцѣнка духовной цѣнности еврейскаго племени, противуположная той оцѣнкѣ, какая съ легкой руки Чемберлена и Ко. такъ широко распространена теперь въ Германіи. Объ отношеніи къ этой послѣдней оцѣнкѣ компетентныхъ представителей нѣмецкой интеллигенціи свидѣтельствуетъ все вышеизложенное. Но, быть-можетъ, не безынтересно подчеркнуть— какъ косвенный приговоръ цѣнности «научныхъ изслѣдованій» теоретическихъ обоснователей нѣмецкаго антисемитизма — тотъ фактъ, что изъ тридцати лицъ, отклинувшихся на призывъ Ландсбергера, не нашлось ни одного, кто бы сослался на изслѣдованія, имѣющія задачей принизить духовную цѣнность еврейской расы; и что, помимо косвеннаго признанія (логически вытекающаго изъ всего вышеизложеннаго) высокой цѣнности этой расы въ анкетѣ Ландсбергера имѣются и прямыя заявленія въ духѣ этого признанія. Мы слышали уже, напр., мнѣніе проф. Колера объ евреяхъ, какъ «одной изъ одареннѣйшихъ расъ». Проф. Зомбартъ съ своей стороны заявляетъ, что «въ еврейскомъ народѣ, разсматриваемомъ, какъ цѣлое, мы имѣемъ одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ «видовъ», произведенныхъ человѣческимъ родомъ». И даже рекомендующій себя, какъ «убѣжденнаго германскаго націоналиста», отрѣшившагося въ зрѣломъ возрастѣ «отъ гуманитарныхъ идей человѣчества» и «вполнѣ признающаго полное превосходство своей (нѣмецкой) расы», Гансъ Геницъ Эверсъ «единственной расой, равноцѣнной» нѣмецкой (не считая небольшихъ остатковъ басковъ, кельтовъ, финновъ) признаетъ евреевъ. *В. В.*

Онъ принялъ скорбь земной дороги,
Онъ первый, Онъ одинъ,
Склонясь, умылъ усталымъ ноги,
Слуга — и Господинъ.
Онъ съ нами плакалъ, — Повелитель
И суши, и морей....
Онъ царь и братъ намъ, и Учитель,
И Онъ — еврей.

З. Гиппіусъ.

*
* *

Время отъ времени — и все чаще! — обстоятельства понуждаютъ русскаго писателя напоминать соотечественникамъ своимъ нѣкоторыя неоспоримыя, азбучныя истины.

Это очень трудная обязанность — мучительно неловко говорить взрослымъ и грамотнымъ людямъ:

— Господа! Нужно быть человѣчными, человѣчность не только красива, но и полезна для васъ. Нужно быть справедливыми, справедливость — основа культуры. Необходимо заботиться объ усвоенiи идей права и гражданской свободы; — полезность усвоенiя идей этихъ наглядно доказана высотою культуры западно-европейскихъ странъ, напримѣръ — Англiи.

Необходимо также развить въ себѣ нравственную чистоплотность, воспитать чувство брезгливости къ проявленiямъ въ человѣкѣ начала зоологическаго, — однимъ изъ такихъ проявленiй является унижающая человѣка волчья вражда къ людямъ иныхъ племенъ.

Ненависть къ еврею — явленiе звѣриное, зоологическое — съ нимъ нужно дѣятельно бороться въ интересахъ скорѣйшаго роста соцiальныхъ чувствъ, соцiальной культуры.

Евреи — люди, такiе же, какъ всѣ, и — какъ всѣ люди — евреи должны быть свободны.

Человѣкъ, исполняющiй всѣ обязанности гражданина, тѣмъ самымъ заслужилъ, чтобы за нимъ были признаны и всѣ права гражданина.

Каждый человѣкъ имѣетъ права примѣнять свою энергiю во всѣхъ отрасляхъ труда, на всѣхъ поприщахъ культуры и чѣмъ шире границы личной и общественной дѣятельности, тѣмъ болѣе выигрываетъ жизнь страны въ силѣ и красотѣ.

Есть и еще цѣлый рядъ столь же простыхъ истинъ, которыя

давно должны бы войти въ плоть и кровь русскаго общества, а — все еще не вошли, не входятъ.

Повторяю — это очень тяжелое дѣло становиться въ позицію проповѣдника соціальныхъ приличій и убѣждать людей: нехорошо, недостойно васъ жить такой грязной, небрежной, азіатской жизнью — умойтесь!

И при всей любви къ людямъ, при всей жалости къ нимъ, порою застываешь въ холодномъ отчаяніи и уже съ ненавистью думается: гдѣ же эта прославленная, широкая, красивая русская душа? Такъ много говорили и говорятъ о ней, но — гдѣ же, въ чемъ дѣйственно проявляется ея ширь, ея мощь, красота? И не потому ли широка душа эта, что совершенно безформенна? Можетъ быть, именно благодаря безформенности ея, всѣ мы такъ легко поддаемся внѣшнимъ давленіямъ, столь быстро и неузнаваемо искажающимъ насъ?

Мы добродушны, какъ сами же говоримъ про себя. Но, когда присмотришься къ русскому добродушію, видишь его очень похожимъ на азіатское безразличіе.

Одно изъ наиболѣе тяжкихъ преступленій человѣка — равнодушіе, невниманіе къ судьбѣ ближняго своего; это равнодушіе особенно свойственно намъ.

Позорное для русской культуры положеніе евреевъ на Руси — это тоже результатъ нашей небрежности къ самимъ себѣ, нашего равнодушія къ строгимъ и справедливымъ запросамъ жизни.

Въ интересахъ разума, справедливости, культуры — нельзя допускать, чтобы среди насъ жили люди безправные; мы не могли бы допустить этого, если бы у насъ было развито чувство уваженія къ самимъ себѣ.

Мы имѣемъ всѣ основанія считать евреевъ нашими друзьями, намъ есть за что благодарить ихъ — много добраго сдѣлали и дѣлаютъ они на тѣхъ путяхъ, по которымъ шли лучшіе русскіе люди.

Но, не брезгуя и не возмущаясь, мы носимъ на совѣсти нашей позорное пятно еврейскаго безправія.

Въ этомъ пятнѣ—грязный ядъ клеветы, слезы и кровь безчисленныхъ погромовъ.

Я не сумѣю говорить объ антисемитизмѣ, о юдофобствѣ такъ, какъ надо бы говорить объ этомъ. Не потому не сумѣю, что нѣтъ силъ, нѣтъ словъ, а потому, что мнѣ мѣшаетъ нѣчто,

чего я не могу преодолѣть. Я нашелъ бы слова достаточно злыя, тяжелыя и острыя, чтобы бросить ихъ въ лица человѣконенавистниковъ, но для этого я долженъ спуститься въ какую-то грязную яму, поставить себя на одинъ уровень съ людьми, которыхъ я не уважаю, которые мнѣ органически противны.

Я склоненъ думать, что антисемитизмъ неоспоримъ, какъ неоспорима проказа, сифилисъ, и что міръ будетъ вылеченъ отъ этой постыдной болѣзни только культурой, которая хотя и медленно, но, всетаки, освобождаетъ насъ отъ болѣзней и пороковъ.

Это, конечно, не снимаетъ съ меня обязанности всячески бороться противъ развитія антисемитизма, всячески, въ мѣру силъ моихъ, оберегать людей отъ заразы юдофобства, ибо мнѣ близокъ еврей сегодняшняго дня, и я чувствую себя виноватымъ предъ нимъ: я одинъ изъ тѣхъ русскихъ людей, которые терпятъ угнетеніе еврейскаго народа. А это хорошій народъ, мнѣ извѣстно, что нѣкоторые изъ крупныхъ мыслителей Европы считаютъ еврея, какъ психическій типъ, культурно-выше, красивѣе русскаго.

Я думаю, что это вѣрная оцѣнка; поскольку я могу судить,— евреи больше европейцы, чѣмъ русскіе, хотя бы потому, что у нихъ глубоко развито чувство уваженія къ труду и человѣку. Меня изумляетъ духовная стойкость еврейскаго народа, его мужественный идеализмъ, необоримая вѣра въ побѣду добра надъ зломъ, въ возможность счастья на землѣ.

Старыя крѣпкія дрожжи человѣчества, — евреи всегда возвышали духъ его, внося въ міръ безпокойныя, благородныя мысли, возбуждая въ людяхъ стремленіе къ лучшему.

Всѣ люди равны; земля — ничья, а только Божья; человѣкъ въ правѣ и въ силѣ сопротивляться своей судьбѣ и даже съ Богомъ можетъ спорить, — все это написано въ еврейской Библіи, въ одной изъ лучшихъ книгъ міра. И заповѣдь любви къ ближнему тоже древняя еврейская заповѣдь, какъ и всѣ другія: не убій, не укради.

Въ 1885 г. нѣмецко-еврейскій союзъ въ Германіи опубликовалъ „Принципы еврейскаго ученія о нравственности"; вотъ одинъ изъ этихъ принциповъ: „Юдаизмъ предписываетъ — „люби ближняго, какъ самого себя" и объявляетъ эту заповѣдь любви „ко всему человѣчеству основнымъ началомъ еврейской религіи". Онъ запрещаетъ поэтому: всякаго рода враждебность, зависть, не-

доброжелательство и нелюбезное обхожденіе ко всякому, безъ различія происхожденія, національности и религіи".

Эти принципы были утверждены 350 раввинами и опубликованы, какъ разъ во время еврейскихъ погромовъ у насъ на Руси.

„Юдаизмъ повелѣваетъ: относиться съ уваженіемъ къ жизни, здоровью, силамъ и добру ближняго".

Я — русскій человѣкъ, когда я наединѣ самъ съ собою спокойно разсматриваю достоинства и недостатки мои, — мнѣ кажется, что я даже преувеличенно русскій. И я глубоко убѣжденъ, что намъ, русскимъ, и есть чему, и слѣдуетъ учиться у евреевъ.

Напримѣръ, — седьмой параграфъ „Принциповъ еврейскаго ученія о нравственности" говоритъ:

„Юдаизмъ повелѣваетъ: почитать трудъ, принимать участіе личнымъ физическимъ или духовнымъ трудомъ въ дѣятельности общественной, искать жизненныхъ благъ въ постоянствѣ труда и творчества. Онъ требуетъ поэтому ухода за нашими силами и способностями, совершенствованія ихъ и дѣятельнаго примѣненія. Онъ запрещаетъ поэтому — всякое праздное, не основанное на трудѣ удовольствіе, праздность — въ надеждѣ на помощь другихъ".

Это прекрасно, мудро и какъ разъ — то самое, чего не достаетъ намъ, русскимъ. Если бы мы умѣли воспитывать наши недюжинныя силы и способности, если бы хотѣли дѣятельно примѣнять ихъ въ нашей неустроенной, нечистоплотной жизни, страшно засоренной всяческой праздной болтовней и доморощенной философіей, которая все больше и больше насыщается весьма неумной заносчивостью и ребячливымъ хвастовствомъ! Гдѣ-то въ глубинѣ души русскаго человѣка — все равно баринъ онъ или мужикъ — живетъ маленькій и скверный бѣсъ пассивнаго анархизма, онъ внушаетъ намъ небрежное и безразличное отношеніе къ труду, обществу, народу, къ самимъ себѣ.

Я увѣренъ, что мораль юдаизма очень помогла бы намъ побороть этого бѣса. Если мы хотимъ побороть его.

Въ ранней юности я прочиталъ—не помню гдѣ—слова древнееврейскаго мудреца—Гиллеля, если не ошибаюсь:

„Если ты не за себя, то кто же за тебя? Но если ты только для себя—зачѣмъ ты?"

Смыслъ этихъ словъ показался мнѣ глубоко мудрымъ, и я истолковалъ его для себя такъ: я долженъ самъ дѣйственно заботиться о томъ, чтобы мнѣ жилось лучше, я не долженъ воз-

лагать заботъ о самомъ себѣ на чужія плечи. Но если я стану заботиться только о себѣ, только о моей, личной жизни—эта жизнь будетъ безполезна, некрасива и лишена смысла.

Это очень крѣпко въѣлось въ душу мою, и я увѣренно говорю—мудрость Гиллеля была крѣпкимъ посохомъ въ пути моемъ, неровномъ и нелегкомъ. Трудно сказать съ точностью, чему обязанъ человѣкъ тѣмъ, что устоялъ на ногахъ во дни бурь душевнаго отчаянія, на запутанныхъ тропахъ жизни, но я повторяю—Гиллель нерѣдко помогалъ мнѣ своею ясною мудростью.

Я думаю, что еврейская мудрость болѣе общечеловѣчна и общезначима, чѣмъ всякая иная, и это не только вслѣдствіе древности, вслѣдствіе первородства ея, но и по силѣ гуманности, которая насыщаетъ ее, по высокой оцѣнкѣ ея человѣка.

„Истинный Шекинахъ—есть человѣкъ“, сказано у евреевъ, это очень дорого мнѣ, я считаю это высшею мудростью, потому что убѣжденъ: до поры, пока мы не научимся любоваться человѣкомъ, какъ самымъ красивымъ и чудеснымъ явленіемъ на планетѣ нашей, до той поры мы не освободимся отъ мерзости и лжи нашей жизни.

Съ этимъ убѣжденіемъ я вошелъ въ міръ, съ нимъ уйду изъ него и уходя буду непоколебимо вѣрить, что когда-то міръ признаетъ:

Святая святыхъ—человѣкъ!

Это невыносимо видѣть, что люди, сотворившіе столько прекраснаго, мудраго, необходимаго міру, живутъ среди насъ угнетаемые исключительными законами, которые всячески ограничиваютъ ихъ право на жизнь, трудъ, свободу.

Нужно—потому что справедливо и полезно—уравнять евреевъ въ правахъ съ русскими; это нужно сдѣлать не только изъ уваженія къ народу, который такъ много послужилъ и служитъ человѣчеству и намъ, но изъ нашего уваженія къ самимъ себѣ.

Слѣдуетъ торопиться съ этимъ простымъ, человѣческимъ дѣломъ, ибо вражда къ евреямъ растетъ у насъ, на Руси, и если мы не попытаемся теперь же остановить ростъ этой слѣпой вражды, она отразится на культурномъ развитіи нашей страны пагубно. Надо помнить, что русскій народъ слишкомъ мало видѣлъ хорошаго и потому очень охотно вѣритъ во все дурное, что нашептываютъ ему человѣконенавистники. Въ русскомъ мужикѣ не замѣтно органической вражды къ еврею, напротивъ,—онъ обна-

руживаетъ особенное вниманіе къ религіозной мысли Израиля, обаятельной своимъ демократизмомъ. Насколько помню—секты іудействующихъ существуютъ только въ Россіи и Венгріи. У насъ за послѣдніе годы субботничество и „Новый Израиль" развиваются очень быстро.

Однако, несмотря на это, когда русскій мужикъ слышитъ о гоненіяхъ на евреевъ, онъ говоритъ, съ равнодушіемъ восточнаго человѣка:

— Невиноватаго—не судятъ, не бьютъ.

Ужъ ему-то надо бы знать, что на святой Руси слишкомъ часто судятъ и бьютъ невиноватыхъ, но его представленіе о правомъ и виноватомъ издревле спутано, чувство несправедливости слабо развито въ его неясной душѣ, искаженной татарщиной, боярщиной и ужасами крѣпостного права.

Деревня не любитъ людей безпокойныхъ, даже и тогда, когда это безпокойство выражено въ стремленіи къ лучшей жизни. Мы всѣ—очень восточные люди, мы любимъ покой, неподвижность, и бунтарь, даже если это Іовъ, восхищаетъ насъ только отвлеченно. Люди шестимѣсячной зимы, туманныхъ мечтаній, мы любимъ красивыя сказки, но желаніе красивой жизни не развито у насъ. И когда въ плоскости лѣнивой нашей мысли является что-то новое, безпокоящее,—мы заботимся не о томъ, чтобы принять и довѣрчиво изучить новое, а чтобы поскорѣе загнать его въ темный уголъ души и похоронить тамъ,—пусть не мѣшаетъ привычному прозябанію въ безсильныхъ надеждахъ, сѣренькихъ мечтахъ.

Кромѣ народа есть еще „чернь"—нѣчто внѣсословное, внѣкультурное, объединенное темнымъ чувствомъ ненависти ко всему, что выше его пониманія и что беззащитно. Я говорю о той черни, которая — у Пушкина — опредѣляетъ сама себя такими словами:

„Мы малодушны, мы коварны",
„Безстыдны, злы, неблагодарны",
„Мы сердцемъ хладные скопцы",
„Клеветники, рабы, глупцы".

„Чернь" и является главнымъ образомъ выразительницею зоологическихъ началъ такихъ, какъ юдофобство.

А евреи — беззащитны, и это качество особенно пагубно въ условіяхъ русской жизни. Достоевскій, глубоко зная русскую душу, не однажды указывалъ, что беззащитность возбуждаетъ

въ ней сладострастное влеченіе къ жестокости, къ преступному. За послѣдніе годы на Руси развелось довольно много людей, обученныхъ думать, что они — самые лучшіе люди на землѣ, и что врагъ у нихъ—инородецъ, а прежде всѣхъ—еврей.

Этихъ людей долго и настойчиво убѣждали въ томъ, что всѣ евреи—безпокойные люди, забастовщики, бунтари.

Потомъ ихъ освѣдомили, что евреи любятъ пить кровь вороватыхъ мальчиковъ.

Въ наши дни имъ внушаютъ, что евреи Польши — шпіоны и предатели.

Если вся эта проповѣдь ненависти не принесетъ плодовъ кровавыхъ и позорныхъ, то только потому, что столкнется съ равнодушіемъ русскаго народа къ жизни и исчезнетъ въ этомъ равнодушіи, разобьется о китайскую стѣну, за которую спрятанъ нашъ все еще неразгаданный народъ.

Но если это равнодушіе будетъ возмущено усиліями проповѣдниковъ ненависти,—еврейство встанетъ предъ русскимъ народомъ, какъ племя, обвиненное во всѣхъ преступленіяхъ.

И не впервые еврей будетъ поставленъ виновникомъ всѣхъ бѣдъ русской жизни, онъ уже не однажды являлся козломъ отпущенія за грѣхи наши, уже платилъ имуществомъ и жизнью за то, что помогалъ намъ въ судорожномъ нашемъ стремленіи къ лучшему будущему.

Я думаю, не надо напоминать о томъ, что наши „освободительныя движенія“ странно заканчивались еврейскими погромами.

Когда разноплеменная чернь Іерусалима требовала смерти беззащитнаго еврея Христа, Пилатъ, считая Христа невиннымъ,— умылъ руки, но отдалъ его на смерть.

Какъ же поступятъ честные русскіе люди на мѣстѣ Пилата, готовомъ для нихъ?

М. Горькій.

МАЛЬЧИКЪ.

(Разсказъ).

Трудно разсказать эту маленькую исторію,—она такъ проста.

Когда я былъ юношей, то по воскресеньямъ,—весною и лѣтомъ, я собиралъ дѣтей нашей улицы и съ утра уводилъ ихъ въ поле, въ лѣсъ: мнѣ нравилось жить въ дружбѣ съ маленькими людьми, веселыми, какъ птицы.

Дѣти были рады покинуть пыльныя, тѣсныя улицы города; матери снабжали ихъ кусками хлѣба, я покупалъ что нибудь вкусное, наливалъ большую бутыль квасу и, какъ пастухъ, шелъ сзади беззаботныхъ ягнятъ городомъ, полемъ, до зеленаго лѣса, прекраснаго и ласковаго въ уборѣ весны.

Мы почти всегда выходили изъ города утромъ, во время благовѣста къ ранней обѣднѣ, насъ сопровождалъ звонъ колоколовъ и облака пыли, поднятыя быстрыми ногами дѣтворы.

Въ жаркій полдень, уставъ играть, мои товарищи собирались на опушкѣ лѣса, потомъ, закусивъ, тѣ, что поменьше, спали на травѣ въ тѣни орѣшника и калины, а десятилѣтніе молодцы, тѣсно собравшись вокругъ меня, просили разсказать имъ что-нибудь, и я разсказывалъ имъ что-то, болтая такъ же охотно, какъ они сами болтали со мною. И часто, несмотря на всю самонадѣянность юности и на присущую ей смѣшную гордость ничтожными знаніями жизни, я чувствовалъ себя двадцатилѣтнимъ ребенкомъ среди мудрецовъ.

Надъ нами—синій покровъ вешняго неба, предъ нами—въ мудромъ молчаніи богатое разнолѣсье; пробѣжитъ вѣтеръ, пронесется тихій шопотъ, поколеблятся душистыя тѣни лѣса и снова ласкаетъ душу лаской матери благодатная тишина.

Бѣлыя облака медленно плывутъ въ синевѣ неба; съ земли, нагрѣтой солнцемъ, небо кажется холоднымъ, и странно видѣть, что облака таютъ въ немъ.

А вокругъ меня—маленькіе люди, славные люди, призванные познать всѣ скорби, всѣ радости жизни.

Это были мои хорошіе дни, настоящіе праздники, и душа моя, уже достаточно запыленная знаніемъ дурныхъ сторонъ бытія, омывалась и свѣжѣла въ ясной мудрости дѣтскихъ мыслей и чувствъ.

Однажды, когда я выходилъ изъ города въ поле съ толпою дѣтей,—навстрѣчу намъ вывернулся никому незнакомый мальчикъ-еврей, босый, въ изорванной рубахѣ, чернобровый, тоненькій и кудрявый, какъ барашекъ.

Былъ онъ чѣмъ-то взволнованъ и, видимо, недавно плакалъ, вѣки его матово-черныхъ глазъ опухли и покраснѣли, рѣзко выдѣляясь на блѣдномъ до синевы, голодномъ лицѣ.

Наткнувшись на толпу дѣтей, онъ остановился среди дороги, крѣпко уперся ногами въ прохладную утромъ пыль, темныя губы его красиваго рта испуганно полуоткрылись,—въ слѣдующую секунду онъ легкимъ прыжкомъ очутился на тротуарѣ.

— Держи его!—закричали дѣти весело и дружно.—Жиденокъ! Держи жиденка!

Я ждалъ, что онъ убѣжитъ,—его худенькое, большеглазое лицо выражало страхъ, губы дрожали, онъ стоялъ въ шумѣ насмѣшекъ и странно вытягивался, точно выросталъ, прижимаясь къ забору плечами, спрятавъ руки за спину.

Но онъ вдругъ сказалъ, очень спокойно, внятно и правильно:

— Хотите—я вамъ фокусы покажу?

Я понялъ это предложеніе, какъ способъ самозащиты, а дѣтей оно сразу заинтересовало и отодвинуло отъ него; только наиболѣе взрослые и грубые смотрѣли на маленькаго еврея недовѣрчиво и подозрительно: наша улица враждовала съ дѣтьми другихъ улицъ, наши ребятишки были крѣпко убѣждены въ какихъ-то своихъ преимуществахъ передъ дѣтьми другихъ улицъ и не любили, не умѣли замѣчать особенныя преимущества другихъ дѣтей.

Маленькіе отнеслись къ дѣлу проще:

— Показывай!—закричали они.

Красивый, тоненькій мальчикъ отступилъ отъ забора, изогнулъ назадъ свое худенькое тѣло, коснулся руками земли и, взметгнувъ ноги, всталъ на рукахъ, крикнувъ:

— Гопъ!

И завертѣлся, какъ обожженный, легко и ловко играя своимъ тѣломъ

Сквозь дыры его рубахи и штанишекъ просвѣчивала сѣро-

ватая кожа худенькаго тѣла, острыми углами высовывались кости лопатокъ, колѣнъ и локтей. И ключицы его были точно удила.

Казалось, что вотъ онъ перегнется еще разъ и эти тонкія косточки хрустнутъ, ломаясь.

Онъ старался до пота, рубаха на спинѣ его взмокла, сдѣлавъ какое нибудь упражненіе, онъ заглядывалъ въ лица дѣтей съ нарочитой, мертвой улыбкой и непріятно было видѣть его матовые глаза,—расширенные точно отъ боли, они странно вздрагивали, и много было во взглядѣ ихъ недѣтскаго напряженія.

Ребятишки поощряли его шумными возгласами, многіе уже подражали ему, кувыркаясь въ пыли, падая, вскрикивали отъ боли неловкихъ движеній, отъ неудачъ, успѣховъ и зависти.

Но эти веселыя минуты сразу исчезли, когда мальчикъ, переставъ упражняться въ ловкости, посмотрѣлъ на дѣтей съ благосклонной улыбкой опытнаго артиста и сказалъ, протянувъ тонкую руку:

— Теперь—дайте мнѣ что нибудь.

Всѣ замолчали, кто-то спросилъ:

— Денегъ?

— Да,—отвѣтилъ мальчикъ.

— Ишь, какой!

— Мы-бы, за деньги-то и сами сумѣли...

Эта просьба вызвала у маленькой публики враждебное и пренебрежительное отношеніе къ артисту,—дѣти пошли къ полю, насмѣшничая и поругиваясь. Конечно—денегъ ни у кого изъ нихъ не было, а у меня—только семь копѣекъ. Я положилъ двѣ монетки на пыльную ладонь, мальчикъ пошевелилъ ихъ пальцемъ и сказалъ, хорошо улыбаясь:

— Благодарю...

Онъ пошелъ прочь, и я увидѣлъ, что рубаха на спинѣ его вся въ темныхъ пятнахъ и прилипла къ лопаткамъ.

— Постой,—что это?

Онъ остановился, обернулся, внимательно посмотрѣлъ на меня и съ такой же хорошей улыбкой сказалъ четко:

— Это—на спинѣ? Это мы упали съ трапеціи въ балаганѣ, на Пасхѣ,—отецъ все еще лежитъ, а я уже здоровый...

Я поднялъ рубаху—на кожѣ спины съ лѣваго плеча внизъ и къ боку лежала широкая темная ссадина, она засохла толстымъ струпомъ, но во время упражненій струпъ лопнулъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и теперь изъ трещинъ сочилась алая кровь.

— Теперь ужъ не больно,—сказалъ онъ, улыбаясь,—не больно, а только чешется...

И мужественно, какъ подобаетъ герою, взглянувъ въ глаза мнѣ, онъ продолжалъ тономъ серьезнаго взрослаго человѣка:

— Думаете—это я для себя работалъ? Честное слово—нѣтъ! Отецъ... у насъ нѣтъ ни кусочка! А отецъ такъ разбился. Знаете,—приходится работать. А тутъ еще—евреи мы, и всѣ надъ нами смѣются... До увиданья!

Онъ говорилъ съ улыбкой, весело, и бойко.

Кивнувъ мнѣ кудрявой головою, онъ пошелъ очень быстро мимо глазастыхъ домовъ, они смотрѣли на него стеклянными очами равнодушно и мертво.

Это такъ незначительно и просто—не правда-ли?

Но не однажды въ жизни моей въ трудные дни ея я съ благодарностью вспоминалъ мужество мальчика.

И теперь, въ эти скорбные дни страданія и кровавыхъ обидъ, падающихъ на сѣдую главу древняго народа, творца религіи, — я вспоминаю мальчика — ибо въ немъ олицетворилось для меня именно мужество человѣка,—не гибкое терпѣніе раба, живущаго неясными надеждами, а мужество сильнаго, который увѣренъ въ побѣдѣ.

М. Горькій.

ЕВРЕЙЧИКЪ.

I.

... Три дня мы по пятамъ преслѣдовали непріятеля, шли и шли безъ отдыха по опустошеннымъ полямъ, а онъ все отступалъ и уклонялся отъ боя. Погода была гнилая, низко ползли тяжелыя тучи и часто принимался хлестать дождь. Шли очень быстро. Смотрю,—молодой солдатъ, еврейчикъ, смѣшной такой, сидитъ верхомъ на лошади, ружье за плечомъ, обѣими руками вцѣпился въ гриву, согнулся.

— Устроился? — смѣюсь.

— Ноги попрѣли... усталъ!

И смѣется такъ жалко.

Была грязь невылазная.

Я тоже чувствовалъ усталость, снялъ сапоги и пошелъ босикомъ, а потомъ выпросилъ у ротнаго разрѣшеніе и отставшимъ солдатамъ снять обувь. Мнѣ было разрѣшено. И такъ мы двигались дальше. О непріятельскихъ войскахъ и слуху не было, только по пути кой-гдѣ встрѣчались окопы, да со словъ крестьянъ можно было узнать, что непріятель поспѣшно отступаетъ.

Къ ночи вошли въ мѣстечко, размѣстились по квартирамъ. Вдругъ тревога, выстрѣлъ, другой... зачастила перестрѣлка. Раздалась команда строиться.

Выступили въ поле. На зарѣ пріѣхалъ командиръ полка и сказалъ, что непріятель въ пяти верстахъ окопался, что мы должны его выбить изъ окоповъ, и что наша армія наступаетъ по всему фронту.

Мы двинулись въ путь.

II.

Дорога была проселочная, по дорогѣ попадались кровавыя тряпки и соломенныя постели: здѣсь австрійскія передовыя части

только что прошли. Вдали виднѣлся лѣсъ. Мы двигались тихимъ мѣрнымъ шагомъ. Дорога шла по деревушкѣ. Она была пуста: жители исчезли. Сидѣлъ только у забора солдатикъ съ прострѣленной грудью, кровь сочилась изъ раны, возлѣ него хлопотали люди. А подальше, возлѣ лошади сидѣлъ раненый казакъ. Лошадка мохнатая, маленькая, бойкая, смотритъ на насъ зоркими глазами.

— Гнались за мной, — говоритъ казакъ, — а она меня вынесла.

И смотритъ любовно на лошадку.

— Далеко-ли непріятель? — спрашиваемъ.

— Близко... за лѣсомъ.

Прошли и лѣсъ.

За лѣсомъ — болото. Ужъ близко ружейная пальба. Нашъ полкъ разсыпался въ цѣпь. Благодаря одеждѣ защитнаго цвѣта пробрались до рѣки, непріятель не замѣтилъ.

Стали мы рѣку вбродъ переходить. На той сторонѣ деревня полна непріятельскими войсками, но они въ насъ не стрѣляли, прозѣвали, потому что къ мосту ждали. А когда, спохватившись, открыли пальбу, артиллерія наша воспользовалась случаемъ и молніей проскочила черезъ мостъ.

Тутъ и начался страшный бой.

III.

Артиллерія наша жгла огнемъ австрійцевъ, пѣхота бросилась впередъ съ криками: „ура-а!“. Деревня запылала. Я бѣжалъ въ передовой цѣпи. Было жутко и радостно мнѣ, надоѣло играть въ прятки да дорожную грязь мѣсить. И солдаты забыли всю усталость, бѣгутъ, какъ звѣри, кричатъ: отъ одного крика станетъ страшно австрійцамъ. Ушли австрійцы, мы вошли въ деревню. Кругомъ бой, летятъ снаряды. Несчастные жители мечутся, не знаютъ куда бѣжать. Австрійцы сыпятъ шрапнелью. На площади что-то ужасное: грязь летитъ, дымъ, трескъ невѣроятные! Нашъ полкъ успѣлъ скрыться межъ построекъ. На площади, кажется, не было мѣста, гдѣ бы не упалъ снарядъ, все изрыто, все вскопано, все съ трескомъ рушится вокругъ. Дымъ, гарь, огонь бушуетъ. Всѣ дома тутъ крыты черепицей, и меня обсыпало кусками черепицъ, а я думалъ сначала, что непріятельскіе снаряды начинены щебнемъ. А артиллерійская борьба производилась съ обѣихъ сторонъ залпами. Земля тряслась, стекла изъ

оконъ повылетѣли. Я отбился отъ своихъ, въ дыму, въ огнѣ растерялся, бѣгаю вокругъ одного дома, не могу никуда выбраться, а снаряды садятъ въ черепичную крышу, летятъ осколки дождемъ. Въ головѣ мысль стучитъ: твой долгъ раненымъ помогать. Ищу раненыхъ, — нѣтъ. Должно быть, полкъ нашъ ушелъ изъ мѣстечка. Выбрался я, наконецъ, въ поле. Вижу, невдалекѣ австрійская цѣпь. Осыпала она меня градомъ пуль. Я было хотѣлъ вернуться въ деревню, но въ это время увидалъ свой полкъ: онъ внезапно появился и бросился въ атаку.

Австрійцы стали отступать.

Ужъ былъ поздній вечеръ.

IV.

Я сталъ отыскивать раненыхъ и дѣлать перевязки. Всюду кругомъ шелъ бой, гремѣла пальба. Вдругъ послышался сигналъ къ отступленію. Изъ-за деревни запасный батальонъ двинулся на выручку. Но оказалось, что австрійцы прибѣгли къ послѣдней хитрости: сыграли нашъ отбой. Дорого заплатили они за эту шутку. Съ крикомъ „ура!“ бросились на нихъ, смяли, погнали. Но все откуда-то летѣла шрапнель, осыпала поле. У меня не было страха смерти, хотя и рвалась шрапнель вокругъ меня, я только думалъ о томъ, чтобы поскорѣе наступала темнота и можно было собирать тяжело раненыхъ. Вотъ вижу, лежитъ человѣкъ съ распростертыми руками, вверхъ лицомъ, а надъ нимъ стоитъ другой, высокій, въ отчаяніи ломаетъ руки, громко плачетъ и причитаетъ:

— Ой, братику, мій ридный... на шо воны тебе убилы, нехай бы лучше мене!..

Я подошелъ и сталъ успокаивать.

Но онъ, не слушая, бросился отъ меня въ темноту, — туда, гдѣ шелъ бой.

Темнота наступила страшная.

Я то и дѣло падалъ: лежали убитые, нельзя было замѣтить, потому, что хлѣбъ былъ разбросанъ въ копнахъ по всему полю. Иду все дальше, дальше, и только знаю, что нужно собирать раненыхъ, но съ кѣмъ? Ни одного человѣка при мнѣ нѣтъ. Падаю, но иду. Вотъ копна овса, возлѣ нея люди.

Спрашиваю.

— Кто тутъ?

— Отбились отъ своихъ частей.

— Много насъ?

— Одиннадцать человѣкъ

Я позвалъ ихъ съ собой.

— Пойдемте, братцы, раненыхъ собирать!

Они пошли со мной.

V.

Я развернулъ ихъ фронтомъ, дистанція пять шаговъ, чтобы можно было осмотрѣть каждый бугорокъ, каждую бороздку. Я шелъ съ праваго фланга. Вотъ виднѣется шоссе, вотъ копны овса, вотъ силуэтъ человѣка.

Подхожу къ нему вплотную.

...Господи, сколько было радости!..

Обхватилъ меня, цѣлуетъ.

— Это вы... вы, господинъ фельдшеръ?!

Всматриваюсь въ лицо ближе.

Оказывается — еврейчикъ-санитаръ.

Спрашиваю.

— Что ты тутъ?

— Я... я, — залепеталъ мой еврейчикъ, — я тутъ часовымъ. Вотъ посмотрите: я всталъ дежурить, чтобы, не дай Богъ, кто не наѣхалъ да не потопталъ раненыхъ!

Всматриваюсь, пусто кругомъ.

— А гдѣ же раненые?

— Да въ ямѣ-жъ!

— Въ какой ямѣ?

— Да смотрите-жъ, — показываетъ, — яму я вырылъ, аршинъ глубиной, и соломы постлалъ. Восемь человѣкъ раненыхъ натаскалъ, все — тяжелые, да трое еще сами приползли. Всѣхъ уложилъ, прикрылъ шинелями и соломой.

Бѣлѣетъ онъ передо мной.

И слышу: зубами пощелкиваетъ, въ одной рубашкѣ человѣкъ, а сырость и холодъ.

— Зачѣмъ, говорю, въ одной рубашкѣ?

Улыбается.

— Чтобы не уснуть!

Нравится онъ мнѣ.

Смѣюсь и я.

— Развѣ, спать здоровъ?

— Да вѣдь сколько ночей не спалъ... а я такой: усну, — пушкой не разбудишь!

VI.

Спустился въ яму, сталъ раненыхъ перевязывать. Которые были полегче ранены, послѣ перевязки ужъ и встали, помогать вызвались. Подошло еще нѣсколько отбившихся. Я сталъ раненыхъ на шинели укладывать и отправлять къ перевязочному пункту. Съ остальными пошелъ дальше.

Всматриваюсь въ темноту, вижу: ползутъ на животахъ два солдатика, оба въ ноги ранены, итти не могутъ, а сами на разостланной шинели волокутъ съ собой третьяго. Подхожу я, смотритъ онъ на меня и смѣется.

— Ты, — говорю, — что смѣешься?

— Да вотъ никогда въ жизни на парѣ не ѣздилъ... привелъ Господь!

И солдатики смѣются.

— Аль мы кони плохіе?!..

Сталъ я осматривать его и подивился его смѣху: тяжело раненъ человѣкъ. Перевязываю, зубами скрипитъ, а терпитъ, шутить пытается.

— Не во-время раненъ!..

— А что?

— До Берлина бы дойти!..

Да и стихъ.

Смотрю: обезпамятѣлъ.

Солдаты говорятъ:

— Тутъ на погостъ сползлось много раненыхъ.

Я скомандовалъ: на погостъ! Пошли мы. Оглянулся я: еврейчика моего нѣтъ, сгинулъ куда-то. Вдали все еще пушки гремятъ, выстрѣлы трещатъ. По тьмѣ проходятъ багровыя тѣни отъ пожаровъ. Полосы свѣта отъ прожекторовъ прорѣзываютъ тьму, лучи ихъ пробѣгаютъ по небу, гдѣ шевелятся тучи, какъ живыя, темныя тѣла. Остановился на насъ такой лучъ, словно глазъ яркій. Мы спрятались въ канаву. Лучъ убѣжалъ.

VII.

Мы вошли на кладбище.

Во тьмѣ бѣлѣли каменные кресты.

Я спѣшно принялся за перевязку.

Ужъ у меня образовался цѣлый лазаретъ: но все легкіе. Послѣ перевязки они быстро оживали и даже начали посмѣи-

ваться и шутить, а у иныхъ оказались папиросы, и они всѣхъ угощали.

— Теперь бы свои части отыскать, — говорили солдатики, — и опять бы въ бой... ужъ очень руки чешутся!

Вдругъ яркій свѣтъ пробѣжалъ по крестамъ, впился въ насъ, ослѣпилъ насъ, остановился. И почти тотчасъ же завизжала у насъ надъ головами шрапнель. Я сначала не могъ сообразить: въ чемъ дѣло? Но потомъ отъ негодованія мнѣ даже въ голову ударило. Въ яростной злобѣ сжалъ я кулаки и потрясъ ими въ воздухѣ.

— Будь прокляты... что дѣлаете!!

А ужъ шрапнель стала разрываться межъ крестами. Мои раненые бросились въ разсыпную, кто куда, схоронились за крестами, заползли въ канавы. Только одинъ безпамятный, остался около меня. Я поднялъ его и пошелъ съ нимъ. Но въ этотъ мигъ горячій шумный огонь ослѣпилъ меня, дохнулъ, ударилъ, сбилъ съ ногъ. И я словно провалился въ ночную тьму...

... Не знаю, долго-ли это продолжалось или нѣтъ, но только, когда я открылъ глаза, я увидѣлъ надъ собою въ темнотѣ бѣлый крестъ и близко отъ себя чье-то знакомое лицо.

Я узналъ:

— Еврейчикъ!

Онъ стоялъ на колѣняхъ, теръ мнѣ грудь и виски, плакалъ и приговаривалъ:

— Ой-й, Боже... какъ тяжело смотрѣть на страдающихъ людей!

И утѣшающе шепталъ:

— Ничего, ничего... я уже перевязалъ васъ!

С. Гусевъ-Оренбургскій.

ЖИВОТВОРЯЩЕЕ.

(Разсказъ).

„Сія глаголетъ Адонаи Господь: отъ четырехъ вѣтровъ пріиди душе и вдуни на мертвыя сія, и да оживутъ"...
Іезекіиль, XXXVII, 9.

I.

Поѣздъ прибылъ поздней ночью, но, несмотря на это, въ освѣщенномъ вокзалѣ собралось много встрѣчавшаго народа, и носилки, въ которыхъ лежали раненые, проносили между двумя рядами чутко насторожившихся, притихшихъ людей.

Потревоженная при переноскѣ изъ вагона рана Черемухина снова больно заныла, и онъ лежалъ въ носилкахъ, смеживъ глаза, съ прикушенной нижней губой, сдерживая стонъ. Только, когда санитарный автомобиль, запыхтѣвъ и затрещавъ, остановился и чей-то сиплый голосъ сказалъ: „Пріѣхали", Черемухинъ слабо приподнялъ вѣки и въ бѣлесой мути морознаго тумана увидѣлъ знакомое темное зданіе городского банка.

Черемухина положили на кровать въ большомъ залѣ, съ высокими лѣпными потолками и тремя бронзовыми, грузными люстрами, висѣвшими, какъ громадные золотые плоды.

Съ непривычки странно было не слышать непрестаннаго желѣзнаго гула колесъ, и все казалось, что поѣздъ только что пріѣхалъ на станцію, а черезъ нѣсколько минутъ опять потянется протяжный грохотъ и ровное, глухое постукиваніе. Въ ушахъ назойливо звенѣло; отдавался, какъ близкое эхо, тяжелый лязгъ поѣзда, въ которомъ Черемухина везли изъ Австріи.

Было смутно и непонятно на душѣ. Прежде, въ дни и ночи, полные неперестававшаго грохота орудій, желѣзной трескотни ружей, пламенныхъ отблесковъ, рвущихся снарядовъ, приходили

мысли о томъ, что дѣлается „дома", какая радость будетъ при возвращеніи; а теперь все, что было на войнѣ, осталось позади, невозвратимо, онъ—дома, но не приходитъ радость; зоветъ ее,—напрасно, не приходитъ она, щемящая, хватающая за сердце!

Черемухинъ желалъ, но не могъ заснуть; медленно ослабѣвая, утихала ноющая боль въ ногѣ, тѣло лежало изнеможенное, въ истомѣ, но сна не было. Черемухинъ слышалъ храпъ сосѣдей, похожій на тихій, свистящій, шипящій хоръ, видѣлъ слабый свѣтъ лампочки, скрытой въ синемъ шерстяномъ колпакѣ, висѣвшей на стѣнѣ у широкихъ дверей и, видимо, наскоро приспособленный сюда, и почему-то вспоминался задернутый занавѣской фонарь въ купэ вагона, когда, три года назадъ, Черемухинъ ѣздилъ въ уѣздный городъ, на уголовную защиту крестьянъ, поджегшихъ помѣщичій лѣсъ.

Вспоминались разныя мелочи изъ прошлаго, ненужныя, безразличныя: университетскіе педеля, фойэ московскаго театра, рыжая борода букиниста изъ-подъ Сухаревой башни.

„Что это всякая дрянь лѣзетъ въ голову?" — спросилъ себя Черемухинъ.—„А Людмила?"

Онъ такъ живо и ясно вдругъ представилъ свою невѣсту, будто видѣлъ ее сейчасъ предъ собой въявь; вотъ она, стоитъ у кровати и смотритъ на него большими сѣрыми, въ черномъ ободкѣ рѣсницъ, глазами и улыбается.

„Что-жъ Людмила? Людмила—ничего... Нѣтъ, это я просто утомился,—подумалъ онъ немного спустя,—это—съ дороги, отъ болѣзни, мало ли отъ чего? Вѣдь Людмила мнѣ по-настоящему—единственный, родной и близкій человѣкъ. Все это сейчасъ — пустяки, пройдетъ".

А въ ушахъ отдавалось ровное, безстрастное, холодное выстукиваніе колесъ:

„Не прой-детъ, не прой-детъ, не прой-детъ".

„Надо спать" — сказалъ себѣ Черемухинъ и закрылъ глаза, но въ ту же минуту ему стало ясно, что онъ ни за что не уснетъ въ эту ночь.

Утро приближалось, какъ всегда, осторожно подкрадываясь, незамѣтно и безконечно. Начали свѣтлѣть сборчатыя, въ пуфахъ, длинныя шторы; сначала онѣ были сѣрыя, потомъ голубоватыя, и, наконецъ, стали розовѣть. Черемухинъ смотрѣлъ, щуря утомленные глаза и морщась на свѣтъ и думалъ о томъ, что, если подтянуть штору кверху, онъ увидитъ крыши, трубы и синее, темное небо.

II.

Большоіі залъ былъ полонъ солнечнымъ свѣтомъ, зажигавшимъ брилліантовыя искры на хрустальныхъ подвѣскахъ люстръ. Раненые закрывали глаза, ослѣпленные горячими, золотыми отблесками, но просили не опускать шторъ, благодарные солнечной ласкѣ. И сѣрыя, исхудавшія лица ихъ, обращенныя къ окнамъ, спокойно и ласково улыбались.

Перенесенный изъ перевязочной обратно на свою кровать Черемухинъ лежалъ, вытянувъ слабыя, костлявыя руки вдоль туловища, и смотрѣлъ прямо на кусокъ свѣтлаго, зимняго неба, виднаго въ четыреугольникѣ высокаго окна.

— Хотите газету?—спросила сестра, держа въ рукахъ сложенный газетный листъ.

— Спасибо... я потомъ. А, впрочемъ, дайте.

Не разворачивая газеты, Черемухинъ поднесъ ее къ глазамъ. Пріятно пахло отъ нея свѣжей типографской краской. Глаза смотрѣли на объявленія о спектакляхъ въ оперномъ и драматическомъ театрахъ, о гастроляхъ моднаго тенора, о кинематографахъ съ картинами „изъ текущихъ событій". Въ верхнемъ, правомъ углу газеты, красиво, въ рядъ стояли ровныя, крупныя буквы: „Даю уроки модныхъ танцевъ". Ниже — ресторанъ „Фуроръ", веселые обѣды и ужины, два оркестра музыки. Французская кухня.

Что-то дернулось и остановилось въ душѣ Черемухина. Онъ отбросилъ газету на столикъ.

„Какъ прежде, какъ всегда... Но отчего я—другой? Отчего мнѣ противно читать о веселыхъ ресторанахъ и модныхъ танцахъ?"

Онъ сталъ припоминать всѣхъ этихъ, весело обѣдающихъ и ужинающихъ съ музыкой, изучающихъ модные танцы, наполняющихъ театры. Прошла пестрая вереница сытыхъ, спокойныхъ людей, шляпъ, цилиндровъ, дамскихъ платьевъ, прическъ, проборовъ, смокинговъ, фраковъ, выхоленныхъ усовъ, перстней, лысинъ, и среди этого шествія вдругъ рѣзко выступило бородатое, рябое, обвѣтренное лицо правофланговаго рядового второй роты, Дениса Перевертайло. И сразу почувствовалось всей душой, что Перевертайло, котораго впервые увидѣлъ тамъ и, быть можетъ, больше никогда не увидитъ, — свой, родной, въ сердце вросъ, какъ дерево корнями въ землю, и не выкинуть его изъ памяти ни за что, никакою силой, а всѣ эти „милостивыя госу-

дарыни и милостивые государи“ (Черемухинъ презрительно сжалъ губы, мысленно произнося эти слова)—посторонніе, далекіе; дѣлаютъ они то, чего онъ больше никогда не сможетъ дѣлать; живутъ тою жизнью, которая стала невыносимой, невозможной при первомъ же взглядѣ на газету. Вспомнилось, въ первый разъ, какъ, падая у вражескаго лѣса, онъ почувствовалъ себя слабымъ и безпомощнымъ предъ тѣмъ великимъ и грознымъ, что свершалось вокругъ и надвигалось на него, волнуя жуткимъ ожиданіемъ.

Въ ту страшную минуту началась въ душѣ новая, непонятная жизнь, покорная невѣдомымъ законамъ, полнымъ тайны и особеннаго значенія. Именно въ ту минуту что-то лопнуло въ душѣ, и оборвались всѣ до одной невидимыя, крѣпкія нити, соединявшія его со всѣмъ міромъ.

Снова вспомнилось, какъ Денисъ Перевертайло вытащилъ его изъ боевого огня. „Денисъ, Денисъ“... Становилось проще и теплѣе на сердцѣ при воспоминаніи о Денисѣ, о тысячахъ Денисовъ, оставшихся тамъ, въ грохотѣ и огнѣ.

„Что-то тамъ совершилось во мнѣ,—подумалъ Черемухинъ,— и все измѣнило. Но что совершилось? Что? Что?“

Онъ услыхалъ свое имя, произнесенное взволнованнымъ, дрожащимъ, знакомымъ-знакомымъ женскимъ голосомъ. Повернувъ лицо влѣво, на голосъ, онъ увидѣлъ Людмилу, быстро шедшую къ нему. Лицо ея было блѣдно, губы слабо полуоткрыты въ измученной, страдальческой улыбкѣ, глаза неподвижно остановились на его лицѣ. Людмила шла, никого не видя вокругъ, ничего не сознавая, не замѣчая, кромѣ его исхудалаго, обросшаго черной бородкой, лица. За три кровати до Черемухина она почти побѣжала, шурша юбкой, и задыхаясь стала предъ нимъ, протягивая руки.

— Ты... Ты...

Она не могла говорить: то напряженіе, съ какимъ она разъискивала Черемухина, затопило всѣ слова. Она безпомощно сѣла на табуретъ, опустивъ плечи, и смотрѣла блестящими отъ слезъ глазами въ глубокіе, ушедшіе вглубь, глаза Черемухина.

— Здравствуй, Людмила,—сказалъ онъ ровнымъ, безучастнымъ голосомъ, протягивая ей лѣвую руку.

Мягкими, теплыми руками она осторожно взяла его тонкіе, худые пальцы и держала ихъ, не выпуская, наклоняясь къ нему.

— Какъ ты узнала, что я—здѣсь?

— Я газету читала утромъ... Печатаютъ, какіе раненые при-

везены. Я прочла твою фамилію и поѣхала сразу по лазаретамъ. Въ трехъ тебя не было. Я наугадъ пріѣхала сюда, — она передохнула и улыбнулась, а на рѣсницахъ блеснули слезы, — и нашла. Но почему ты съ дороги не написалъ, хоть на открыткѣ?

Черемухинъ молчалъ. Онъ не зналъ, какъ сказать ей о томъ, что творилось у него на душѣ. И можно ли даже разсказать обыкновенными человѣческими словами?

Она смотрѣла на провалы его щекъ, на слабую, тощую шею, полузакрытую широкимъ воротомъ бѣлой рубашки, на тонкій вытянутый носъ — и узнавала и не узнавала въ этомъ новомъ человѣкѣ того, прежняго, котораго любила, котораго знала, который былъ ей дороже всѣхъ людей на свѣтѣ, и ей хотѣлось и плакать, и смѣяться, и обнять его.

— Ты вѣрно былъ очень боленъ?... Потому не писалъ?

Черемухинъ сдвинулъ брови.

— Нѣтъ, я могъ писать, но... этого не нужно было.

Въ глазахъ Людмилы мелькнулъ ужасъ; улыбка замерла и стала медленно исчезать, тускнѣя.

— Зачѣмъ?—зашептала она, низко наклоняя надъ нимъ лицо.

— Такъ.

— Ты... измѣнился... ко мнѣ?

Она хотѣла говорить спокойнѣе, но голосъ дрожалъ и обрывался. Черемухинъ посмотрѣлъ на нее и отвѣтилъ медленно:

— Нѣтъ... я къ тебѣ тотъ же, но...

— Я по тебѣ тосковала,—бурно зашептала Людмила, услыхавъ его „нѣтъ“—главное, что ей нужно было знать,—и не разобравъ остальныхъ словъ, — я не знала, когда мы встрѣтимся, какъ встрѣтимся... Иногда мнѣ казалось, что мы больше никогда не увидимся. — Прижавъ лѣвую ладонь ко лбу, она закачала головой.—Ахъ, это былъ такой ужасъ!—Она перестала шептать и, отнявъ руку отъ лица, посмотрѣла на него. Онъ не слушалъ: она поняла это по его глазамъ; устремленные въ окно, они что-то съ напряженіемъ высматривали. — Вася, ты не слушаешь меня... У тебя такое странное лицо... О чемъ ты думаешь,—едва слышнымъ, испуганнымъ шепотомъ спросила она: — о чемъ ты думаешь? Скажи!

— Такъ... о разномъ...

— Ну, о чемъ? О чемъ? — спросила Людмила молящимъ, страстнымъ голосомъ, наклоняясь еще ближе къ нему, чтобы не слыхали сосѣди.

Черемухинъ помолчалъ, и лицо его становилось напряженнымъ и сосредоточеннымъ.

— Странное я чувствую что-то, — вымолвилъ онъ медленно и останавливаясь, словно ему трудно было выговаривать слова, словно въ гору шелъ. — Понимаешь, мнѣ какъ-то все равно... и мнѣ самому странно, отчего это такъ...—Онъ помолчалъ и продолжалъ въ задумчивости, будто говоря самъ съ собою: — Привезли меня въ городъ, гдѣ я учился, выросъ. Здѣсь была моя дѣятельность, мои интересы... И вотъ мнѣ странно, что нѣтъ у меня отъ этого никакой радости... И ни одной мысли... Безразлично мнѣ все.

Сжавъ крѣпко руки и глядя на него со страхомъ, Людмила слушала.

— А... я?—спросила она такъ тихо. Черемухинъ не слыхалъ ея вопроса и только по движенію ея поблѣднѣвшихъ губъ угадалъ его.

— Ты? — Устало, закрывъ глаза, онъ помолчалъ думая и, взглянувъ на нее спокойно, такъ же спокойно, даже съ оттѣнкомъ легкаго удивленія, переспросилъ: — ты? — Онъ снова помолчалъ и медленно потянулъ край одѣяла къ подбородку,— ты тоже. Я вотъ смотрю на тебя сейчасъ, и у меня ничего нѣтъ къ тебѣ.

Людмила вздрогнула и часто задышала, словно никакъ не могла отдышаться, и, сдерживая усиліемъ задрожавшія губы, спросила:

— Ты... меня больше... не любишь?

— Не знаю, — задумчиво сказалъ Черемухинъ, шевельнувъ голову, — я ничего не знаю сейчасъ... Ты лучше не спрашивай. Я не могу говорить... И знаешь, вотъ что... Мы не будемъ видѣться до тѣхъ поръ, пока я не смогу сказать тебѣ что-нибудь.

Людмила низко опустила голову, сжавшись на табуретѣ, и молчала.

— Я долженъ многое рѣшить. Все, что было у насъ съ тобой, было въ той жизни, и я былъ тогда другой. Я ни о чемъ не думалъ, о чемъ нужно думать. Я жилъ, какъ всѣ. А теперь я ничего не понимаю.

— Чего не понимаешь?—спросила она дрожащимъ, глухимъ голосомъ, поднимая покраснѣвшее лицо, по которому текли слезы.

— Ну, ничего не понимаю въ томъ, что произошло и происходитъ вокругъ меня. Знаешь, тамъ, на войнѣ, я увидѣлъ вдругъ новое, особенное. Каждую минуту я могъ умереть, отдать

свою жизнь, какъ другіе мои товарищи, ни о чемъ не спрашивая, не разсуждая, потому, что я зналъ — отдать жизнь надо и неизбѣжно. Если не я, такъ другой долженъ. Другъ за друга. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ казалось. А теперь я здѣсь лишній, никому ненужный.

— А мнѣ? А всѣмъ намъ?—быстро перебила она, прижимая руки къ груди.

— Нѣтъ, это — другое,— упрямо сказалъ Черемухинъ, боясь потерять свою мысль и раздражаясь на то, что Людмила мѣшаетъ ему говорить. — Это — совсѣмъ другое. У тебя — свое, здѣшнее, ты любишь меня по-здѣшнему, а тамъ я что-то увидѣлъ великое и страшное, и ваша жизнь теперь мнѣ кажется ненужной и подлой жизнью. Вотъ у васъ учатся моднымъ танцамъ, а мы... впрочемъ не стоитъ объ этомъ говорить.

Черемухинъ почувствовалъ слабость во всемъ тѣлѣ, усталость и нежеланіе говорить. Онъ закрылъ глаза и замолчалъ. Людмила долго смотрѣла на его темныя, впавшія глазницы, острый носъ, углубленія щекъ, заросшихъ черной жесткой бородой, и душу жгла и терзала мысль, ужасная, невозможная мысль, что этотъ лежащій предъ нею, ея женихъ, въ которомъ все — самое дорогое и прекрасное въ жизни, — совсѣмъ чужой.

Она долго молчала.

— Я уйду,—выговорила она рѣшительно, негромкимъ голосомъ,— я уйду... и приду, если ты позовешь меня, а если не позовешь, я... буду ждать, буду надѣяться... А если, — она быстро проглотила слезы, — если ты не захочешь... я умру.

Она встала и, слабо пожавъ его пальцы, пошла къ дверямъ, опустивъ голову, будто приговоренная къ чему-то страшному и послѣднему. Черемухинъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, но не остановилъ, не позвалъ; онъ хотѣлъ сдѣлать это, но не зналъ, что сказать ей, если она вернется.

Дойдя до двери, Людмила быстро, боязливо оглянулась, чтобы въ послѣдній разъ посмотрѣть на него. Онъ лежалъ попрежнему, закрывъ глаза.

III.

Справа отъ Черемухина лежалъ пожилой штабсъ-капитанъ Ширяевъ, съ большой глянцевой, скользящей лысиной во всю голову и больными, красными глазами, а слѣва — Фихманъ, молодой вольноопредѣляющійся. Осколкомъ шрапнели у него были

оторваны четыре пальца лѣвой руки, и она, забинтованная, бѣлой горкой лежала на сѣромъ одѣялѣ.

Черемухинъ встрѣтился съ ними въ санитарномъ поѣздѣ. Въ пути они говорили мало. Каждый былъ занятъ своей болью и своими думами. Черемухинъ только и узналъ, что Ширяевъ—сынъ дьякона: писалъ письмо къ его отцу, а Фихманъ — скрипачъ, ученикъ Іохима. Черемухинъ не могъ долго смотрѣть въ его глаза: такіе они были тоскующіе, такіе скорбящіе. Черемухинъ понималъ, что Фихману никогда больше не играть на скрипкѣ. Иногда хотѣлось сказать ему что-нибудь утѣшительное, но слова замирали и губы, раскрытыя для утѣшенія, плотно смыкались.

День проходилъ медленно и тихо. Въ залѣ было немного раненыхъ. У дверей—человѣкъ пять, и въ этомъ концѣ—Черемухинъ, Ширяевъ и Фихманъ. Почти весь день стояло спокойное молчаніе, какъ въ пустой церкви. И къ вечеру, когда въ углахъ прозрачныя стали загадочныя дымчатыя тѣни, Черемухинъ заговорилъ съ Ширяевымъ. Онъ спрашивалъ напряженно, настойчиво, словно Ширяевъ долженъ былъ ему отвѣтить, словно Ширяевъ зналъ что-то такое, чего не зналъ онъ, Черемухинъ.

— Скажите, понимаете вы, что происходитъ?—спросилъ Черемухинъ.—Я говорю о войнѣ... Понимаете?

— Понимаю,—спокойно отвѣтилъ Ширяевъ.

— А именно? Что, по-вашему, совершается?

Ширяевъ съ недоумѣніемъ вытянулъ губы, глянулъ косо на Черемухина.

— Что? Война.

— Во имя чего? Ради чего?

— Ради того, что враги напали на насъ.

— Ахъ, Боже мой, это я и безъ васъ знаю! Враги напали—мы отражаемъ нападеніе. Хорошо. Но главная причина, тайная причина, сущность всего этого въ чемъ? Вотъ о чемъ я васъ спрашиваю. Вѣдь не могу же я, поймите—не могу принять такое объясненіе. Это—такъ, ваша правда, но это—внѣшняя правда, а внутренняя? Я знаю, мы никогда не нападали, потому что никогда русскій народъ не любилъ и не хотѣлъ крови, а былъ вынуждаемъ сосѣдями и такъ далѣе. Но почему эти сосѣди... все равно, кто—они, почему они поднимали и поднимаютъ кровавое знамя. Кому это нужно? Какому существу? Какому началу?

— Причина всѣхъ причинъ?—спросилъ Ширяевъ.—Мудрено, батенька, отвѣтить... Богу угодно... Всегда такъ было, есть и будетъ. Возьмите исторію... Войны неизбѣжны.

(*

Черемухинъ поморщился съ досадой.

— И все-таки это мнѣ ничего не доказываетъ!—горячо возразилъ онъ, чувствуя, какъ словно плотина прорвалась въ душѣ, и мысли побѣжали кипящимъ огненнымъ, опаляющимъ потокомъ.—Исторія! Мнѣ наплевать на вашу исторію! Ну, хорошо, ну, пусть исторія учитъ, поучаетъ, я умомъ приму ее, а сердцемъ, понимаете, сердцемъ я не принимаю, не хочу принять и никогда не приму! Недавно мы, кажется, были въ сраженіяхъ. И что вы скажете, что это такъ и нужно, и впредь будетъ, потому что исторія насъ учитъ? Извините! Мы всѣ отлично знаемъ, что воюемъ потому, что это неизбѣжно, мы покоряемся необходимости, жестокой и тяжелой, но весь этотъ ужасъ—ради чего онъ? Для какихъ высшихъ цѣлей?

— Это никому неизвѣстно.—Ширяевъ вздохнулъ.—Это—воля Бога, Верховнаго Существа, Предвѣчнаго въ мірѣ. Намъ остается не разсуждать, а дѣлать наше дѣло. Мы—солдаты.

— Знаю,—перебилъ Черемухинъ.—Знаю, что я—солдатъ, и я дѣлаю свое дѣло и не ропщу. Но я не объ этомъ говорю. Я хочу узнать, не какъ солдатъ, а просто, какъ христіанинъ, ради чего все это? Я Бога спрашиваю и всѣхъ людей спрашиваю. Можетъ быть, кто-нибудь объяснитъ мнѣ, можетъ быть, кто нибудь знаетъ больше моего? Мнѣ это нужно для моего спокойствія, потому что не могу я оставить этого такъ.

Фихманъ повернулъ къ Черемухину лицо съ большими темными, скорбящими глазами и слабымъ, надорваннымъ голосомъ произнесъ:

— Я тоже... я не жалуюсь. Я дѣлалъ, что всѣ дѣлаютъ. Моя жизнь была скрипка,—въ голосѣ его что-то передернулось,—и я теперь больше не смогу никогда играть на скрипкѣ... Пусть такъ... Если Богъ хочетъ—пусть будетъ такъ, но зачѣмъ Богъ этого хочетъ? И я тоже спрашиваю, зачѣмъ убили моего брата? Зачѣмъ Богъ позволилъ, чтобы враги на насъ напали?

Всѣ трое замолчали и молчали долго. На столикахъ засвѣтились электрическія лампочки подъ зелеными колпаками, похожія въ густѣвшей темнотѣ на свѣтляковъ.

— Вотъ что,—сказалъ Ширяевъ медленно,—все дѣло въ томъ, что мы, люди, съ нашимъ ограниченнымъ умомъ стремимся постичь безконечное, и отъ этого у насъ никогда ничего не выходитъ. Возьмите, напримѣръ, въ математикѣ: есть величины неизмѣримыя, безконечно-великія и безконечно-малыя, которыя, въ концѣ-концовъ, неуловимы никакимъ умомъ. Наша судьба и

наша личная жизнь—ничто по сравненію съ чѣмъ-то такимъ, что было до насъ и послѣ насъ будетъ, что надъ нами розлито въ самомъ воздухѣ... Міръ существуетъ вѣка, мы же—мгновенье, и въ этомъ я вижу особый вѣчный законъ міра. А почему это такъ—на это никто, никогда не могъ отвѣтить и не отвѣтитъ.— Ширяевъ протяжно вздохнулъ.—Знаете, я часто читаю Библію. Это—удивительная книга. Есть мѣста, которыя многое объясняютъ, только надо вдуматься въ нихъ. Вы по-славянски умѣете читать?— спросилъ онъ Черемухина.

— Когда-то умѣлъ.

— Возьмите,—Ширяевъ передалъ ему толстую книгу.—Я бы самъ прочиталъ вамъ, да глаза плохи по вечерамъ. Откройте наугадъ любую страницу.

Черемухинъ подвинулъ лампочку къ краю стола, чтобы свѣтъ падалъ на книгу и, разогнувъ ее, поставилъ ребромъ, стоя, себѣ на грудь.

— Что открылось?—спросилъ Ширяевъ.

— Книга пророка Іезекіиля.

— Ага! Чудесно! Ну, читайте! Это ничего, что не по-русски, вы поймете и вы, Фихманъ, тоже поймете. Ну, читайте.

— „И бысть на мнѣ рука Господня, и изведе мя въ дусѣ Господни, и постави мя средѣ поля, се же бяше полно костей человѣческихъ,—негромко и медленно сталъ читать Черемухинъ страницу, которая случайно открылась, вглядываясь въ непривычныя, круглыя очертанія буквъ и стараясь уловить смыслъ читаемаго,—и обведе мя окрестъ изъ около, и се многи зѣло на лицы поля, и се сухи зѣло. И рече ко мнѣ: „Сыне человѣчь, оживутъ ли кости сія", и рекохъ: „Господи Боже, ты вѣси сія"...

Фихманъ тихо вздохнулъ. Черемухину представилось поле, покрытое убитыми, исчезавшее во тьмѣ густѣвшей ночи, и вдругъ стало казаться, что между тѣмъ жутко-знакомымъ полемъ и этимъ, о которомъ говорятъ библейскія строки, существуетъ какая-то неуловимая таинственная связь.

— ...„И рече ко мнѣ: сыне человѣчь,—продолжалъ онъ читать взволнованнымъ голосомъ:—прорцы на кости сія, и речеши имъ: Кости сухія, слышите слово Господне. Се глаголетъ Адонаи Господь костемъ симъ: се Азъ введу въ васъ духъ животенъ, и дамъ на васъ жилы, и возведу на васъ плоть, и простру по вамъ кожу, и дамъ духъ мой въ васъ, и оживете и увѣсте, яко Азъ есть Господь"...

Чѣмъ-то облегчающимъ, вѣчнымъ обвѣвало душу Черемухина

отъ этихъ словъ. Онъ чувствовалъ, что здѣсь, въ нихъ—единственное объясненіе, единственная надежда, безъ которой нѣтъ другого выхода, другого пути. Единственная надежда и послѣдняя. И тотъ Богъ, котораго онъ спрашиваетъ, отвѣчаетъ здѣсь словами могущаго, вѣчнаго обѣщанія. Черемухинъ читалъ о томъ, какъ послѣ землетрясенія стали соединяться кости и оживать, какъ отъ четырехъ вѣтровъ пришла къ нимъ душа, и множество мертвецовъ ожило вдругъ и стало на ногахъ своихъ.

— ...„Сія глаголетъ Адонаи Господь: се Азъ отверзу гробы ваша, и изведу васъ отъ гробъ вашихъ, людіе мои, и введу вы въ землю израилеву, и увѣсте, яко Азъ есмь Господь“...

Черемухинъ услыхалъ тихое, заглушенное всхлипыванье. Онъ зналъ, что плачетъ Фихманъ, плачетъ о своемъ убитомъ братѣ, о себѣ, о погибшей скрипкѣ, плачетъ о жизни своей, но не поглядѣлъ даже въ его сторону и страстнымъ, кипящимъ голосомъ продолжалъ читать слова великаго обѣщанія:

— ...„И дамъ духъ мой въ васъ, и живи будете, и поставлю вы на земли вашей, и увѣсте, яко Азъ Господь: глаголахъ, и сотворю, глаголетъ Адонаи Господь“...

Черемухинъ оборвалъ чтеніе; онъ не могъ больше читать: въ горлѣ душило.

Да, да, да, это — одно, безъ чего нельзя жить, безъ чего страшно и пусто, и невыносимо. Словно дуновеніе невидимаго и великаго коснулось его, будто Богъ прошелъ мимо въ блистающемъ свѣтѣ, и душа затрепетала, и зазвенѣли впервые задѣтыя струны.

— Поняли, о чемъ я говорилъ?—спросилъ Ширяевъ, протягивая руку за книгой.

Черемухинъ молча отдалъ библію и кивнулъ коротко и быстро. Новая сила вливалась въ его сердце и заставляла желать и ждать завтрашняго дня. Завтра онъ позоветъ бѣдную Людмилу, которая любитъ его и готова умереть, завтра онъ съ восторгомъ встрѣтитъ восходящее солнце. Пусть и завтра будутъ ужасы, будутъ тяжелые дни, мученіе и страхъ, но въ темнотѣ свѣтится надежда на свѣтлое чудо, и мракъ ея не побѣдитъ.

Онъ чувствовалъ себя и слабымъ, ничтожнымъ и сильнымъ, могущимъ все претерпѣть и все перенести, потому что въ сердцѣ живымъ серебромъ заструился родникъ, бившій изъ потаенныхъ глубинъ.

Онъ посмотрѣлъ на рыдавшаго Фихмана, который шепталъ

прерывистымъ, задыхающимся голосомъ, закрывъ лицо здоровой рукой:

— Адонаи!.. О, Адонаи!..

Хотѣлось прижать къ груди темную, курчавую голову бѣднаго еврея, сказать ему о великомъ чудѣ, которое должно, непремѣнно должно придти и придетъ и засіяетъ, и осушитъ его слезы пламенемъ вспыхнувшей надежды.

— Фихманъ! — позвалъ онъ осторожно: — Фихманъ, не плачьте!

Фихманъ всхлипнувъ отнялъ руку, и Черемухинъ увидѣлъ его мокрое, въ слезахъ лицо.

— Я... я не плачу...

— Не плачьте, голубчикъ. Мы сами ничего не можемъ. Мы можемъ только отдать жизнь нашу...

— Правда.

— Мы можемъ мучиться и думать, и искать, но все узнаемъ только въ послѣдній часъ, когда... будетъ то, о чемъ я читалъ.

— Будетъ, будетъ! — зашепталъ Фихманъ со страстнымъ убѣжденіемъ.—Будетъ!..

Они молча смотрѣли въ глаза другъ другу и больше не произнесли ни слова, потому что чувствовали одно и то же, и никакое слово человѣческое не могло бы выразить, что было въ сердцѣ каждаго изъ нихъ.

Леонидъ Добронравовъ.

ВОЙНА И ПОЛОЖЕНІЕ ЕВРЕЕВЪ.

Разразившаяся надъ нашей родиной гроза освѣтила яркимъ свѣтомъ рядъ явленій, давно тяготѣвшихъ надъ русскимъ народомъ и ставшихъ поэтому привычными. Сразу стала ясна невозможность ихъ дальнѣйшаго существованія, по крайней мѣрѣ, въ прежнемъ видѣ.

Сюда принадлежитъ прежде всего господствовавшее до сихъ поръ отношеніе къ народностямъ, судьбы которыхъ связаны неразрывно съ судьбой Россіи. Относительно поляковъ необходимость новой политики признана офиціально и торжественно. Насталъ моментъ поставить вопросъ и о положеніи еврейской націи. Противорѣчіе между падающими на евреевъ обязанностями передъ государствомъ и ихъ безправнымъ положеніемъ въ странѣ существовало всегда; при войнѣ оно стало до того рѣзкимъ, что молчать о немъ невозможно. Сотни тысячъ евреевъ проливаютъ свою кровь за величіе Россіи; между тѣмъ они лишены правъ которыхъ ни одинъ изъ прочихъ русскихъ поданныхъ не можетъ лишиться иначе, какъ по суду за преступленіе. Это положеніе шестимилліоннаго населенія даетъ себя чувствовать во всѣхъ проявленіяхъ жизни; но война освѣтила его особенно ярко по отношенію къ праву еврея избирать себѣ свободно мѣсто жительства и обучать своихъ дѣтей.

Такъ называемая „черта осѣдлости"—Польша и Юго-Западный край—явились первой ареной, на которой разразились военныя дѣйствія,—люди состоятельные, промышленники и торговцы, разорились; бѣдный трудовой людъ лишился куска хлѣба. Вторгнувшійся непріятель заставилъ тѣхъ и другихъ бѣжать. Но куда бѣжать? Ближе и проще всего—въ другіе города „черты". Но война рѣзко сказалась уже и тамъ. Кормильцы взяты на войну; торговля и ремесла подорваны. Клапанъ, обычно облегчающій тамъ положеніе бѣдноты,—эмиграція, — теперь закрытъ.

И въ эту бѣдствующую, подчасъ голодающую среду вливаются съ одной стороны бѣглецы съ пограничныхъ мѣстностей, съ другой—изгнанники изъ Германіи и Австріи, находившіе тамъ пріютъ и хлѣбъ и теперь выброшенные за бортъ. Что вносятъ эти новые элементы, ищущіе хлѣба и труда, понятно безъ дальнихъ словъ. Мудрено ли, что положеніе стало буквально невыносимымъ; голодъ въ прямомъ смыслѣ этого слова сталъ зауряднымъ явленіемъ, и зачастую люди предпочитаютъ добровольную смерть протягиванію руки. Да и протянуть ее некому, ибо мѣстное общество не въ силахъ справиться съ обрушившейся нуждой.

Велика Русь, велика и душа русскаго народа. Въ Россіи достаточно мѣста и хлѣба для всѣхъ ея сыновъ. У многихъ есть близкіе, которые охотно дали бы бѣглецамъ и изгнанникамъ пережить это бурное время; для очень многихъ нашелся бы и трудовой заработокъ. Но, согласно дѣйствующимъ правиламъ, власти должны слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не поселился вновь внѣ черты никто, не имѣющій „права жительства“.

Еще рѣзче выступаетъ столкновеніе правилъ съ жизнью, когда оно касается непосредственно борцовъ войны. Много тысячъ раненыхъ евреевъ разсѣяно теперь по всей Россіи, въ томъ числѣ и внѣ черты. Ихъ родственники не могутъ быть при нихъ или пріѣхать къ нимъ даже на короткое время. А если еврей-солдатъ умретъ, его близкіе бываютъ лишены возможности отдать ему послѣдній долгъ или должны для этого нарушить законъ, проживать „тайно“, безъ прописки.

Не менѣе тяжелыми являются условія, въ которыя поставлены теперь евреи по отношенію къ обученію своихъ дѣтей.

Цѣлый рядъ учебныхъ заведеній на югѣ и западѣ закрытъ. Родителямъ предложено перевести дѣтей въ другіе города, причемъ циркуляромъ министерства народнаго просвѣщенія разрѣшенъ для такого рода случаевъ пріемъ еврейскихъ дѣтей сверхъ установленной нормы. Но возможность воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ, находящихся внѣ черты осѣдлости, въ свою очередь обусловливается правомъ жительства, что фактически весьма суживаетъ значеніе предоставленной льготы.

Помимо упомянутаго изъятія во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ процентная норма и жеребьевка какъ въ высшихъ, такъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ сохранены и соблюдаются во всей строгости. Между тѣмъ война эти ограниченія сдѣлала особенно чувствительными, ибо нѣсколько смягчавшее ихъ прежде

поступленіе еврейской молодежи въ заграничные университеты, главнымъ образомъ Германіи и Австріи, теперь невозможно.

А что дѣлать тѣмъ студентамъ-евреямъ, которые уже обучались за границей? Напрасно стучатся они въ двери разныхъ высшихъ школъ: онѣ остаются закрытыми, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются свободныя вакансіи. Назадъ этимъ юношамъ не попасть. Такимъ образомъ, годы упорнаго труда, масса затраченной энергіи пропадаютъ даромъ, и многіе не будутъ уже въ состояніи продолжать свое образованіе и послужить впослѣдствіи своей родинѣ, столь нуждающейся въ интеллигентныхъ работникахъ.

Нужно ли все это для великой Россіи, призванной теперь освободить племена и народности отъ иноземнаго гнета?

Полная отмѣна національныхъ ограниченій должна пройти чрезъ законодательныя учрежденія. Но смягченіе ихъ въ теченіе военнаго времени во всякомъ случаѣ было бы возможно теперь же.

Кн. Пав. Долгоруковъ.

„ВЫСЕЛЕНЦЫ“ [1].

I.

Въ Таврическую губернію привезли евреевъ... „Выселенцевъ“, какъ, повидимому, оффиціально называютъ ихъ, „бездомныхъ“ евреевъ, какъ пишутъ о нихъ мѣстныя газеты. Привезли сначала 3.000 ковенскихъ евреевъ, потомъ повезли курляндскихъ евреевъ, и въ Таврической губерніи теперь разселено около 7.000 евреевъ. Ждутъ еще новыхъ партій неизвѣстно откуда...

Они долго скитались, пока попали на мѣсто. Повидимому, тѣ, которые выселяли, мало думали о томъ, куда выселить, и заботились только о томъ, чтобы „выселить“, а тѣ, которымъ пришлось „разселять“, не были заблаговременно предупреждены и не знали, что имъ дѣлать съ массой новыхъ пришлыхъ людей...

Тѣ, первыя, три тысячи ковенскихъ евреевъ пожили сначала въ Мелитополѣ, потомъ пять дней провели въ Симферополѣ и потомъ уже были разселены по уѣзднымъ городамъ, по мѣстечкамъ сѣвернаго Крыма.

Разсказываютъ, что одна изъ прибывшихъ партій была назначена въ Екатеринославъ, но тамъ ее не приняли и сказали: „Вези дальше!“ Мѣстныя газеты передаютъ, что другая партія изъ Павлограда была привезена въ Джанкой, а потомъ, „по инструкціямъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, прибывшіе сюда бездомные отправляются на-дняхъ въ Воронежъ“.... И повезли...

Привезли старыхъ людей, женщинъ и мужчинъ подъ семьдесятъ и за семьдесятъ лѣтъ, малыхъ дѣтей, женщинъ, дѣвушекъ и матерей, обнищалыхъ, измученныхъ. Привезли съ острыми болѣзнями, привезли много беременныхъ женщинъ, больныхъ, заболѣвшихъ при выселеніи и въ пути. При долгомъ скитаніи растеряли другъ друга, — старухи своихъ стариковъ, матери — дѣтей,—и всѣхъ спрашивали, не знаютъ ли, не видали ли...

---

[1]) Поступило во время печатанія сборника.

Почему-то мало писалось въ газетахъ объ евреяхъ, высланныхъ изъ района военныхъ дѣйствій, и пока мало слышно объ общественной и государственной помощи этимъ, несомнѣнно, „пострадавшимъ отъ войны“, и пострадавшимъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ вольные бѣженцы. Было короткое сообщеніе о помощи, оказанной Пироговскимъ Обществомъ евреямъ-выселенцамъ въ Полтавскую губернію, писалось о маленькой суммѣ, ассигнованной на это дѣло городскимъ союзомъ, тоже о скудной ассигновкѣ изъ министерства,—вотъ и все, что приходилось встрѣчать мнѣ въ газетахъ.

Вся тяжесть заботы о пришлыхъ людяхъ легла на мѣстныя еврейскія общины. Великая, непосильная тяжесть, такъ какъ во всей Таврической губерніи только 20 тысячъ еврейскихъ семействъ, которымъ и пришлось устраивать и содержать семь тысячъ бездомныхъ людей, въ огромномъ большинствѣ ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, не успѣвшихъ ликвидировать своихъ дѣлъ на мѣстахъ,не имѣвшихъ возможности взять съ собой цѣнное изъ имущества, такъ какъ имъ не позволили взять ничего, кромѣ постельныхъ принадлежностей.

Приходилось наспѣхъ разыскивать помѣщенія, устраивать перевозку, питаніе, медицинскую помощь. Пробовали и пробуютъ найти занятія, работу. Поднимался вопросъ объ использованіи этой массы выселенныхъ евреевъ для земледѣльческихъ работъ, нужда въ которыхъ теперь въ Крыму огромная, но старики, старухи и дѣти не годятся,—не могутъ,—а работоспособныя женщины не привыкли къ земледѣльческимъ работамъ, и шелъ праздный разговоръ о томъ, чтобы предварительно ихъ „выучить“.

Съ другой стороны, всѣ наиболѣе оживленные крымскіе города, гдѣ легче всего могли бы найти работу выселенцы евреи,—Симферополь и Севастополь, Ялта, Евпаторія и Ѳеодосія,—исключены изъ мѣстъ поселенія новыхъ пришлыхъ людей, и предоставлены имъ для жительства сравнительно тѣсные и глухіе городки и мѣстечки, Мелитополь, Бердянскъ, Геническъ, Орѣховъ, Ногайскъ, Армянскъ, Б. Токмакъ, гдѣ и мѣстные евреи не преизбыточно находятъ себѣ работу. Былъ даже проектъ направить часть этихъ пришлыхъ людей въ уѣздный городъ Перекопъ,—гдѣ съ отливомъ административной и всякой иной жизни въ Джанкой остались только тюрьма да нѣсколько заколоченныхъ хатъ, и гдѣ живетъ только одна единственная еврейская семья,—который въ настоящее время—нѣчто въ родѣ легендарнаго городка Якутской области Зашиверска, гдѣ стоялъ, а мо-

жетъ-быть, стоитъ и сейчасъ только столбъ для обозначенія мѣста долженствовавшаго быть тамъ города...

Содержаніе 7,000 человѣкъ обходится мѣстнымъ еврейскимъ общинамъ, не считая расходовъ на перевозку и помѣщеніе, около 50 тысячъ рублей въ мѣсяцъ. Обращались мѣстныя общины къ петроградскому комитету, но онъ принялъ на себя только 15 тысячъ ежемѣсячнаго расхода, и, слѣдовательно, 35 тысячъ придется расходовать мѣстнымъ евреямъ. Тяжесть эта непосильная, жизнь вздорожала, и для евреевъ, еврейской бѣдноты много и въ Крыму, есть обязательные расходы на всякія культурныя начинанія, и, наконецъ, мѣстное еврейство всегда принимало и принимаетъ энергичное участіе во всякихъ сборахъ на общегородскія нужды.

Представители еврейской общины города Симферополя обратились къ таврическому губернатору съ ходатайствомъ. Просили „отпускать изъ суммъ продовольственныхъ капиталовъ, имѣющихся въ распоряженіи губернатора, необходимое ежемѣсячное пособіе (на дѣло призрѣнія высланныхъ евреевъ) въ размѣрѣ соотвѣтствующемъ дѣйствительной потребности и нуждѣ“, отмѣнить распоряженіе о поселеніи высланныхъ евреевъ въ городѣ Перекопѣ, разъяснить мѣстнымъ властямъ, чтобы онѣ выдали высланнымъ евреямъ отобранные у нихъ виды на жительство, чтобы не отправляли отдѣльныхъ партій этапнымъ порядкомъ и проч.

Мнѣ неизвѣстно, удовлетворены ли ходатайства еврейскихъ общинъ. А ходятъ слухи, что еще прибудетъ тысяча евреевъ, что прислали уже въ Алешки, въ Каховку. Какъ справятся мѣстные евреи съ легшимъ на ихъ плечи бременемъ,—неизвѣстно. И не слышно, чтобы кто-нибудь собирался придти съ широкой помощью этимъ „пострадавшимъ отъ войны“ несчастнымъ русскимъ гражданамъ.

Война многихъ обездолила, многихъ сдѣлала „бездомными“ и заставила покинуть родныя мѣста и искать крова и пропитанія въ дальнихъ мѣстахъ, у чужихъ людей, но не будетъ преувеличеніемъ сказать, что наиболѣе горькая чаша выпала на долю этихъ высланныхъ евреевъ. Такъ называемые „бѣженцы“ были все-таки вольные бѣглецы, они брали съ собой, если не что хотѣли, то что успѣвали, что могли взять, они могли уѣзжать, куда рѣшили, искать себѣ работу, гдѣ есть работа. Огромное сочувствіе, широкую помощь встрѣчали тѣ бѣглецы и со сто-

роны власти, и общества, и общественныхъ организацій. Устраивались специальные „дни" для сбора пожертвованій, выдавались значительныя суммы, шли навстрѣчу ихъ горю, ихъ нуждѣ города и чужіе люди, къ которымъ приходили они.

Выселеніе евреевъ прошло какъ-то молчкомъ, подъ сурдинкой, и не привлекло къ себѣ столько вниманія, и не вызвало столько и такихъ чувствъ со стороны широкихъ круговъ, сколько и какихъ можно было бы ожидать отъ широко отзывчиваго русскаго общества. Я не хочу здѣсь разбирать, чѣмъ это объясняется,—сыграли ли здѣсь роль усталость отъ жестокихъ впечатлѣній войны, сыгралъ ли роль злой, преступный навѣтъ, имѣли ли главное значеніе бурныя условія,—но даже и тѣ широкіе общественные круги, которые такъ недавно съ такимъ негодованіемъ и протестомъ откликнулись на другой въ той же мѣрѣ злой и преступный навѣтъ, которые не вѣрили и не вѣрятъ въ нелѣпое обвиненіе цѣлаго народа въ предательствѣ, не отозвались на фактъ высылки и разселенія евреевъ въ той мѣрѣ, въ какой можно и должно было бы ожидать.

Разселеніе по Таврической губерніи высланныхъ евреевъ тяжело отозвалось не только на пришлыхъ людяхъ и мѣстныхъ евреяхъ, но и на всемъ населеніи тѣхъ тѣсныхъ городковъ и мѣстечекъ, по которымъ разселена была эта масса невольныхъ бѣглецовъ. Въ Мелитополь съ населеніемъ въ 24 тысячи было прислано 2 тысячи евреевъ, въ глухой Орѣховъ съ 8-ю тыс. жителей—700 евреевъ, — населеніе внезапно выросло на 10%. Вздорожали квартиры, комнаты и углы (въ Мелитополѣ придется строить бараки, такъ какъ помѣщеній нѣтъ), вздорожали хлѣбъ, молоко, мясо,—всѣ продукты, запасы которыхъ были разсчитаны только на мѣстныхъ людей. И въ маленькихъ городкахъ кліентура ремесленниковъ вся на учетѣ, и новые, пришлые люди могутъ находить работу, только на глазахъ у всѣхъ отнимая кліентовъ, перебивая заказы. Жизнь стала тѣснѣе и труднѣе.

II.

Когда наблюдаешь эти толпы стариковъ и старухъ, дѣтей и беременныхъ женщинъ, нерѣдко больныхъ людей, высылаемыхъ только потому, что они—евреи, перебрасываемыхъ изъ конца въ конецъ Россіи,—изъ Павлограда въ Мелитополь, изъ Мелитополя въ Воронежскую губернію,—невольно задаешь себѣ вопросъ: Зачѣмъ? Почему? За что?

И еще является вопросъ: кому это нужно? Повидимому, никому не нужно, и никто не находитъ ни справедливымъ, ни нужнымъ это массовое выселеніе.

..„При обсужденіи вопроса о выселеніи евреевъ министръ внутреннихъ дѣлъ указалъ, что мѣра эта не оправдывается дѣйствительнымъ поведеніемъ еврейскаго населенія, которое въ общемъ лояльно и не можетъ нести отвѣтственности за дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, каковыя къ прискорбію могутъ найтись среди всѣхъ національностей“ [1]).

„Было высказано, что огульное обвиненіе евреевъ въ предательствѣ не имѣетъ подъ собой никакого основанія“...—говорится въ томъ же сообщеніи. И далѣе: „По этимъ соображеніямъ совѣтъ министровъ громаднымъ большинствомъ противъ одного голоса постановилъ ходатайствовать объ отмѣнѣ выселенія евреевъ“.

Ходатайствовалъ-ли совѣтъ министровъ и чѣмъ увѣнчалось его ходатайство,—мнѣ неизвѣстно. Приходилось встрѣчать въ газетахъ о разрѣшеніи высланнымъ евреямъ возвратиться въ ту или иную мѣстность,—между прочимъ совсѣмъ недавно въ газетахъ было извѣстіе о разрѣшеніи евреямъ, высланнымъ изъ *Галиціи*, вернуться въ Галицію, но общаго распоряженія о прекращеніи высылки евреевъ я не встрѣчалъ. А сообщеніе „Южныхъ Вѣдомостей“ отъ 16-го мая было перепечаткой изъ столичныхъ газетъ, и нужно думать, что упоминаемое засѣданіе совѣта министровъ происходило ранѣе, быть-можетъ, около того времени, когда начали прибывать первыя партіи ковенскихъ евреевъ (11-го—12-го мая). А потомъ слѣдовали курляндскіе евреи...

Массовое выселеніе евреевъ вызвало большое недоумѣніе среди крымскихъ жителей. Даже люди, не преизбыточно чувствительные къ вопросамъ правды и справедливости, не особо болѣющіе сердцемъ за страданія другихъ людей, ставятъ себѣ недоумѣнные вопросы и не находятъ на нихъ отвѣтовъ. Пусть совѣтъ министровъ ошибается,—говорятъ они,—и пребываніе евреевъ въ Ковенской и Курляндской губерніи представляетъ государственную опасность, но вотъ въ той же Курляндской губ. проживаютъ нѣмцы, нужно думать, не въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ евреи. Въ газетахъ было немало сообщеній о пріятной, дружественной встрѣчѣ курляндскими нѣмцами германскихъ войскъ, были случаи наложенія каръ на отдѣльныхъ лицъ,

---

[1]) „Южныя Вѣдомости“ № 10.

слишкомъ проявлявшихъ эти чувства и оказывавшихъ услуги германскимъ войскамъ,—и тѣмъ не менѣе о массовыхъ выселеніяхъ нѣмецкаго населенія Курляндской губерніи не слышно, по крайней мѣрѣ въ Крымъ ни одного вагона съ курляндскими нѣмцами не прибыло.

Мнѣ какъ-то не приходилось встрѣчать свирѣпыхъ людей, которые бы требовали выселенія всего нѣмецкаго народа за преступленія отдѣльныхъ лицъ, но,—продолжаютъ разсуждать разсудительные люди,—если евреи оказались болѣе нѣмцами, чѣмъ сами нѣмцы, если курляндскіе нѣмцы показали себя вполнѣ лояльными, совершенно корректными русскими гражданами, то почему же ликвидируется землевладѣніе крымскихъ нѣмцевъ, больше ста лѣтъ живущихъ въ Крыму, не проявлявшихъ до сего времени нелояльности по отношенію къ Россіи, проживающихъ притомъ за тысячи верстъ отъ нѣмецкой границы и лишенныхъ возможности сигнализировать германскимъ нѣмцамъ и сообщать изъ Крыма свѣдѣнія о расположеніи и передвиженіи русскихъ войскъ въ Ковенской и Курляндской губерніяхъ?

И опять поднимается вопросъ: Кому это нужно?

И люди подходятъ къ вопросу съ другой стороны. Сколько выслано было евреевъ,—десятки или сотни тысячъ,—никому неизвѣстно, но, наблюдая это перебрасываніе во всякомъ случаѣ большихъ массъ, люди спрашиваютъ себя, сколько же понадобилось вагоновъ для перевозки ковенскихъ, курляндскихъ и иныхъ евреевъ?

И, высчитывая,—мнѣ называли огромную цифру,—люди соображаютъ, сколько можно было бы провезти въ этихъ вагонахъ угля и сахара, и керосина, и всего другаго, въ чемъ есть острая нужда, и увезти хлѣба и фруктовъ,—всего, что нужно вывезти, и насколько не тѣснѣе и не труднѣе, а легче и просторнѣе была бы жизнь въ Мелитополѣ и Б. Токмакѣ, и въ Пензѣ, и въ Воронежѣ...

А люди, не теряющіе веселаго расположенія духа ни при какихъ обстоятельствахъ, говорятъ, что такъ рѣшается еврейскій вопросъ,—уничтожается черта осѣдлости.

— Вотъ уже теперь Воронежская и Пензенская губерніи отперты для евреевъ... Понемножку и всю Россію откроютъ...

С. Елпатьевскій.

КЪ ИДЕОЛОГІИ ЕВРЕЙСКАГО ВОПРОСА.

Одною изъ коварнѣйшихъ и вреднѣйшихъ доктринъ нашего времени представляется мнѣ модная идеологія духовнаго антисемитизма, приписывающая арійству (величинѣ,—этнографически, не лингвистически—загадочной) многія превосходныя и блистательныя качества, въ семитическихъ же вліяніяхъ на арійство и примѣсяхъ къ арійской стихіи, усматривающая исключительно отрицательныя энергіи, служившія искони препятствіемъ свободному раскрытію творческихъ силъ арійскаго генія.

Эта идеологія хотѣла бы отнять у эллинства Афродиту, которая пришла къ эллинамъ отъ семитовъ, а у христіанства подрубить его серединный и глубочайшій корень—вѣру въ „трансцендентнаго", или по-просту живого, Бога. Тѣло христіанства она какъ-бы разсѣкаетъ на двѣ половины, отметая одну и спасая другую — ту, формы которой передъ трибуналомъ ученыхъ хитрецовъ, прикинувшихся романтиками арійства, оправдываются аналогіями эллинской религіозной мысли.

Это богоборческое и втайнѣ христоборческое ученіе, одинъ изъ троянскихъ деревянныхъ коней германскаго издѣлія, явно предназначено было „индо-германизировать" міръ, когда внезапно наступили сумерки боговъ берлинской Валгаллы. Но все-же оно успѣло прельстить немало умовъ, помраченныхъ предразсудками: вмѣстѣ съ теоретиками „имманентизма", ему обрадовались беззаботные о дѣлахъ религіи антисемиты по политическому разсчету и психологическому предрасположенію, не помнящіе родства христіане и, вслѣдъ за антицерковниками разныхъ толковъ, даже атеисты изъ евреевъ, родства стыдящіеся и похожіе въ мірѣ Божьемъ на соль, потерявшую свою силу.

Мы до такой степени запутали, исказили и перезабыли все святое и правое преданіе, такъ отвыкли мы вникать разумомъ въ затверженныя наизусть ясныя слова стародавней правды,

что парадоксомъ можетъ показаться утвержденіе: чѣмъ живѣе и глубже въ христіанинѣ церковное сознаніе, тѣмъ живѣе и глубже чувствуетъ онъ себя, какъ сынъ Церкви,—не скажу только: филосемитомъ,—но поистинѣ семитомъ въ духѣ. Трогательная любовь Владимира Соловьева къ еврейству—простое и естественное проявленіе его любви ко Христу и внутренняго опыта погруженности въ Церковь. Тѣло Церкви для мистика—истинное, хотя и невидимое тѣло Христово, и черезъ Христа—тѣло отъ сѣмени Авраамова. Это послѣднее тѣло, подобно завѣсѣ Іерусалимскаго храма въ часъ смерти крестной, разодралось надвое; и та часть его, которая есть еврейство, болѣзненно ищетъ цѣлаго, томится и ревнуетъ, и горько гнѣвается на другую часть, тоскующую въ свою очередь по возсоединенію и цѣлокупности мистическаго Израиля.

Кто въ Церкви, любитъ Марію; кто любитъ Марію, любитъ, какъ мать, Израиля, имя котораго, съ именами ветхозавѣтныхъ патріарховъ и пророковъ, торжественно звучитъ въ богослужебныхъ славословіяхъ. Психологія правомощныхъ представителей земной организаціи церковнаго общества въ разныя времена могла быть отравлена ненавистью къ еврейству, не исконному, а наличному, въ которомъ они подозрѣвали скопище враговъ Христовыхъ,—но именно за то, что оно представлялось имъ уже лишеннымъ истиннаго еврейскаго духа, уже какъ бы и не сѣменемъ Авраамовымъ. Но что значатъ эти блужданія званыхъ и не избранныхъ передъ единымъ свидѣтельствомъ апостола Павла?

Итакъ, мнѣ, занявшему въ этихъ строкахъ точку зрѣнія религіозной мысли, хотѣлось бы напомнить, что быть христіаниномъ значитъ быть уже не язычникомъ, не просто арійцемъ по крови, но черезъ крещеніе (оно же включаетъ въ свое сакраментальное содержаніе и обрѣзаніе) чадомъ Авраамовымъ и, слѣдовательно, въ таинственномъ смыслѣ братомъ потомковъ Авраамовыхъ по крови, которые наслѣдія, по апостолу, не лишены, если же насъ проклинаютъ, должны быть, по слову Христа, нами благословляемы. Но мнѣ лично не кажется, чтобы Христа еврейство дѣйствительно ненавидѣло,—развѣ ненавидитъ Его, наперекоръ своей тайной и предчувственной любви къ Нему, тою особенною ненавистью, происходящею изъ любовной обиды и ревности, которую эллины опредѣляли какъ отрицательный ликъ Эроса,—какъ „Антэросъ".

Мнѣ думается, что евреи—провиденціальные испытатели наши и какъ бы всемірно-историческіе экзаменаторы христіанскихъ

народовъ по любви ко Христу и по вѣрности нашей Ему. И когда дѣло Его въ насъ просіяетъ, исполнятся ихъ требованія и ожиданія, и они убѣдятся, что другого Мессіи имъ ждать не нужно. Въ насъ же, если бы мы были со Христомъ, не было бы и страха передъ испытателями: ибо любовь побѣждаетъ страхъ.

Въ заключеніе,—какъ бы ни сложны были счеты русской души съ еврействомъ, до сихъ поръ, за рѣдкими исключеніями, все же не хотящимъ ее полюбить, и не столько ее самое, сколько то, что для нея дороже ея самой,—ея завѣтныя святыни,—не хотящимъ полюбить ее, какъ ни странно сказать это, несмотря на частое и беззавѣтное сліяніе съ нею въ ея страданіяхъ,—пусть помнятъ всѣ, въ комъ звучатъ отдѣльные противорѣчивые голоса этого душевнаго спора, окончательный и безповоротный приговоръ прослывшаго „антисемитомъ" Достоевскаго по русско-еврейской тяжбѣ (Дневникъ Писателя, мартъ 1877 г., III, 4):

„Я именно говорю и пишу, что все, что требуетъ гуманность и справедливость, все что требуетъ человѣчность и христіанскій законъ, все это должно быть сдѣлано для евреевъ. Я написалъ эти слова выше, но теперь я еще прибавлю къ нимъ, что несмотря на всѣ соображенія, уже мною выставленныя, я окончательно стою, однако же, за совершенное расширеніе правъ евреевъ въ формальномъ законодательствѣ и, если возможно только, и за полнѣйшее равенство правъ съ кореннымъ населеніемъ (хотя, можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ они имѣютъ уже и теперь больше правъ или, лучше сказать, возможности ими пользоваться, чѣмъ само коренное населеніе)".

Вячеславъ Ивановъ.

Май 1915.

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЖИЗНИ РУССКИХЪ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА.

Русская народная примѣта говоритъ, что злоумышленники, убійцы не могутъ выносить обращеннаго на нихъ серьезнаго взгляда ребенка. Какая вѣрная, полная глубокаго значенья примѣта! И какъ часто приходится вспоминать о ней теперь въ переживаемые дни, когда бываешь свидѣтельницей того, какъ мы, интеллигентные люди, не обращаемъ вниманія на тотъ же взглядъ дѣтей, обращенный на насъ, когда нами произносятся сужденія объ основныхъ, высшихъ вопросахъ человѣческой жизни, перенесенныхъ въ будничную обстановку современной частной и общественной жизни. Для дѣтей и юношества еще не существуетъ дѣленія жизни на сферу возвышенныхъ настроеній и сферу практически-прозаичныхъ будней. Ихъ пытливому взору открывается единая жизнь, всегда равно поражающая и привлекающая невѣдомымъ, значительнымъ. *То, что имъ сообщено нами, взрослыми, какъ правда и истина, то для нихъ полно равнаго значенія и въ словахъ молитвы, и въ обыденныхъ разговорахъ.* Какъ важно было бы подумать объ этомъ теперь, когда въ присутствіи дѣтей ведется разговоровъ болѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Грозные дни войны наполняютъ міръ хаосомъ самыхъ различныхъ звуковъ, диссонансами, раздирающими душу взрослаго человѣка. И взрослый человѣкъ съ трудомъ разбирается въ нихъ, а что происходитъ въ душахъ дѣтей и юношества? Въ нихъ еще полны дѣйственной силы заповѣди и идеалы христіанскаго ученія, которые мы считаемъ долгомъ вселять въ нихъ, и какъ примутъ они, какъ смогутъ принять ужасы войны и умѣстить ихъ рядомъ въ свои младенчески-юныя души? Въ этой внутренней работѣ имъ, несомнѣнно, придутъ на помощь ожившіе въ нихъ инстинкты далекаго дикаго прошлаго... Но не страшны ли для будущаго эти атавистическія переживанія?

Дѣти и юношество по психическимъ особенностямъ своего возраста въ моментъ пробужденія въ нихъ интенсивныхъ процессовъ самосознанія, для уразумѣнія правды и добра ищутъ, требуютъ мѣрокъ твердыхъ, нерушимыхъ, истинъ—абсолютныхъ. Такъ складывались и въ психикѣ народовъ представленія о божествѣ и всѣ этическіе идеалы.

Вводить въ этотъ рѣшительный моментъ духовнаго роста въ кругозоръ воспитываемыхъ понятія о компромиссахъ, объ исключеніяхъ, значитъ подорвать въ самой основѣ ихъ вѣру въ существованіе высшей вѣчной правды.

Какъ давно существовало въ народномъ сознаніи представленіе объ этомъ грѣхѣ взрослыхъ и вѣдающихъ—о томъ свидѣтельствуетъ евангельское изреченіе, выраженное въ яркой формѣ народныхъ афоризмовъ и уподобленій, которые употреблялъ Христосъ. *„А кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ меня,* тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской".

Своими сужденіями, диктуемыми временными настроеніями, мы ежедневно являемся носителями такихъ соблазновъ по отношенію къ нашимъ дѣтямъ.

Я далека отъ мысли проповѣдывать воспитателямъ уводить дѣтей отъ жизни въ туманную область идеаловъ, воспитывать изъ нихъ слабовольныхъ, праздныхъ мечтателей. Всѣмъ, что мною здѣсь высказывается, я утверждаю противоположное.

Высшая правда, вѣчныя истины, этическіе идеалы потому и признаны высшими для человѣческой жизни цѣнностями, что они выросли изъ глубины земной жизни и держатся въ ней глубокими корнями; потому то они только и являются надежными руководителями въ жизни. Переставая слѣдовать за этими идеальными принципіальными руководителями, мы неизбѣжно сходимъ съ пути, съ магистральной линіи, по которой идетъ неотвратимо историческое эволюціонное движеніе жизни, уклоняемся въ сторону, вовлекаемся въ губительную и безплодную борьбу съ злобами дня, отдаемся темной власти правды временной, злободневной.

Многіе изъ насъ, слишкомъ многіе, противоставляютъ инстинктъ идеалу. Какое заблужденіе! Вѣдь всѣ наши высшіе идеалы выросли изъ общихъ у насъ съ животными инстинктовъ и ихъ корнями держатся на высотѣ духовной жизни человѣчества.

Идеалы неустойчивы: смѣняются, отрицаются, забываются, подвергаются всякимъ случайностямъ исторической жизни; инстинкты въ темной глубинѣ бытія живутъ своей жизнью. И если

въ какой-либо части человѣчества инстинктъ подъ давленіемъ внѣшнихъ условій подвергается временно извращенію, что на языкѣ человѣческомъ значитъ измѣна идеаламъ или смѣна идеаловъ, то на защиту инстинкта является въ свое время мощная мать его — стихія, и бурей-войной говоритъ человѣчеству — Veto.—Не идеаламъ измѣнили германцы, а основнымъ инстинктамъ, на твердомъ базисѣ которыхъ только и можетъ строиться общечеловѣческая жизнь.

Въ отроческіе годы на урокахъ словесности, при изученіи древнѣйшихъ словесныхъ памятниковъ нашей русской духовной культуры, какъ голосъ далекаго прошлаго насъ поражали, трогали и оставались на всю жизнь незабвенными слова Владиміра Мономаха: „Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убивати его"... „Аще будетъ повиненъ въ смерти и тогда душа не погубляете никакая же хрестьяны". А въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ напутственное благословеніе отца: „Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ, а на худыя дѣла благословенья нѣтъ. Поѣдешь ты путемъ дорогой, не помысли зломъ на татарина, не убей въ чистомъ полѣ христіянина". Мы знали, что и Владиміру Мономаху, и Ильѣ приходилось много воевать, но дѣтское чувство разбиралось вѣрно и оцѣнивало приведенныя изреченія, какъ идеальныя стремленія гуманности, какъ велѣнія высшей правды, пускающія корни въ языческую русскую народную жизнь. И въ какія прочныя ассоціаціи вступало это позже съ данными историческими, свидѣтельствовавшими объ отсутствіи въ русской народной психикѣ фанатической религіозной вражды, вражды къ иноземцу, инородцу, результатомъ чего въ общей сложности явилась многонародность Россійскаго государства въ настоящемъ и его будущемъ.

Въ наши дни, въ создаваемой нами атмосферѣ человѣконенавистничества, презрѣнія къ человѣческой жизни не прозвучатъ ли выше приведенныя слова старыхъ памятниковъ наивнымъ архаизмомъ для русскихъ нынѣ растущихъ дѣтей—какъ интеллигентныхъ классовъ, такъ и народной среды? Мысль страшная, но порождается она не праздными измышленіями, а яркими фактами окружающей насъ текущей жизни. За примѣрами итти недалеко, ими наполнена, насыщена жизненная среда, они у каждаго изъ насъ подъ рукой. Беру!... Русская интеллигентная семья, — семилѣтній мальчикъ впечатлительный, но здоровый, жизнерадостный, встрѣчаетъ входящую мать громкими возгласами: „Мама, что я сейчасъ видѣлъ... штыкъ, а на немъ пятно—

кровь, настоящая нѣмецкая кровь, дядя привезъ, онъ мнѣ показывалъ и разсказывалъ, какъ кололъ нѣмца"... Мать поражена, безмолствуетъ...

Сколько такихъ дядей пріѣхало и еще пріѣдетъ!

А вотъ мысли русскихъ крестьянскихъ дѣтей, данныя письменно въ отвѣтъ на вопросъ учителя въ сельской школѣ: что бы ты сталъ дѣлать съ нѣмцами, если бы имѣлъ право надъ ними распоряжаться.

Отвѣтовъ десять, каждый окрашенъ индивидуальностью отвѣчающаго, привожу изъ нихъ наиболѣе характерные:

1) Я бы всѣхъ покололъ и далъ бы ихъ собакамъ на съѣденіе.

2) Всѣмъ бы покололъ глаза и всѣхъ бы порѣзалъ.

3) Я бы ихъ на аэропланѣ бомбами всѣхъ побилъ и остался жить на германской землѣ.

4) Я бы ничего не сталъ дѣлать надъ нѣмцами, хотя бы и могъ надъ ними распоряжаться. (Такой отвѣтъ данъ только однимъ изъ опрошенныхъ.) Продиктованъ ли онъ апатичностью, слабостью воображенія или сложностью мыслей, рожденныхъ вопросомъ учителя, — указанія на это въ анкетѣ нѣтъ [1]). Да и какія указанія могутъ быть даны: развѣ души нашихъ дѣтей не являются для взрослыхъ еще тайной за семью печатями.

Пройдутъ ли въ дѣтскихъ душахъ прикосновенія жестокой современности безслѣдно или оставятъ въ ней отпечатокъ, который они сохранятъ на всю жизнь, кто рѣшится утверждать то или другое. Но знать, учитывать эти человѣческіе документы мы, взрослые, должны. Они куда цѣннѣе и значительнѣе для жизни пустословныхъ рѣчей и крикливыхъ воплей насъ, взрослыхъ.

Въ своемъ далекомъ дѣтскомъ прошломъ я живо помню дни и Севастопольской войны, и польскаго возстанія, и послѣдніе дни крѣпостного права. Помню ихъ въ губернскомъ центрѣ русской жизни на югѣ Россіи. Въ домѣ родительскомъ приходилось видѣть представителей дворянской среды различныхъ лагерей, знать о существованіи газетъ различныхъ направленій, слышать о громкой извѣстности „Московскихъ Вѣдомостей". Но въ присутствіи насъ, дѣтей, споры противниковъ смолкали, и мы, дѣти, чувствовали ясно, опредѣленно, взволнованно одно, что въ жизни народной и государственной переживается тяжкое потрясеніе, разыгрывается роковая трагедія, и только это одно воспоминаніе

1) Журн. „Народный Учитель", Москва, № 8, 1915 г.

дѣтскаго, серьезно сосредоточеннаго, глубокаго душевнаго волненія и унесли въ свою дальнѣйшую жизнь, унесли чистымъ, не загрязненнымъ ни національнымъ высокомѣріемъ и человѣконенавистничествомъ, ни озлобленностью своекорыстія. А вѣдь матеріальное разореніе помѣщиковъ отмѣной крѣпостного права не было призракомъ, а самымъ реальнымъ явленіемъ, всю тяжесть котораго мы, дѣти, не замедлили ощутить во всѣхъ условіяхъ нашей личной, домашней жизни. Эта сдержанность взрослыхъ, эта охрана неприкосновенности идеальной области, въ которой, по мнѣнію ихъ, должна была протекать наша дѣтская и юношеская жизнь, это отношеніе русскихъ отцовъ 50-хъ и 60-хъ гг., которое я имѣла возможность оцѣнить на пути своей долгой жизни и общественной работы, и заставляетъ меня съ такой горячностью и строгостью осуждать образъ мыслей и поведеніе взрослыхъ въ настоящее время.

Предвижу возраженіе—тогда, въ тотъ періодъ русской жизни это было возможно, а теперь — принимая во вниманіе совершившуюся въ жизни дифференціацію, обостреніе вопросовъ, связанныхъ съ чертою еврейской осѣдлости, съ ограниченіемъ правъ евреевъ на образованіе—среднее и высшее,—на выборъ профессій, позиція взрослыхъ стала много труднѣй. Съ этимъ нельзя не согласиться. Положеніе воспитателей не только трудно, оно безнадежно, такъ какъ найти принципіальныя основанія, аргументы изъ области моральной для оправданія необходимости этихъ странныхъ „культурныхъ" пріобрѣтеній нашей ушедшей впередъ русской жизни имъ не удается. Да и нужна ли защита и объясненіе этихъ „домашнихъ средствъ": не съ ними придется выступать дѣтямъ и внукамъ нашимъ въ отечественной и международной жизни, а съ совершенно иными цѣнностями, о чемъ съ достаточной ясностью говоритъ идеологія войны. Неужели возведеніемъ и сохраненіемъ этого рода архаичныхъ окоповъ можетъ охраняться въ 20-мъ вѣкѣ здоровый ростъ господствующаго въ россійскомъ государствѣ племени, сильнаго и даровитаго, какимъ, несомнѣнно, является русскій народъ. А какъ отражаются ограниченія человѣческихъ правъ евреевъ въ жизни русскихъ дѣтей и юношества?

Такъ же, какъ во всякомъ многонародномъ государствѣ, русскимъ дѣтямъ уже въ ранніе школьные годы приходится встрѣчаться со сверстниками-иноплеменниками, и въ нихъ неизбѣжно рано начинается глубокій внутренній процессъ выработки отношеній къ этого рода сверстникамъ, нѣсколько отличающихся

отъ отношеній къ русскимъ сверстникамъ. Это различіе не болѣе какъ оттѣнокъ, вполнѣ естественный, который отнюдь не можетъ затронуть основы отношеній къ сверстникамъ, основы, рождаемой мощнымъ инстинктомъ тяготѣнія къ себѣ подобнымъ, къ человѣку, къ людямъ—основы далѣе, по пути воспитанія просвѣтляемой и освящаемой христіанскимъ ученіемъ о ближнемъ. Если эта основа поколеблена, затемнена, то предъ нами аномалія, явленіе, говорящее о ненормальномъ ходѣ индивидуальнаго духовнаго развитія, роста ребенка и юноши. Многія особенности текущей жизни грозятъ сдѣлать эту аномалію чуть ли не общимъ явленіемъ. Главной причиной, главной особенностью русской жизни, вызывающей эту ненормальность является еврейское неравноправіе, и вотъ почему. Факты этого неравноправія такъ ярки, такъ многочисленны, такъ легко поддаются учету впечат лительной дѣтской души со стороны страданій моральныхъ и физическихъ, съ этимъ неравноправіемъ связанныхъ, что они не могутъ не поражать, не ранить или не ожесточать души малолѣтнихъ очевидцевъ. Какъ должны объяснять себѣ дѣти и юноши невозможность войти въ двери средней школы для сверстниковъ ихъ евреевъ, природную одаренность и достаточную подготовку которыхъ они знаютъ, способны оцѣнить не хуже взрослыхъ? А внезапно наступающая необходимость оставить школу для счастливца, попавшаго въ нее, съ потерей права на жительство вслѣдствіе перемѣны профессіональныхъ занятій родителей или смерти отца.

Вспомните изъ недавняго прошлаго факты изъ жизни дѣтей, сообщавшіеся газетами въ дни процесса, обратившаго на себя всеобщее вниманіе не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Родители и преподаватели въ младшихъ классахъ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ позволяли себѣ говорить объ обвиненіи, какъ о совершившемся фактѣ, вызывая въ дѣтяхъ соотвѣтствующія этимъ рѣчамъ чувства. Облегченно вздохнули въ странѣ милліоны русскихъ людей, когда вынесенъ былъ присяжными оправдательный вердиктъ, людьми сѣрыми—носителями стихійной народной совѣсти. А что почувствовали дѣти, введенныя въ соблазнъ своими просвѣщенными руководителями?

Мѣсяцы войны на глазахъ дѣтей чудовищно увеличили число примѣровъ безправія евреевъ и дали имъ особую яркую окраску: полное разореніе бѣженцевъ съ мѣста военныхъ дѣйствій и скитаніе въ городскихъ центрахъ безъ крова и пищи дѣтей, женщинъ и дѣтей, отцы и братья которыхъ въ количествѣ нѣ-

скольких сотъ тысячъ проливаютъ кровь за общее отечество въ рядахъ русскаго воинства; необходимость для раненаго солдата-еврея оставлять госпиталь до выздоровленія, если госпиталь находится внѣ черты еврейской осѣдлости; отказъ еврейской учащейся молодежи въ допущеніи наравнѣ съ русской къ исполненію обязанностей санитаровъ и сестеръ милосердія; въ послѣдніе дни — потокъ тысячъ выселенцевъ, едва одѣтыхъ, убитыхъ горемъ, залившій десятокъ русскихъ городовъ на югѣ Россіи....

Я указала лишь на то, что должно было особенно поразить вниманіе русскихъ дѣтей. Впечатлѣнія эти вступаютъ въ душевный міръ русскаго ребенка и юноши *одновременно* съ началомъ ознакомленія ихъ съ основными истинами христіанскаго ученія и христіанскаго міровоззрѣнія человѣчества.

Изъ жизни, ихъ окружающей, дѣти получаютъ впечатлѣнія только что указанныя, а отъ родителей и на урокахъ Закона Божьяго они узнаютъ, что устами еврейскаго народа Богъ далъ людямъ познать Его волю въ десяти заповѣдяхъ, въ словахъ пророковъ Израильскихъ; что Іисусъ Христосъ и Апостолы явились изъ среды того же народа, что первыми слушателями и хранителями рѣчей Христа, Его проповѣди о любви къ ближнему были дѣти, юноши народа еврейскаго. Мы, взрослые, должны же сознавать неизбѣжность для дѣтской души конфликта отъ впечатлѣній, поступающихъ изъ столь различныхъ источниковъ, сознавать, что такого конфликта не переживаютъ въ наше время дѣти никакого другого народа изъ исповѣдающихъ христіанство: съ одной стороны, нами устанавливается тѣсная духовная связь съ еврействомъ въ области высшихъ духовныхъ цѣнностей, которыми русскій ребенокъ и юноша долженъ будетъ руководствоваться въ теченіе всей своей жизни, съ другой — въ этой самой жизни, въ ежедневныхъ отношеніяхъ къ евреямъ открывается допустимость презрѣнія, ненавистничества...

Не пришли ли мы, взрослые, къ убѣжденію, что человѣкъ— понятіе слишкомъ широкое, и отвлеченное для нашихъ моральныхъ внушеній воспитываемымъ и что въ христіанскомъ ученіи слово—ближній должно быть нами толкуемо не какъ человѣкъ, къ какому бы народу онъ ни принадлежалъ, а лишь въ примѣненіи къ сынамъ излюбленныхъ нами народовъ. Не по такой ли наклонной плоскости дошли нѣмцы съ высоты своего всѣмъ міромъ признаннаго идеализма до настроеній и поступковъ, явленныхъ ими въ дни идущей міровой войны.

Есть научныя истины, открытія въ различныхъ областяхъ знанія, которыя по огромному ихъ значенію для жизни человѣчества, не могутъ оставаться подъ спудомъ въ фоліантахъ книгохранилищъ, доступныхъ лишь людямъ науки. Они должны входить въ общую жизнь, должны дѣлаться достояніемъ широкихъ круговъ мыслящихъ людей для творчества новыхъ идей, новыхъ формъ, для измѣненій, для блага людей необходимыхъ въ текущей жизни. Одной изъ такихъ научныхъ истинъ является утвержденіе, что *религіозныя вѣрованія, эстетическіе идеалы, художественные образы, рожденные и выношенные творчествомъ какого-либо народа должны быть признаны реальными фактами, по силѣ реальности своей имѣющими бо́льшее значеніе для опредѣленія основныхъ чертъ характера и жизни народа, чѣмъ факты, хотя бы самые яркіе, рожденные злобами дня того или иного историческаго періода* на жизненномъ пути того же народа. Какъ бы мы ни оцѣнивали черты и свойства характера еврейскаго народа, свѣтлыя или темныя, на пути его историческаго существованія, но *во главѣ угла нашихъ сужденій о немъ должно быть положено сознаніе и признаніе еврейскаго народа — творцомъ и хранителемъ истинъ, образовъ и идеаловъ, данныхъ человѣчеству книгами Св. Писанія—Библіи.* Этимъ вкладомъ въ общечеловѣческую сокровищницу духовныхъ цѣнностей опредѣляется мѣсто еврейскаго народа среди другихъ народовъ и основа отношеній къ нему. Этого научнаго указанія и утвержденія мы, воспитатели поколѣній растущихъ для жизни 20-го вѣка, не можемъ не знать и не имѣемъ нравственнаго права его игнорировать.

Приходится подойти и остановиться предъ кореннымъ вопросомъ въ жизни каждаго поколѣнія людей. *А кто же на самомъ дѣлѣ воспитываетъ нашихъ русскихъ дѣтей?* Какъ отвѣтимъ мы по совѣсти себѣ самимъ на этотъ вопросъ? Если бы вопросъ шелъ о томъ, кто воспиталъ нѣмцевъ такими, какими проявили они себя въ дни міровой войны, мы, не задумываясь, отвѣтили бы: ихъ воспитали такими въ гармоничномъ согласіи и союзѣ семья, школа, казарма, отечественная жизнь... А нашихъ русскихъ дѣтей—тутъ приходится задуматься.

Нашихъ русскихъ дѣтей и юношей, по моему крайнему уразумѣнію и глубокому убѣжденію, воспитывала до сихъ поръ родная жизнь—стихійный хаосъ, не хаосъ-безпорядокъ, а хаосъ примитивности, богатый всѣми силами, всѣми возможностями, всѣми звуками, душѣ человѣка сродными.

Тѣмъ же родимымъ хаосомъ примитивности воспитывалась

на протяженіи вѣковъ и русская народная масса, когда складывались основныя черты характера русскаго народа — отсутствіе религіознаго фанатизма, добродушное отношеніе къ инородцу, чужеземцу, проявленные и теперь въ міровой войнѣ сѣрой многомилліонной массой русскихъ воиновъ.

Такъ было при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ въ прошломъ, но такъ уже въ ближайшемъ для насъ будущемъ быть не можетъ. Міровая война ускорила темпъ нашей русской жизни. Та же стихія положила рѣзко конецъ примитивности и съ присущей ей силой, ураганомъ войны бросила намъ клубъ міровыхъ задачъ для рѣшенія ихъ въ глуби и гущѣ нашей русской народной и государственной жизни.

Для наступившаго безповоротно періода строительства въ жизни русской и международной свѣтлыхъ чертъ характера, рожденныхъ и вскормленныхъ стихіей примитивнаго періода, полубезсознательныхъ проявленій народной совѣсти недостаточно. Да ихъ и нѣтъ болѣе: война сдвинула, всколебала жизнь съ самой глубины. Много сотенъ тысячъ русскихъ людей останется на поляхъ сраженій, но и вернутся домой къ жизни и труду милліоны. Вернутся не тѣми, какими пошли: съ сознаніемъ участія въ огромномъ міровомъ дѣлѣ, съ сознаніемъ честно, не за страхъ, а за совѣсть исполненнаго гражданскаго долга, съ богатымъ запасомъ впечатлѣній отъ видѣннаго и пережитаго на полѣ брани, въ окопахъ, въ чужихъ странахъ, въ общеніи съ людьми различныхъ національностей... Вернутся съ упорными мыслями и желаніями, съ мучительной заботой объ экономическомъ положеніи крестьянскаго своего хозяйства и труда въ различныхъ областяхъ промышленной дѣятельности.

Центръ тяжести той интенсивной *строительной работы*, которая предстоитъ для вступающихъ въ жизнь поколѣній русскихъ дѣтей, какъ дѣтей интеллигентнаго и достаточнаго круговъ общества, такъ и дѣтей трудовой народной массы, *лежитъ въ области правосознанія.* Очередной жизненной задачей, выявленной войною для всѣхъ многонародныхъ государствъ является выработка правовыхъ основаній, обезпечивающихъ жизнь и развитіе для каждой народности и для защиты правъ всѣхъ народностей большихъ и малыхъ государствъ.

Въ этотъ историческій моментъ предъ нами, взрослыми, воспитателями, выборъ — или старый идеализмъ, проводникъ вѣчныхъ цѣнностей, или злоба дня, безпринципный временщикъ.

Міровая война обогатила наше сознаніе и нашъ языкъ но-

вымъ крылатымъ выраженіемъ—„разрушеніе Реймскаго собора", которымъ будетъ называться впредь всякое грубое посягательство на высшія, духовныя цѣнности, ставшія общимъ достояніемъ человѣчества. Не разрушаемъ ли и мы въ душахъ дѣтей и юношества тотъ храмъ, который созидался въ душѣ каждаго изъ нихъ изъ религіозныхъ вѣрованій и нравственныхъ идеаловъ, завѣщанныхъ намъ историческимъ прошлымъ человѣчества.

Есть вѣдь надъ чѣмъ призадуматься и отъ чего ужаснуться...

А. Калмыкова.

Петроградъ, 20 мая 1915 г.

ИЗБРАННЫЕ И ПОМИЛОВАННЫЕ.

Πᾶς Ἰσραὴλ σωθήσεται (Римл. II, 26).

Сейчасъ мы боремся съ антисемитствомъ въ его грубѣйшей, варварской, погромной формѣ. Приличная государственность и идущая въ уровень съ нею мѣра культурности устранятъ его. Тогда выявится вторая стадія антисемитства въ видѣ національной борьбы, картину которой мы наблюдаемъ въ Польшѣ. Но даже, если бы улаженъ былъ сложный національный вопросъ еврейства — и тогда не исчезнетъ еще антисемитство. Корни его лежатъ глубже: въ эмоціяхъ, въ антипатіяхъ. Нельзя же объяснить вѣчныя тренія у евреевъ съ народами древняго и новаго міра одними — какъ говорится — «раціональными» причинами. До сихъ поръ эта темная область національныхъ оттолкновеній не освѣщена еще цѣлительными лучами научнаго знанія, и потому точная наука намъ не оказываетъ помощи въ борьбѣ съ антисемитствомъ эмоціональнымъ.

Къ счастію и чести человѣчества въ эту борьбу вложено немало усилій поэтами, художниками, моралистами, гуманистами и религіозными мыслителями. Въ созданномъ ими благородномъ арсеналѣ есть разное оружіе, дѣйственное то для одной, то для другой группы людей, болѣющихъ враждой къ еврейству. Есть тамъ и религіозное, въ частности христіанское оружіе. Со всѣми другими аргументами, но безъ аргумента религіознаго, нельзя дойти до сердцевины сознанія людей религіозныхъ, нельзя повліять на переломъ ихъ эмоцій, если эти эмоціи недружелюбны къ еврейству. Тутъ нужно оружіе, спеціально предназначенное для вѣрующихъ душъ. Къ нему мнѣ и хотѣлось бы приложить руку.

Религіозно-положительное, религіозно-любовное отношеніе къ еврейству для христіанъ безусловно обязательно. Въ особенности для христіанъ, не индивидуально, а церковно вѣрующихъ. Обязательно не въ силу морали, совпадающей съ понятіемъ гуманности, а по чисто религіознымъ основаніямъ. Оно — прямой выводъ изъ правильнаго сознанія и ощущенія связи

ветхаго завѣта съ новымъ. Христіанство, въ отличіе отъ чистой философіи, чисто мистики и теософіи, есть религія историческая въ томъ смыслѣ, что его догма связана съ *историческимъ фактомъ* боговоплощенія. Даже въ ослабленной (внѣцерковной) формѣ лѣваго протестантизма оно опирается на фактъ богоявленія въ Іисусѣ изъ Назарета. Враждуя съ этой «историчностью», монисты съ проф. П. Древсомъ во главѣ недаромъ силятся доказать, что Іисусъ — миѳъ, а не историческая личность. Для христіанства человѣчество Христа — и *историческій фактъ* прошлаго, и живая *мистическая реальность* настоящаго, ибо церковь мыслится и переживается какъ *тѣло* Христово. Мессія отъ сѣмени Давидова сталъ тѣломъ, таинственно вкушаемымъ всякимъ членомъ церкви. Черезъ человѣчество Христа вѣрующій въ Него кровно роднится съ Израилемъ. Еврейскіе праотцы становятся его праотцами, еврейская исторія — священной исторіей. Судьбы израильской національности—судьбами таинственно-религіозными. Такъ и чувствуетъ церковь. Ея культъ переполненъ воспоминаніями, лицами, образами, словами израильскаго прошлаго. Чины богослуженій и западныхъ, и восточныхъ церквей почти сплошь сотканы изъ стиховъ Псалтири — этой лучшей книги молитвъ, воздиханій и славословій. Сіонъ, Іерусалимъ и вся земля обѣтованная также святы для христіанина, какъ и для еврея. И законъ и пророки есть матеріализованное слово Божіе для того и для другого. Ветхій завѣтъ для христіанина есть святое наслѣдство, доставшееся ему отъ предковъ.

Людей не помнящихъ родства, презирающихъ историческое прошлое, культурные люди подозрѣваютъ въ неблагородствѣ, въ духовномъ варварствѣ. Какимъ же подлиннымъ, некультурнымъ только, а религіознымъ хулиганствомъ слѣдуетъ назвать кощунственныя издѣвательства надъ библіей, столь частыя у антисемитовъ! Это или безсознательное, невѣжественное отреченіе отъ самаго христіанства, или дикая злоба, сознательно топчущая то, что ей завѣдомо извѣстно, какъ святыня. Я лично наблюдалъ и то, и другое. Когда, напримѣръ, извѣстный нововременскій публицистъ всю священную исторію называетъ еврейскимъ «трагикомическимъ водевилемъ», онъ легкомысленно, по-хлестаковски забываетъ о христіанствѣ, къ которому и вообще относится двусмысленно. Но когда другой истинно-русскій ученый мужъ, православный по долгу черносотенства и службы, непечатно кощунствуетъ надъ всѣмъ вет-

химъ завѣтомъ, слѣпо твердитъ «по Чемберлену», что Христосъ — не еврей и, что кромѣ евангелія, онъ знать не хочетъ никакой библіи — тутъ явное клокотаніе одной злобы, сбросившей съ себя всякую логику. Насколько антисемиты въ этомъ отношеніи рѣзко расходятся съ вѣрой церкви, видно изъ того, что ихъ кощунственная литература простымъ народомъ, даже враждующимъ съ евреями, встрѣчается съ полнымъ недоумѣніемъ. Припоминаю года три тому назадъ напечатанное въ «Колоколѣ» письмо одного псаломщика, видимо и праваго, и склоннаго къ антисемитству. Онъ искренно возмутился отъ глубины своего православнаго церковнаго сердца тѣми брошюрами, какими снабдила его любезная ему монархическая «палата». Издѣвательства надъ Іеговой подняли дыбомъ волосы у вѣрующаго черносотенца. Онъ буквально завопилъ отъ протеста и умолялъ оградить его и его односельчанъ отъ богохульной литературы, поносящей святое Имя Божіе и имена святыхъ патріарховъ. Наивный псаломщикъ просто вскрылъ тотъ нехитрый секретъ, что авторы подобной литературы — атеисты чистой воды, что въ ихъ душѣ нѣтъ ни капли церковной вѣры, нѣтъ даже твердаго знанія «начатковъ закона Божія».

Надо, однако, признать, что простая церковная вѣра, не имѣя въ этомъ пунктѣ ничего общаго съ специфической литературой антисемитовъ, можетъ ограничиваться любовью лишь къ дохристіанскому прошлому евреевъ и разрѣшать себѣ вражду къ евреямъ настоящимъ, какъ къ «врагамъ Христовымъ». Fides vulgaris такъ обыкновенно и поступаетъ. Такимъ раздѣленіемъ между евреями библейскими и современными проникнуто подавляющее большинство памятниковъ старой христіанской письменности. Правда, въ нихъ идетъ рѣчь объ іудеяхъ, какъ религіозныхъ противникахъ христіанства, а не врагахъ, расовыхъ, національныхъ. Но несомнѣнно кое-гдѣ примѣшивается къ религіозной полемикѣ и грубая, зоологическая вражда. И все-таки, этотъ тонъ «вульгарной вѣры», есть тонъ варварскаго прошлаго, какъ и во всемъ, впрочемъ, не переставшаго, къ сожалѣнію, быть настоящимъ. Не говоря уже о недопустимости, съ точки зрѣнія просвѣтленной христіанской морали, физической вражды къ религіознымъ противникамъ, при живомъ, выше средняго уровня стоящемъ, усвоеніи церковной догмы, самая мысль о враждѣ къ еврейству пріобрѣтаетъ еще болѣе недопустимый характеръ, чѣмъ при свѣтѣ одной морали.

Реализмъ, я бы сказалъ матеріализмъ, христіанскаго рели-

гіознаго сознанія («Богоматеріализмъ» Вл. Соловьева), при *живомъ ощущеніи* догмата богочеловѣчества обязательно приводитъ къ особому, религіозно-значительному воспріятію еврейской національности. Еврей — вотъ этотъ самый пейсатый и лапсердачный талмудистъ, твердящій ежедневно «шема» еврей — есть какъ ни какъ, а «родственникъ Божій», пусть отверженный, пусть гонимый и истязуемый Богомъ по пророчествамъ, но все-же почему-то «избранный». Этой тайны не смѣетъ отвергнуть ни одинъ христіанинъ, хотя бы самаго чернаго толка, разъ онъ съ черствой почвы религіозной схоластики хотя одинъ шагъ сдѣлаетъ въ область ортодоксальной мистики. А безъ мистики одна схоластическая, устами, но не сердцемъ исповѣдующая вѣра — мертва. Это требованіе не аристократической утонченности, а обычнаго опыта, доступнаго всякому живо вѣрующему простецу. На яркомъ опытѣ Вл. Соловьева связь догмата богочеловѣчества съ отношеніемъ къ еврейству только ярче познается. Великій схоласть догмата Богочеловѣчества онъ былъ и его великимъ мистомъ, а черезъ то и великимъ христіанскимъ юдофиломъ. Здѣсь не случайный, не наносный интеллигентскій либерализмъ на церковникѣ, а логически неизбѣжный плодъ разгорѣвшейся пламенемъ живой церковной вѣры. И не безъ пророчества.

Вотъ въ послѣднемъ моментѣ мы и подходимъ черезъ двери общедоступной мистики къ запечатаннымъ для церковной толпы, но легко отворяющимся для всякаго «толкущаго», дверямъ христіанскаго пророчества. Полноту церковную нельзя понять, нельзя вмѣстить и показать во внѣ безъ припаданія съ біеніемъ сердечнымъ къ полуприкровеннымъ голосамъ христіанскаго пророчества. Ухо Соловьева было чутко настороженно и различало много другихъ неизмѣримо болѣе глухихъ пророчествъ; тѣмъ опредѣленнѣе оно реагировало на это рѣзкое, прямо ошеломляющее пророчество объ Израилѣ. Простому народу, способному въ простотѣ слышать то, къ чему глухо ухо «мудрецовъ», стоитъ только открыть 11-ую главу письма апостола Павла къ римской общинѣ и указать на нее пальцемъ, чтобы всякій вѣрующій изъ толпы присмирѣлъ и отбросилъ въ разрядъ грѣховъ свою житейскую вражду къ евреямъ.

Павелъ не только первый схоластъ христіанской догмы, не только великій ея мистагогъ, но и великій среди другихъ апостоловъ пророкъ. Нерѣдко въ своихъ письмахъ онъ сообщаетъ адресатамъ о томъ, что открылось ему въ видѣніяхъ и восхи-

щеніяхъ. Эти сообщенія онъ сопровождаетъ особыми оговорками, какъ «тайны», основанныя ни на преданныхъ «заповѣдяхъ Господнихъ», ни на собственныхъ догадкахъ. Такъ и въ 11 главѣ къ Римлянамъ онъ излагаетъ пророчество объ Израилѣ въ приподнятомъ тонѣ. Здѣсь явственно отражается и трагическая любовь говорящаго къ родному племени, и героическая надежда, вопреки эмпирической видимости, на обращеніе его ко Христу и экстатическая радость прозорливца при одномъ воспоминаніи этой примиряющей тайны. Пророчество Павлово мало кому извѣстно. Церковь не любитъ пророчества, и единственную свою цѣликомъ пророческую книгу — Апокалипсисъ совсѣмъ не читаетъ. Мало говоритъ и о пророчествахъ Павла. А между тѣмъ въ вопросѣ объ отношеніи къ современному еврейству Павелъ даетъ каждому христіанину поразительно смиряющую, истинно-религіозную, клонящую къ любви директиву. Павелъ осаживаетъ заносчивость римскихъ язычниковъ, сознавшихъ себя въ церкви наслѣдниками библейскихъ обѣтованій. Вотъ его слова:

«Итакъ спрашиваю: неужели Богъ отвергъ народъ свой? «Нѣтъ. Ибо и я израильтянинъ, отъ сѣмени Авраамова, изъ «колѣна Веніаминова. Не отвергъ Богъ народъ свой, который «Онъ зналъ въ своемъ превѣдѣніи... Итакъ спрашиваю: не«ужели они преткнулись, чтобы пасть? Нѣтъ. Но отъ ихъ «преткновенія спасеніе язычникамъ, чтобы возбудить въ нихъ «соревнованіе. Если же прегрѣшеніе ихъ — богатство для міра «и ущербъ ихъ — богатство для язычниковъ, то тѣмъ болѣе «полнота ихъ... Если (посвященный Богу) начатокъ святъ, то «свято и все тѣсто, если корень святъ, то святы и вѣтви. Если «же нѣкоторыя изъ вѣтвей отломились, а ты, дикая маслина, «привился на мѣсто ихъ и, сдѣлавшись сообщникомъ корня, «сталъ соучастникомъ и тука маслины, то не превозносись надъ «вѣтвями. А если будешь превозноситься, то вѣдь не ты дер«жишь корень, но корень — тебя! Пожалуй скажешь: «вѣтви от«ломились, чтобы мнѣ привиться». Прекрасно: Онѣ отломились «невѣріемъ, а ты всталъ на вѣрѣ — не высокоумствуй, но бойся, «ибо, если Богъ не пощадилъ природныхъ вѣтвей, не пощадитъ «и тебя. Итакъ видишь милость и строгость Божію: строгость «къ падшимъ и милость Божію къ тебѣ, если только пребудешь «въ милости — иначе и ты будешь отсѣченъ. Наоборотъ, и они, «если не пребудутъ въ невѣріи, то привьются, такъ какъ Богъ «въ силѣ опять привить ихъ. Ибо если ты отсѣченъ отъ дикой

«по природѣ маслины и вопреки природѣ привитъ къ садовой «маслинѣ, тѣмъ болѣе они—природные привьются къ своей «собственной маслинѣ. Ибо я не хочу, васъ, братья, оста«вить въ невѣдѣніи объ этой тайнѣ, для того, чтобы вы не воз«мечтали о себѣ; а именно—, что ожесточеніе произошло въ «Израилѣ только въ извѣстной мѣрѣ, до того срока, когда «войдетъ полное число язычниковъ. *И такимъ образомъ весь «Израилъ будетъ спасенъ, какъ написано:* «прійдетъ отъ Сіона «избавитель и отвратитъ нечестіе отъ Іакова»...

«По евангелію они—враги, черезъ васъ, а *по избранію*— «*возлюбленные* черезъ праотцевъ, *ибо дары Божіи и призваніе «непреложны.* Ибо какъ вы нѣкогда были непослушны Богу, а «теперь помилованы, при ихъ непослушаніи, такъ они теперь не «послушались для вашего помилованія, чтобы и самимъ имъ «нынѣ быть помилованными. Такъ заключилъ Богъ всѣхъ «вмѣстѣ въ непослушаніе, *чтобы всѣхъ и помиловать.*

«О бездна богатства и премудрости и вѣдѣнія Божія! Какъ «непостижимы судьбы Его и неизслѣдимы пути Его! Ибо «кто «позналъ умъ Господенъ? Или: кто былъ совѣтникомъ Ему? «Или кто могъ что-либо дать Ему, чтобы (съ правомъ ждать) «отъ Него (какого-то) воздаянія?»,—такъ какъ все изъ Него, «черезъ Него и къ Нему. Ему слава во вѣки. Аминь».

Слова Священнаго Писанія для христіанина непререкаемы. Ихъ должно принять къ руководству и исполненію и почаще вспоминать, что «отверженный» Израиль есть предопредѣленный Богомъ братъ нашъ по вѣрѣ въ будущемъ, а по прошлому—братъ старѣйшій, «избранный, призванный и возлюбленный», какъ культурная маслина взрощенный въ саду Божьемъ, отъ «святости и благородства» которой и мы напитались, а не наоборотъ. «Не высокоумствуй, но бойся»—вотъ практическій совѣтъ энтузіаста-апостола христіанину въ будничныхъ отношеніяхъ къ евреямъ. «Бойся» суда Божія, который не пощадитъ тебя за твои грѣхи и который возвратитъ въ опредѣленный часъ своему первородному сыну непреложно обѣщанные дары и милости, «якоже клятся Аврааму, Исааку и Іакову и сѣмени его даже до вѣка»: «и такимъ образомъ весь Израиль будетъ спасенъ».

Какъ и когда это будетъ? Сердце грезитъ и смутно предчувствуетъ... Но кто посмѣетъ говорить о своихъ гаданіяхъ послѣ громовой рѣчи апостола?...

А. Карташевъ.

РАВНОПРАВІЕ ЕВРЕЕВЪ И ЕГО ВРАГИ.

Если задаться вопросомъ, кто въ настоящее время стоитъ на пути, преграждая дорогу еврейскому равноправію, кто выставляетъ опредѣленныя требованія на счетъ все большаго и большаго стѣсненія ихъ участія въ военной и гражданской службѣ, то придется сказать, что никто въ этомъ отношеніи не выступаетъ столь систематически съ болѣе опредѣленной программой, чѣмъ союзъ объединеннаго дворянства.

Въ 1913 году съѣздъ этого союза выразилъ слѣдующія пожеланія, которыя воспроизведены въ сборникѣ, изданномъ отъ его имени. Вотъ они буквально: 1) „Евреи и выкресты изъ евреевъ не должны допускаться ни къ отбыванію воинской повинности, ни къ поступленію въ сухопутныя и морскія войска на правахъ вольноопредѣляющихся или охотниковъ, ни въ военно-учебныя заведенія. 2) Евреи и выкресты изъ евреевъ не должны допускаться къ участію въ земскихъ избирательныхъ съѣздахъ. 3) Евреи и выкресты изъ евреевъ не допускаются на земскую службу. 4) Евреи и выкресты не допускаются на службу по городскому-общественному управленію. 5) Запрещается принимать въ гражданскую службу всѣхъ вообще евреевъ и выкрестовъ изъ евреевъ. 6) Евреи и выкресты изъ евреевъ не подлежатъ къ внесенію въ списки присяжныхъ засѣдателей, не могутъ быть назначаемы и выбираемы на должности по судебному вѣдомству, не могутъ быть присяжными и частными повѣренными“.

Эти пожеланія рѣзко расходятся съ политикой нашего законодательства временъ Петра Великаго, Екатерины Второй и Александра Перваго. Петръ призывалъ на служеніе русскому государству всѣхъ подданныхъ безъ различія національности и религіи. Его сподвижниками были одновременно и Брюсъ, и Бауэръ, и Рѣпинъ, и Меньшиковъ, и Ягужинскій. Что касается до Екатерины, то нашъ Сводъ Законовъ еще сохранилъ выраженіе ея извѣстнаго пожеланія, чтобы всѣ народы Россіи, каждый по правиламъ своей вѣры, возносили молитвы Всевышнему за благосостояніе ея правителей, пользуясь равными выгодами русскаго подданства. Въ своихъ „Началахъ русскаго государственнаго

права“ проф. Градовскій говоритъ: „Въ царствованіи Петра Великаго не имѣется общихъ постановленій о евреяхъ. Запретительныя мѣры начались съ царствованія Екатерины I. Царствованіе Екатерины II, не принесло особыхъ стѣсненій еврейской націи... Евреи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ засталъ ихъ раздѣлъ Польши, пользуются почти всѣми правами природныхъ русскихъ гражданъ“. Хотя черта осѣдлости, созданная еще въ царствованіи Петра II, соблюдаема была и Екатериной II, но та же императрица расширила эту черту осѣдлости, включивъ въ ея составъ не одну Малороссію, но и Екатеринославское намѣстничество, и Таврическую область, гдѣ евреямъ даровано полное право гражданства и мѣщанства. Въ царствованіи императора Александра I, изданное въ 1804 г. „Положеніе о евреяхъ“ въ статьѣ 42 провозглашаетъ принципъ гражданскаго равнопровія ихъ: „Всѣ евреи въ Россіи, обитающіе, вновь поселяющіеся или по коммерческимъ дѣламъ изъ другихъ странъ прибывающіе, — говоритъ этотъ законъ,—суть свободны и состоятъ подъ точнымъ покровительствомъ законовъ наравнѣ съ другими россійскими подданными“. Комментируя эту статью, проф. Градовскій пишетъ, что въ ней нельзя не видѣть стремленія посредствомъ опредѣленія гражданскихъ правъ евреевъ слить этотъ народъ со всѣмъ населеніемъ Россіи. Только въ послѣдніе годы царствованія Александра I подъ вліяніемъ быстраго развитія особенно близкой къ еврейству секты субботниковъ, умножившейся въ Воронежской, Самарской, Тульской и др. губерніяхъ, приняты были мѣры къ сокращенію черты осѣдлости. Затруднено передвиженіе евреевъ и запрещено даже временное ихъ пребываніе во внутреннихъ губерніяхъ. По „Положенію о евреяхъ“ 1835 г. при Николаѣ I за евреями удержано право пріобрѣтать всякаго рода недвижимую собственность, исключая населенныхъ имѣній, и вести всякаго рода торговлю на правахъ, одинаковыхъ съ прочими русскими подданными, но, разумѣется, только въ предѣлахъ черты осѣдлости. Отмѣтимъ то, что евреямъ было дозволено поступать во всѣ училища имперіи, какъ низшія, такъ и высшія съ предоставленіемъ лицамъ, обучавшимся въ этихъ школахъ опредѣленныхъ привиллегій. Только въ концѣ царствованія императора Николая I правительство обращается къ запретительнымъ противъ евреевъ мѣрамъ ни мало, впрочемъ, не стѣсняя ихъ поступленіе въ среднія и высшія учебныя заведенія. Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 31 марта 1856 г., которымъ предписано было пересмотрѣть существующія постановленія о евреяхъ, еще выра-

жена мысль, что цѣлью такого пересмотра должно быть соглашенie этихъ постановленiй (цитирую буквально) „съ намѣренiемъ слiянiя сего народа съ коренными жителями страны“. Во все время царствованiя Александра II не существовало никакихъ ограниченiй для прiема евреевъ въ университеты и другiя учебныя заведенiя. Наоборотъ, какъ показываетъ Градовскiй, ограниченiя въ чертѣ осѣдлости не распространяются въ это время на лицъ, желающихъ получить высшее образованiе, именно, на лицъ, поступающихъ въ медицинскую академiю, университеты и технологическiй институтъ. Градовскiй ссылается на продолженie Свода Законовъ 1868 г. Книга вышла въ 1875 г. при полномъ дѣйствiи еще этой свободы. Въ чертѣ осѣдлости евреямъ предоставлены были всѣ торговыя права наравнѣ съ прочими гражданами. До польскаго возстанiя 1863 г. евреи могли прiобрѣтать и въ западныхъ губернiяхъ различную недвижимую собственность не только въ городахъ, но и въ селенiяхъ, а затѣмъ это прiобрѣтенiе воспрещено было имъ наравнѣ съ поляками. И иностранные евреи могли прiѣзжать въ Россiю свободно, предъявляя тѣ заграничные паспорта, которые требуются отъ прочихъ гражданъ одного съ ними подданства.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что многiе изъ тѣхъ стѣсненiй, которыя тяготѣютъ надъ евреями, созданы въ недавнее время. Но и нынѣшнее царствованiе началось мѣрами въ пользу евреевъ. Въ 1903 г., вопреки запрету евреямъ жить въ селахъ даже въ предѣлахъ черты осѣдлости, запрету, подтвержденному закономъ 1872 г., сперва 200 селенiй, а затѣмъ еще 57 переведены были на положенiе городовъ, что позволило поселенiе въ нихъ и для евреевъ. А закономъ 11 августа 1904 г. придана новая сила правилу, по которому евреи, получившiе университетское и вообще высшее образованiе, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми допущены къ поселенiю на протяженiи всей имперiи. Но такая льгота сдѣлалась со времени подавленiя освободительнаго движенiя ближайшимъ поводомъ къ стѣсненiю прiема евреевъ въ высшiя учебныя заведенiя. Съ точки зрѣнiя интересовъ русскаго государства уцѣлѣвшiя изъятiя во вредъ евреямъ гибельно отражаются и на нашей экономической жизни, и на взаимномъ отношенiи гражданъ между собою, и на успѣхахъ просвѣщенiя, и на поднятiи общаго уровня нашей культуры. Въ какой мѣрѣ обѣщанiя, данныя намъ манифестомъ 17 октября, примиримы съ ограниченiями свободы прiобрѣтенiя имущества, свободы полученiя средняго и высшаго образованiя въ государственныхъ

школахъ, свободы исполненія обязанностей судьи, присяжнаго повѣреннаго, и вообще свободы профессій и службы, легко судить каждому. Опасенія высказываемыя насчетъ того, что допущеніе евреевъ къ равноправію грозитъ обезземеленіемъ крестьянскаго населенія уже потому мнѣ кажется незаслуживающими вниманія, что для предупрежденія этого бѣдствія обезземеленія крестьянъ имѣются другія средства. Они созданы на Западѣ такими системами сохраненія въ рукахъ воздѣлывателей орудій производства, какой является напримѣръ система Гомстеда или неотчуждаемости семейныхъ имуществъ (bien de famille). Такія системы имѣютъ свое отдаленное прошлое въ заботливости еще средневѣковаго законодательства на Западѣ о томъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ, даже при взиманіи недоимокъ, у крестьянина не отбирался не только его надѣлъ, что само по себѣ было невозможно, такъ какъ право собственности на надѣлъ принадлежало помѣщику, но и нужные крестьянину для обработки скотъ и хозяйственныя орудія, что въ совокупности обнималось терминомъ contenementum. Нераздѣльность семейнаго имущества, еще недавно признававшаяся Кассаціоннымъ Департаментомъ нашего Сената по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Западному Краю, достигала тѣхъ же результатовъ, такъ какъ для отчужденія требовалось согласіе всѣхъ членовъ двора. Такая защита интересовъ всѣхъ ведущихъ хозяйство сообща необходима крестьянину по отношенію къ владѣльцу капитала, будетъ ли имъ сосѣдній помѣщикъ, или разжившійся крестьянинъ, въ простонародьѣ извѣстный подъ именемъ „кулака“, или ссужающій его деньгами еврей, армянинъ или даже православный ростовщикъ. Для того, чтобы земля не выходила изъ рукъ крестьянства гораздо важнѣе, чтобы на торги продаваемаго за недоимки крестьянскаго участка не допускаемы были лица, не принадлежащія къ крестьянскому сословію; а между тѣмъ нашъ законъ допустилъ ихъ, если не къ первымъ, то ко вторымъ торгамъ. Я сторонникъ защиты крестьянской земельной собственности, но въ то же время я не вижу, чтобы для достиженія этой цѣли необходимо было въ правовомъ государствѣ ограничивать для кого-либо свободу передвиженія, поселенія или выбора профессіи. Такъ, впрочемъ, думали и нѣкоторые изъ тѣхъ политическихъ писателей въ Россіи, которые, какъ покойный профессоръ Московскаго университета Б. Н. Чичеринъ, связали свое имя съ защитой идеи гражданскаго равноправія евреевъ.

Максимъ Ковалевскій.

КОРНИ АНТИСЕМИТИЗМА.

Способность къ враждѣ и ненависти такъ же неотъемлемо присуща коллективной психикѣ человѣческихъ группъ, какъ и способность къ любви и сочувствію. Унаслѣдованная отъ далекихъ предковъ современнаго человѣчества, служившая имъ необходимымъ орудіемъ самозащиты, какъ одинъ изъ стимуловъ энергіи въ непрерывной борьбѣ, эта психическая способность значительно ослабѣла, но далеко не исчезла въ условіяхъ современнаго быта. Она можетъ еле замѣтно тлѣть въ эпохи мирнаго благополучія и довольства, но вспыхиваетъ съ нежданной иногда силой въ годины опасностей и бѣдствій. Во время войнъ, направляясь противъ внѣшняго врага, онъ находитъ соціально-цѣлесообразный выходъ, играя ту же роль одного изъ проявленій инстинкта самозащиты, какую она играла въ древнія эпохи непрерывной вооруженной борьбы между родами и племенами. Но нерѣдко, особенно при стихійныхъ бѣдствіяхъ, независящихъ отъ человѣческой воли и человѣческаго предвидѣнія, во времена тяжкихъ экономическихъ кризисовъ, повальныхъ болѣзней, она выливается въ безцѣльные и безсмысленные порывы, принимая форму озлобленнаго исканія „виновныхъ“, хотя бы ихъ и не было совсѣмъ. Исторія развертываетъ передъ нами длинный рядъ такихъ примѣровъ, начиная съ обвиненія христіанъ въ пожарѣ Рима при Неронѣ и кончая обвиненіями врачей въ отравленіи колодцевъ у насъ въ Россіи во время холеры.

Коллективная вражда и ненависть есть сила, заключающая въ себѣ извѣстную потенціальную энергію. Какъ всякая сила, она можетъ быть использована для различныхъ цѣлей. При помощи ея можно возбуждать и направлять къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ людскія массы, и иногда даже въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, чѣмъ при помощи чувствъ альтруизма и доброжелательства, ибо въ общей ненависти могутъ сойтись люди, далеко расходящіеся между собой въ области своихъ симпатій.

Гдѣ есть на лицо сила, способная быть направленной въ ту или иную сторону, тамъ всегда находятся люди, стремящіеся воспользоваться этой силой въ личныхъ или групповыхъ цѣляхъ. Такъ происходитъ и съ коллективными чувствами вражды и отталкиванія. И съ усложненіемъ общественной дифференціаціи пользованіе этими соціально-психическими силами можетъ даже кристаллизоваться въ опредѣленную спеціальность, въ профессію. Какъ въ древнихъ Аѳинахъ существовали сикофонты, такъ въ современныхъ обществахъ существуютъ политическіе дѣятели, органы печати, иногда даже цѣлыя партіи, для которыхъ возбужденіе въ общественной средѣ внутренней вражды служитъ основой бытія, которые живутъ этой враждой и безъ нея утратили бы смыслъ и средства своего существованія. И какъ ни зловѣще ихъ ремесло, приходится признать, что при данномъ уровнѣ коллективной человѣческой психики нѣтъ надежды на его полное исчезновеніе. Про него можно сказать словами Писанія: „Нельзя, чтобы не приходили въ міръ соблазны, но горе тому, черезъ кого соблазны приходятъ“.

Профессіоналы человѣконенавистничества постоянно нуждаются въ объектѣ нападеній; имъ нуженъ во всякій моментъ человѣкъ или группа людей, которые могли бы служить предметомъ травли. Удобные для этой цѣли объекты по временамъ выдвигаются сами собой вслѣдствіе различныхъ общественныхъ конфликтовъ. Но человѣконенавистничество, какъ прочно организованная профессія, не можетъ довольствоваться такими случайными, лишь время отъ времени появляющимися мишенями. Ему нужна постоянная, неоскудѣвающая пища, разъ навсегда опредѣленный, предустановленный объектъ. Такимъ объектомъ можетъ служить лишь извѣстный коллективъ, извѣстная общественная группа, и притомъ группа, удовлетворяющая опредѣленнымъ требованіямъ.

Прежде всего необходимо, чтобы группа эта имѣла явственныя, ясно различимыя очертанія, иначе говоря, чтобы она была отмѣчена опредѣленнымъ отличительнымъ признакомъ въ видѣ, напримѣръ, особаго вѣроисповѣданія, отличнаго отъ остального населенія языка и т. п.

Во-вторыхъ, эта группа должна быть, по возможности, широко распространена въ странѣ такъ, чтобы повсюду можно было найти наглядный видимый объектъ вражды въ лицѣ ея представителей.

Въ-третьихъ, избираемая въ качествѣ мишени для нападеній

группа не должна быть, съ одной стороны, не настолько безсильной и ничтожной, чтобы не возбуждать ни въ комъ зависти или чувства конкурренціи, съ другой стороны, не настолько многочисленной и сильной, чтобы столкновеніе съ нею могло представлять слишкомъ серьезныя невыгоды для нападающихъ. Всего удобнѣе, если она, будучи разсѣяна по всей странѣ, всюду, однако, образуетъ меньшинство населенія.

Всѣмъ этимъ условіямъ вполнѣ удовлетворяетъ религіозно-національная группа, со временъ глубокой древности, живущая въ „разсѣяніи" среди другихъ народовъ. Это—еврейская народность. Разбросанные повсюду въ качествѣ меньшинства въ массахъ подавляющаго иноплеменнаго большинства, обособленные устойчивыми религіозно-національными отличіями отъ окружающей ихъ среды, лишенные той точки опоры, которую даетъ даже небольшой національности прочная связь съ территоріей,—евреи издавна представляютъ собой ту „линію наименьшаго сопротивленія", по которой всего легче можетъ направиться волна массоваго раздраженія и озлобленія. Общее положеніе, въ которое ихъ поставила исторія, уже само по себѣ независимо отъ привходящихъ частныхъ причинъ, создало предрасположеніе къ тѣмъ гоненіямъ и преслѣдованіямъ, которымъ еврейство подвергалось на протяженіи многихъ вѣковъ въ различныхъ странахъ.

Но всякое общественное движеніе, каковы бы ни были въ послѣднемъ счетѣ его реальныя основы, нуждается въ извѣстномъ идеологическомъ обоснованіи. Съ этой точки зрѣнія исторія враждебныхъ евреямъ движеній распадается на два неравныхъ по продолжительности періода: одинъ—тянущійся на пространствѣ многихъ столѣтій со временъ „разсѣянія" еврейскаго народа, другой—принадлежащій всецѣло новѣйшему времени.

Юдофобство стараго типа, массовыя вспышки котораго можно наблюдать въ Европѣ со временъ ранняго средневѣковья, проникнуто вѣроисповѣдными мотивами. Оно тѣсно связано съ общимъ духомъ эпохи, въ которой религіозныя различія между людьми влекутъ за собой послѣдствія первостепенной важности въ области общественной и политической жизни. Люди средневѣковаго міросозерцанія не представляютъ себѣ возможности того, что составляетъ обычное, повседневное явленіе въ наше время, возможности мирнаго и равноправнаго сожительства въ предѣлахъ одного и того же гражданскаго общества послѣдователей различныхъ религіозныхъ ученій. Если даже они отказываются отъ мечты всемірнаго, безраздѣльнаго господства одной

религіи, то, во всякомъ случаѣ, государство представляется имъ союзомъ людей одной вѣры. Cujus regio ejus religio. Религіозная нетерпимость господствуетъ даже во взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Тѣмъ съ большей силой она обнаруживается по отношенію къ евреямъ. „Отъ враговъ имени Христова не желаю интересной прибыли“,—въ этихъ словахъ, которыми императрица Елизавета Петровна отвѣтила на мотивированное экономическими соображеніями предложеніе допустить евреевъ въ Россію, вылилась въ краткую и выразительную формулу простодушная юдофобія стараго времени.

XVIII вѣкъ, вѣкъ просвѣщенія, нанесъ юдофобіи этого типа смертельный ударъ. Послѣ Монтескье и Вольтера обоснованіе преслѣдованія и правоограниченій евреевъ религіозными мотивами сдѣлалось—по крайней мѣрѣ для образованныхъ общественныхъ верховъ—невозможнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ существенно измѣнилось и общее значеніе религіозно-церковнаго начала въ жизни народовъ. Упадокъ религіознаго фанатизма не ведетъ—какъ это кажется фанатикамъ, а также ихъ противникамъ съ противоположнаго крайняго фланга—къ упадку самой религіи.

Напротивъ, въ странахъ наиболѣе вѣротерпимыхъ, въ Англіи, въ Сѣверной Америкѣ пульсъ религіозной жизни бьется гораздо сильнѣе, чѣмъ у народовъ, сохранившихъ въ своемъ быту клерикальныя начала. Но религія все болѣе уходитъ изъ области политическихъ и гражданскихъ отношеній въ область внутренняго человѣческаго сознанія. Человѣчество начинаетъ все глубже понимать и оцѣнивать истину: „Царство Божіе внутри васъ есть“. И въ связи съ этимъ все болѣе оскудѣваютъ и изсыхаютъ источники вѣроисповѣдной нетерпимости вообще и вѣроисповѣднаго юдофобства въ частности.

Конечно, эти источники еще не изсякли совершенно, особенно въ малокультурныхъ слояхъ населенія. Попытки пробудить въ народныхъ массахъ вражду къ евреямъ на религіозной почвѣ еще встрѣчаются время отъ времени въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что это—лишь послѣднія вспышки потухающаго костра. Религіозное юдофобство—несомнѣнный пережитокъ далекаго прошлаго. Оно умираетъ, и влить въ него новую жизнь такъ же невозможно, какъ невозможно повернуть назадъ колесо исторіи.

Но на смѣну вѣроисповѣдной юдофобской идеологіи выступаетъ на нашихъ глазахъ идеологія иного рода, построенная на болѣе современныхъ мотивахъ и болѣе приспособленная къ

духу времени. Юдофобія старозавѣтнаго покроя, основанная на фанатизмѣ, суевѣріи и невѣжествѣ, преобразуется въ новѣйшій „антисемитизмъ", то есть въ ту же юдофобію, но обновленную, усовершенствованную, облеченную въ научный или, точнѣе говоря, въ псевдо-научный костюмъ.

И именно теперь, когда воинствующій германизмъ такъ ярко выявилъ свою внутреннюю сущность и такъ рѣзко противопоставилъ себя общечеловѣческой культурѣ, особенно интересно и поучительно отмѣтить, что новѣйшая антисемитическая идеологія есть продуктъ германской духовной индустріи. Сложившись въ Германіи, эта идеологія проникла оттуда въ другія страны, въ Австрію, Венгрію, Румынію, Россію. Распространеніе ея на Западъ было менѣе успѣшно, чѣмъ на Востокъ. Франціи антисемитизмъ коснулся лишь мимолетно въ бурную и болѣзненную эпоху дѣла Дрейфуса. Англіи и Америкѣ онъ остался совершенно чуждъ.

Въ Германіи антисемитизмъ въ его современной формѣ зарождается вскорѣ послѣ рожденія самой Германской имперіи, въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія и съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ опирается на двоякое обоснованіе, экономическое и расово-этнологическое.

Внѣшнимъ толчкомъ для антисемитической агитаціи на почвѣ экономическихъ отношеній является экономическій кризисъ, разразившійся въ Германіи въ 70-хъ годахъ послѣ эпохи „грюндерства", ознаменовавшаго первые годы жизни Германской имперіи. Развитіе въ небывалыхъ еще размѣрахъ крупной капиталистической промышленности имѣло свою оборотную сторону, чувствительно отозвавшуюся на интересахъ нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ, въ особенности, землевладѣльцевъ и мелкой буржуазіи. Начались обычные въ подобныхъ случаяхъ поиски „виновныхъ", и участіе евреевъ въ совершившимся хозяйственномъ переворотѣ дало возможность изобразить ихъ въ качествѣ виновниковъ тягостныхъ послѣдствій этого переворота для общественныхъ элементовъ, не успѣвшихъ еще приспособиться къ новымъ формамъ экономической жизни. Антисемитическое движеніе возникаетъ сначала въ формѣ печатной пропаганды соотвѣтствующихъ взглядовъ, а затѣмъ со страницъ брошюръ и газетъ переходитъ въ жизнь. Вслѣдъ за антисемитскими публицистами, Вильгельмомъ Марромъ и Рудольфомъ Мейеромъ идутъ антисемитскіе политическіе дѣятели, придворный пасторъ Штекеръ и беззастѣнчивый авантюристъ Альвардтъ. Основывается нѣмец-

кая антисемитическая партія, объединяющая въ своемъ составѣ клерикально-аристократическіе элементы съ демагогическими и провозглашающая подъ видомъ своей политической программы пеструю и нелѣпую смѣсь разнородныхъ требованій, начиная съ ограниченія правъ евреевъ и кончая отмѣной обязательнаго оспопрививанія.

На первыхъ порахъ новое движеніе сдѣлало крупные успѣхи. Казалось, что передъ нимъ развертываются широкія перспективы. Но за быстрымъ расцвѣтомъ наступаетъ столь же быстрое увяданіе. Область экономическихъ интересовъ есть та сфера, гдѣ всякаго рода легенды разсѣиваются скорѣе, нежели въ какой-либо иной области. Не нужно было много знаній и проницательности, чтобы понять, что экономическія бѣды, которыя приписывались евреямъ, въ дѣйствительности, были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ эволюціи капитализма. Широкіе общественные круги, первоначально увлеченные на путь антисемитизма, вскорѣ уразумѣли, что гнетъ капитализма одинаково тяжелъ, къ какому бы вѣроисповѣданію ни принадлежалъ капиталистъ, что тяжесть его ощущаютъ на себѣ не одни христіане, но и евреи, и что попытки возвращенія къ средневѣковымъ ограниченіямъ не только не способны остановить неудержимый ходъ экономической эволюціи, но, напротивъ, могутъ лишь усилить сопутствующія ей отрицательныя явленія.

Экономическая теорія антисемитизма еще существуетъ въ Германіи; она получила еще болѣе широкое распространеніе въ Австріи, а также проникла и въ другія страны.

Она можетъ еще имѣть успѣхъ въ малокультурной, невѣжественной общественной средѣ. Но, какъ попытка серьезнаго, „научнаго“ обоснованія юдофобіи, она рухнула безповоротно. „Антисемитизмъ есть соціализмъ дураковъ“ прозвучалъ надъ нею безповоротнымъ и неумолимымъ приговоромъ.

Но антисемитизмъ нашелъ въ Германіи и другую точку опоры. А именно, роль базиса для него сыграла соціально-антропологическая теорія, признающая основнымъ факторомъ человѣческаго развитія—расу. Соотвѣтственно этой теоріи для обоснованія и оправданія антисемитизма выдвигается уже не религія евреевъ и не ихъ соціально-экономическое положеніе, а ихъ прирожденныя расовыя свойства. На эту почву антисемитизмъ былъ поставленъ извѣстнымъ Дюрингомъ, и именно въ этой формѣ онъ является въ настоящее время наиболѣе популярнымъ. „Расовая“ теорія звучитъ и въ самомъ словѣ „антисемитизмъ“, указываю-

щемъ на борьбу съ евреями, не какъ съ представителями извѣстной религіи или національности, а именно какъ съ носителями предполагаемаго „семитическаго“ расоваго начала.

Для наиболѣе послѣдовательныхъ сторонниковъ доктрины, о которой идетъ рѣчь, „раса“ играетъ ту же роль, какую для средневѣковаго человѣка играла религія. Расовая однородность и чистота признается основой развитія и процвѣтанія народовъ. Напротивъ, смѣшеніе расъ несетъ съ собой упадокъ и разложеніе. При этомъ благороднѣйшей изъ всѣхъ расъ, единственной носительницей высшихъ началъ культуры провозглашается „арійская раса“. Примѣсь къ арійскимъ народамъ иныхъ расовыхъ элементовъ угрожаетъ всегда серьезной опасностью ихъ культурному развитію. И изъ всѣхъ не-арійскихъ расъ самую гибельную для арійскихъ началъ роль играетъ „семитическая раса“. Являясь по самой своей природѣ „низкопробной“ въ культурномъ отношеніи, будучи неспособной къ созданію и усвоенію высшихъ культурныхъ цѣнностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладая значительной активностью и способностью къ проникновенію и внѣдренію въ среду другихъ національностей, она вноситъ разложеніе въ общественную и государственную жизнь тѣхъ народовъ, на территоріи которыхъ она поселяется.

Любопытно отмѣтить, что эта доктрина не только отрывается отъ первоначальнаго вѣроисповѣднаго корня юдофобіи, но и не колеблется стать въ прямое противорѣчіе съ христіанскимъ вѣроученіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ примирить признаніе евреевъ низшей расой, неспособной къ созданію высшихъ духовныхъ цѣнностей съ фактомъ зарожденія христіанства въ средѣ еврейскаго народа? Одни антисемиты смѣло перешагиваютъ черезъ это затрудненіе, доходя въ прямолинейномъ развитіи своихъ взглядовъ до признанія превосходства „арійскаго многобожія“ надъ „іудейскимъ единобожіемъ“. Другіе, не желающіе порывать столь рѣзко съ религіозными традиціями, стараются найти выходъ въ произвольныхъ гипотезахъ объ арійскомъ происхожденіи населенія Галилеи (что, впрочемъ, нисколько не спасаетъ ихъ отъ конфликта съ христіанской догматикой). Третьи, наконецъ, просто обходятъ молчаніемъ затруднительный вопросъ.

„Арійская“ теорія, какъ было уже сказано выше, пользуется въ наше время широкимъ распространеніемъ. Въ частности она съ увлеченіемъ подхвачена нашей націоналистической печатью. Причины ея популярности психологически вполнѣ понятны. Она льститъ національному самолюбію всѣхъ, кто считаетъ себя

въ правѣ быть причисленнымъ къ лику „арійцевъ". Пріятно—не только на основаніи достигнутыхъ культурныхъ успѣховъ, и въ мѣру этихъ успѣховъ, но и независимо отъ нихъ, по праву рожденія и крови—считать себя аристократами человѣчества и съ гордостью „аріевъ" взирать на низшія расы „паріевъ". Здѣсь есть пища не только для коллективнаго, но и для индивидуальнаго удовлетворенія. На этой почвѣ возникаетъ своеобразный націоналистическій снобизмъ, сходный въ своей психологической основѣ съ свѣтскимъ снобизмомъ выскочки. Въ связи съ расовымъ обоснованіемъ антисемитизмъ получаетъ тотъ псевдо-аристократическій налетъ, на который такъ падки духовные мѣщане всѣхъ странъ и народовъ. Арійская доктрина даетъ основаніе къ гордости людямъ, которымъ нечѣмъ больше гордиться, и служить базисомъ для притязаній, которыя ни на чемъ иномъ не могутъ быть обоснованы. Монтескье, говоря о роли испанцевъ въ Америкѣ, съ неподражаемымъ сарказмомъ рисуетъ намъ человѣка „оливковаго цвѣта", который сидитъ сложа руки на порогѣ своей хижины, оправдывая свою праздность тѣмъ, что онъ „бѣлый" и что поэтому работать за него должны цвѣтные люди. На этого „прирожденнаго господина" очень похожъ тотъ современный потомокъ разнородныхъ и неизвѣстныхъ первобытныхъ племенъ, который во имя своего „арійскаго" благородства требуетъ, чтобы въ жизненномъ состязаніи его оградили отъ зловредной конкурренціи „семита".

„Арійская" теорія подносится до сихъ поръ публикѣ, какъ научный догматъ, и многіе въ простотѣ душевной видятъ въ ней, дѣйствительно, неумолимый выводъ безстрастной науки. Но, въ дѣйствительности, новѣйшее развитіе антропологіи и этнологіи не оставило камня на камнѣ отъ арійской легенды. Самые термины „арійская раса" и „семитическая раса" не что иное, какъ пережитки младенческаго состоянія этнологической науки, когда родство языковъ отождествлялось съ родствомъ крови. Какъ справедливо замѣчаетъ одинъ антропологъ, говорить объ „арійской расѣ", такъ же нелѣпо, какъ говорить о „долихоцефальной грамматикѣ". Есть арійскіе и семитическіе языки, но нѣтъ ни арійскихъ, ни семитическихъ физическихъ признаковъ. „Арійская раса"—говоритъ Фино—„не что иное какъ выдумка, точно такъ же, какъ арійскій типъ и арійская цивилизація". Мы знаемъ теперь хорошо, что европейскія народности, говорящія на арійскихъ, то-есть славянскихъ, романскихъ, германскихъ, кельтскихъ языкахъ, образовались изъ смѣшенія обломковъ различныхъ, въ точ-

ности намъ неизвѣстныхъ первобытныхъ расъ. Мы знаемъ, съ другой стороны, что и противопоставляемые арійцамъ евреи представляютъ собой продуктъ сложнаго расоваго смѣшенія. Весьма многіе антропологи совершенно отрицаютъ существованіе особаго еврейскаго расоваго типа. Но и тѣ, которые признаютъ его, подчеркиваютъ отличіе современныхъ евреевъ отъ древнихъ семитовъ и близкое антропологическое сродство ихъ съ населеніемъ Закавказья и Персіи. Какъ справедливо отмѣчаетъ Цольшанъ, съ антропологической точки зрѣнія между евреями и южными европейцами меньше разницы, чѣмъ между этими послѣдними и жителями сѣверной Европы.

Арійскую теорію въ первоначальномъ ея видѣ не поддерживаютъ и нѣмецкіе антропологи.

Но въ Германіи съ этой теоріей произошла странная вещь. Чѣмъ яснѣе обнаруживалась ея научная несостоятельность, тѣмъ ярче и откровеннѣе выступала скрытая въ ней подъ научной оболочкой шовинистическая доктрина. Изъ „арійской" теорія обращалась въ „германскую". Пусть невозможно вывести происхожденіе всѣхъ говорящихъ на арійскихъ языкахъ народовъ отъ единаго благороднаго арійскаго корня. Тѣмъ лучше. Будемъ выводить отъ этого корня однихъ германцевъ. Объявимъ ихъ однихъ аристократами человѣчества, и такъ какъ традиціонный физическій типъ германца отмѣченъ высокимъ ростомъ, бѣлокурыми волосами, голубыми глазами и удлиненной формой черепа, то объявимъ эти черты специфическими признаками избранной расы. Такъ и поступаютъ Вольтманъ, Вильзеръ, Пенка, Фритчъ и другіе патріотическіе антропологи Германіи. Справедливость требуетъ упомянуть, что у нихъ есть союзники и за предѣлами Германіи. Они опираются на Гобино, французскаго писателя прошлаго вѣка, получившаго нѣмецкое воспитаніе, сроднившагося съ нѣмецкой культурой и признававшаго превосходство германской расы передъ французской. (Идеи Гобино получили широкое распространеніе въ Германіи и, между прочимъ, оказали большое вліяніе на Рихарда Вагнера). Однимъ изъ самыхъ пылкихъ приверженцевъ германской теоріи является также онѣмеченный англичанинъ Хаустонъ Чемберленъ, съ книгой котораго, какъ говорятъ, не разстается императоръ Вильгельмъ II.

Писатели этой школы затрачиваютъ огромныя усилія, чтобы доказать, что все великое и благородное въ человѣческой исторіи создано длинноголовыми, бѣлокурыми, голубоглазыми людьми.

Германцами, по ихъ мнѣнію, были, въ сущности, и тѣ великіе люди, которыхъ, обыкновенно, причисляютъ къ другимъ національностямъ, напримѣръ Галилей и Леонардо-да-Винчи. Германцами были древне-греческіе герои Парисъ и Елена. Германскаго происхожденія, по догадкѣ Чемберлена, былъ даже царь Давидъ. Правда, среди нѣмцевъ и даже среди выдающихся нѣмцевъ очень много людей не-германскаго физическаго типа (круглоголовымъ—увы—былъ самъ Бисмаркъ). Но здѣсь приходитъ на помощь ученіе о чудесныхъ свойствахъ благородной германской крови, которая даже въ смѣшеніи съ кровью другихъ расъ создаетъ великія дарованія и выдающееся душевное благородство.

Что такого рода теоріи имѣютъ успѣхъ среди нѣмецкихъ шовинистовъ,—это вполнѣ понятно. Менѣе понятно, что онѣ пользуются такимъ же успѣхомъ у нашихъ „націоналистовъ". Въ фельетонахъ Меньшикова повторяются мысли Гобино. Книга Чемберлена превозносится въ „Новомъ Времени", какъ откровеніе.

Правда, наши антисемиты пользуются германо-арійской теоріей лишь постольку, поскольку она даетъ имъ оружіе противъ евреевъ. Они не договариваютъ ее до конца. Но договоренная до конца она гласитъ, что „аріи", аристократы человѣчества, это—германцы, а паріи не только евреи, но и другіе народы, „безнадежно испорченные примѣсью низкопробныхъ расовыхъ элементовъ". И въ первую голову—мы, русскіе, которые, съ точки зрѣнія нѣмецкой антропологической философіи, и должны потому служить подстилкой для германской культуры.

Таковы тѣ первоисточники, изъ которыхъ черпаетъ свою идеологію русскій антисемитизмъ. И связь его съ германизмомъ нельзя считать случайной. Здѣсь предъ нами больше, чѣмъ простое заимствованіе. Здѣсь есть внутреннее духовное сродство. Ложное направленіе современной германской культуры, ея кривостъ выражается именно въ томъ, что она воскрешаетъ въ модернизованной формѣ многіе пережитки прошлаго. Германія является центромъ обновленной, приспособленной къ условіямъ времени и технически усовершенствованной реакціонной идеологіи. И нельзя поэтому отказать въ послѣдовательности нашимъ „крайнимъ правымъ", когда они, не стѣсняясь, признаютъ Германію „питомникомъ" и „оплотомъ" исповѣдуемыхъ ими идей и видятъ въ династіи Гогенцоллерновъ „носительницу и насадительницу высокихъ для человѣчества принциповъ".

Наши „націоналисты" много говорятъ сейчасъ о необходи-

мости освобожденія отъ нѣмецкаго культурнаго „засилья“. Но для этого имъ нужно прежде всего перестать духовно питаться объѣдками, падающими со стола германскаго шовинизма. Нужно освободиться отъ реакціонныхъ идей, несовмѣстимыхъ съ свободнымъ развитіемъ силъ Россіи. Русскому народу чужда религіозная нетерпимость; одна изъ лучшихъ чертъ его это—соединеніе глубокаго религіознаго чувства съ отсутствіемъ фанатизма и клерикализма. Въ его наклонностяхъ и настроеніяхъ нѣтъ почвы для вѣроисповѣдной вражды. Предъ Россіей стоитъ, далѣе, задача экономическаго подъема, освобожденія изъ-подъ гнета экономической зависимости отъ Германіи. Для достиженія этой цѣли нужно широкое поприще, открытое для способностей и дарованій всѣхъ русскихъ ея гражданъ, свободное передвиженіе и обращеніе въ предѣлахъ государства всѣхъ личныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ населенія. И, наконецъ, политически русское государство призвано объединить въ одно цѣлое, слить въ одну политическую націю множество различныхъ племенъ и національностей. Антисемитизмъ находится въ глубокомъ и непримиримомъ противорѣчіи со всѣми этими условіями и задачами нашего государственнаго и общественнаго развитія. Онъ могъ существовать въ Россіи, остановившейся въ колебаніи и нерѣшимости на историческомъ распутьи.

Но ему не можетъ быть мѣста въ Россіи, нашедшей свою дорогу и идущей впередъ.

Ѳ. Кокошкинъ.

МНѢНІЕ МИСТЕРА ДЖАКСОНА О ЕВРЕЙСКОМЪ ВОПРОСѢ

Одно, если не изъ самыхъ глубокихъ, то во всякомъ случаѣ изъ самыхъ выразительныхъ сужденій по еврейскому вопросу, мнѣ довелось слышать на Атлантическомъ океанѣ отъ случайнаго спутника по путешествію. И хотя это было давно, и человѣкъ, его произнесшій, былъ ничѣмъ не замѣчателенъ, тѣмъ не менѣе это сужденіе встаетъ въ моей памяти по разнымъ поводамъ, которые теперь такъ часты.

Это было именно въ 1904 году. Мы съ однимъ соотечественникомъ, тоже человѣкомъ пишущимъ, плыли на пароходѣ англо-американской компаніи «Cunard».

Наша каюта была маленькая и тѣсная. Освѣщалась она матовымъ свѣтомъ изъ иллюминатора, помѣщавшагося въ потолкѣ, служившемъ палубой. Въ ней было три койки и умывальникъ. Двѣ койки занимали мы съ товарищемъ, на третьей помѣщался господинъ, о которомъ мы прочитали въ корабельномъ спискѣ: «м-ръ Генри Джаксонъ, изъ Иллинойса».

Въ первые дни мы только это о немъ и знали. Подымался онъ очень рано, ложился поздно, весь день проводилъ внѣ кабины. Обыкновенно мы просыпались оттого, что къ глухому и мѣрному плеску океана за бортомъ корабля присоединялся болѣе близкій плескъ умывальника. При тускломъ свѣтѣ иллюминатора, мнѣ съ моей верхней койки была видна высокая

фигура, въ длинной, какъ саванъ, ночной рубахѣ, съ небольшой лысинкой на макушкѣ. Изъ деликатности онъ не зажигалъ электричества, справлялъ туалетъ въ полутьмѣ очень тихо и только не могъ отказать себѣ въ удовольствіи нѣсколько фыркать, когда полоскался въ струѣ холодной воды изъ умывальника. Затѣмъ онъ опять нырялъ на свою койку и возился тамъ нѣкоторое время тихо и осторожно; потомъ — легкій скрипъ двери, и длинная фигура выскальзывала изъ кабины.

Мы очень интересовались личностью сосѣда-незнакомца; это былъ первый американецъ, съ которымъ насъ такъ близко сводила судьба. Мы не могли даже разглядѣть его лица и днемъ напрасно старались угадать его въ международной толпѣ джентльменовъ, сновавшихъ по палубѣ нашей «Ураніи», полулежавшихъ въ лонгшезахъ, садившихся за столы во время лёнчей, обѣдовъ и ужиновъ, утопавшихъ въ дыму сигаръ въ smoking-room'ѣ. Эта неуловимость дѣлала личность спутника загадочной и интересной, и мы выбирали въ званіе «нашего» американца то того, то другого изъ американскихъ джентльменовъ средняго возраста. При этомъ, конечно, мы намѣчали кандидатами наиболѣе интересныя и наиболѣе типичныя фигуры.

«Уранія» давно была въ океанѣ, когда однажды мой товарищъ сказалъ мнѣ наконецъ:

— Я узналъ, который американецъ—«нашъ»... Вотъ онъ идетъ сюда, смотрите.

Вдоль борта приближался долговязый господинъ съ маленькой толстой дамой.

Я испыталъ невольное разочарованіе: и онъ, и она были какъ-разъ самые неинтересные изъ всѣхъ пассажировъ перваго класса на «Ураніи». На пароходѣ ѣхала какая-то полуевропейская, полу-экзотическая труппа для гастролей въ Америкѣ. Въ центрѣ ея были двѣ очень красивыя креолки, успѣвшія уже составить громкое имя въ Европѣ. Около нихъ группировалось нѣсколько звѣздочекъ меньшаго блеска, и все созвѣздіе привлекало респектабельное вниманіе кавалеровъ разныхъ націй. Вскорѣ намѣтилось нѣсколько паръ, совершавшихъ вращеніе по палубѣ «Ураніи» вмѣстѣ... Въ томъ числѣ былъ и долговязый господинъ съ коротенькой очень вульгарной дамой, имѣвшей видъ камеристки или дуэньи. Когда они проходили мимо другихъ паръ,—порой можно было замѣтить слегка ироническіе взгляды и тонкія улыбки. Но «нашъ амери-

канецъ» имѣлъ видъ очень самодовольный, даже отчасти побѣдительный.

Мой товарищъ, хорошо владѣвшій англійскимъ языкомъ, вскорѣ завязалъ нѣсколько знакомствъ. Особенно часто я видѣлъ его бесѣдующимъ съ «нашимъ американцемъ» въ тѣ часы, когда послѣдній бывалъ свободенъ отъ своихъ кавалерскихъ обязанностей. Вскорѣ мы ознакомились съ главнѣйшими чертами его жизни.

Оказалось, что въ молодости онъ перебралъ много профессій, пока на одной ему повезло. Онъ сталъ состоятельнымъ рантье, отлично пристроилъ двухъ сыновей, овдовѣлъ, и рѣшилъ использовать въ свое удовольствіе остальную часть жизни, начавшейся среди тяжелаго труда и многихъ превратностей. Свое время онъ проводилъ въ путешествіяхъ отъ одного сына къ другому, отдыхая у себя въ отлично устроенномъ домѣ въ Чикаго... «Во время путешествій часто попадаются интереснѣйшія встрѣчи и приключенія... Не правда ли?»... И онъ кидалъ лукаво-побѣдительный взглядъ въ сторону своей артистической дамы.

Узнавъ, что мы русскіе писатели, онъ сразу рѣшилъ, что мы ѣдемъ въ качествѣ корреспондентовъ на выставку.

— О, да! Въ мои трудные дни я ѣлъ хлѣбъ и изъ этой печи,—сказалъ онъ съ довольнымъ видомъ.—Есть много занятій болѣе респектабельныхъ и доходныхъ... Но человѣкъ пробуетъ все. Я могу дать вамъ хорошій совѣтъ. На первомъ поѣздѣ, который повезетъ васъ вглубь страны, вы увидите молодого парня, который предложитъ вамъ купить иллюстрированный гидъ. Не жалѣйте полдоллара и покупайте такіе гиды почаще. Въ нихъ вы найдете прекрасныя описанія достопримѣчательныхъ мѣстностей, составленныя настоящими мастерами. Вы можете черпать оттуда щедрой рукой. Даже мы, американцы, не можемъ знать всѣхъ нашихъ гидовъ, а въ Россіи... Ха-ха! Еще не доѣхавъ до Чикаго, вы уже сдѣлаете тысячи строкъ... Ваши читатели будутъ довольны, редакторъ тоже, а вы легко заработаете вашъ гонораръ... Что?... Не правда ли?...

— Мы очень признательны вамъ, сэръ,—съ иронической вѣжливостью отвѣтилъ мой товарищъ и прибавилъ по-русски:—свинья въ ермолкѣ... Онъ увѣренъ, что облагодѣтельствовалъ насъ своимъ совѣтомъ.

У моего товарища была сильная юмористическая складка, и онъ каждый день передавалъ мнѣ какой-нибудь новый эпи-

зодъ, характерное сужденіе или разсказъ изъ прошлаго «нашего американца». Порой онъ вынималъ записную книжку и дѣлалъ видъ, что почтительно заноситъ въ нее особенно удачные пассажи изъ этихъ поучительныхъ бесѣдъ. И при этомъ говорилъ мнѣ по-русски:

— Онъ глубоко увѣренъ, что Америка—лучшая страна въ мірѣ, Иллинойсъ—лучшій штатъ въ Америкѣ, его кварталъ—лучшій кварталъ въ городѣ, а его домъ—лучшій домъ этого квартала... Теперь онъ увѣряетъ, что Чикаго давно уже переросъ Нью-Іоркъ и является первымъ городомъ въ мірѣ. Постойте... вотъ идетъ еще одинъ. Этотъ изъ Нью-Іорка...

Онъ остановилъ шедшаго мимо джентльмена и сталъ знакомить американцевъ.

— Мистеръ Джаксонъ изъ Иллинойса, мистеръ Карсонъ изъ Нью-Іорка...—Затѣмъ наивнымъ тономъ недоумѣвающаго человѣка онъ спросилъ:

— Вы говорили мнѣ, что Нью-Іоркъ—первый городъ въ мірѣ. А вотъ мистеръ Джаксонъ утверждаетъ, что Чикаго въ послѣднія десять лѣтъ по количеству населенія далеко оставилъ за собой Нью-Іоркъ. По его словамъ, въ Чикаго столько-то милліоновъ жителей.

Мой товарищъ слегка откинулся на спинку своего кресла и съ видимымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на обоихъ американцевъ.—«Сейчасъ будетъ бой пѣтуховъ»,—сказалъ онъ мнѣ по-русски, и насмѣшливая складочка зазмѣилась подъ его усами.

Мистеръ Карсонъ выпрямился. Его брови сдѣлали нетерпѣливое движеніе, но тотчасъ же лицо приняло выраженіе вѣжливаго спокойствія и, слегка приподнявъ шляпу, онъ сказалъ:

— Весьма возможно... Этотъ джентльменъ, навѣрное, считаетъ вмѣстѣ съ населеніемъ чикагскихъ кладбищъ.

И, поклонившись, онъ прослѣдовалъ дальше, оставивъ чикагца съ разинутымъ ртомъ, съ котораго не успѣло сорваться возраженіе... Потомъ онъ быстро поднялся и пошелъ вдоль палубы... Мой товарищъ провожалъ его съ улыбающимися глазами...

— Совершенные попугаи,—сказалъ онъ.—Колокольный патріотизмъ въ самой наивной формѣ... Еще Диккенсъ отмѣчалъ эту черту американцевъ...

Такъ шло и дальше. Мой лукавый соотечественникъ умѣло интервьюировалъ свою жертву, продолжая черта за чертой

раскрывать смѣшныя стороны янки. Слабостей оказалось много; интересовавшій насъ мистеръ Джаксонъ оказывался весьма посредственнымъ во всѣхъ отношеніяхъ субъектомъ съ наивно буржуазнымъ міросозерцаніемъ. И мы, двое русскихъ наблюдателей, предавались характерному загранично-русскому злорадству. Вотъ они, хваленые сыны заатлантической республики...

Однажды я опять засталъ моего товарища и мистера Джаксона за разговоромъ. Океанъ слегка волновался. Дамы на палубу не выходили, мистеръ Джаксонъ былъ свободенъ и, видимо, въ ударѣ. Онъ говорилъ очень оживленно. Мой спутникъ держалъ въ рукахъ записную книжку и на лицѣ его играла лукаво-почтительная улыбка...

— Мы обсуждаемъ еврейскій вопросъ,—сказалъ онъ.—Мистеръ Карсонъ, четверть часа назадъ, похвалилъ евреевъ, и теперь «нашъ» не можетъ успокоиться. Онъ поучаетъ меня аргументами, точно сейчасъ выхваченными изъ нашихъ уличныхъ газетокъ... Продолжайте, сэръ,—почтительно обратился онъ къ собесѣднику.—Все, что вы говорите, такъ ново и интересно...

Мистеръ Джаксонъ, которому льстило почтительное вниманіе наивнаго русскаго, продолжалъ свои поученія... Въ то время дѣла Бейлиса еще не было... Но, кромѣ «ритуала», весь остальной жаргонъ нашихъ антисемитскихъ листковъ былъ на лицо: «еврейскій характеръ» рисовался самыми ужасными чертами.

На дальнемъ концѣ нашей палубы раздался пронзительный звукъ гонга, звавшаго къ лёнчу...

— Благодарю васъ, сэръ,—сказалъ мой товарищъ.—Я съ большимъ удовольствіемъ ознакомился съ высказанными вами взглядами, и увѣренъ, что все это будетъ чрезвычайно ново для нашей прессы... У меня остается еще немного времени для послѣдняго вопроса...

— Что еще вамъ угодно знать?—спросилъ Джаксонъ.

— Дѣло за выводомъ изъ этой поучительной бесѣды. Итакъ, безъ сомнѣнія вы стоите противъ равноправія евреевъ?... Вы желали бы закрыть для евреевъ границу?... Живущихъ уже у васъ ограничить въ правахъ?... Напримѣръ, установить черту, дальше которой они не могли бы селиться?...

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, брови американца приподымались, образуя острый уголъ, и онъ смотрѣлъ на гово-

рившаго съ видомъ такого сожалѣнія, что тотъ немного смѣшался.

— Откуда вы заключаете все это?—спросилъ Джаксонъ холодно и нѣсколько сурово.

— Но... вѣдь вы такъ не любите евреевъ...

Завываніе гонга стало приближаться къ нашему концу. Мистеръ Джаксонъ поднялся и, застегивая свое пальто, сказалъ:

— Одно изъ другого не слѣдуетъ. Вы сдѣлали плохой силлогизмъ: заключеніе не соотвѣтствуетъ посылкѣ.

— Но, сэръ...

— Я не люблю этого народа, это вѣрно. Но изъ этого не слѣдуетъ, что я требую ограниченія правъ...

И подумавъ мгновеніе, какъ будто подыскивая для насъ наиболѣе понятную форму объясненія, онъ продолжалъ:

— Вотъ насъ зовутъ къ столу... Долженъ сказать вамъ, сэръ, что я терпѣть не могу зеленаго горошку... Таковъ мой личный вкусъ. Но изъ этого, русскіе джентльмены, никакъ не слѣдуетъ, что я въ правѣ требовать, чтобы зеленаго горошку не подавали къ столу... Можетъ-быть, другіе любятъ...

И, выпрямившись еще болѣе, онъ прибавилъ:

— Что касается остального, то... какъ американецъ, я чувствовалъ бы себя оскорбленнымъ, если бы были неполноправные граждане въ моемъ отечествѣ... Чтобы, напримѣръ, житель Кентукки не имѣлъ права свободно дышать воздухомъ Иллинойса... Боже мой! Что за идея!...

И онъ пошелъ вдоль борта, прямой и вытянутый, и во всей его фигурѣ чувствовалось что-то особенное. Какъ-будто онъ дѣйствительно былъ оскорбленъ. Встрѣтивъ у выхода изъ курилки мистера Карсона, своего недавняго антагониста изъ Нью-Іорка, онъ дружелюбно взялъ его подъ руку и сталъ что-то оживленно сообщать ему. По тому, какъ тотъ повернулся въ нашу сторону, можно было догадаться, что они говорятъ о насъ, русскихъ, дѣлающихъ несоотвѣтствующіе выводы изъ посылокъ.

Мы переглянулись. Полминуты пробѣжало въ смущенномъ молчаніи. Потомъ мы оба засмѣялись...

— Rira bien, qui rira le dernier. Надо признаться, послѣднимъ смѣется на этотъ разъ «нашъ» плохонькій американецъ,— сказалъ мой насмѣшливый товарищъ...—И замѣтили вы, какое у него въ эту минуту было лицо...

Да, положительно умное... Можетъ-быть потому, что устами нашего плохенькаго американца говорилъ въ эту минуту опытъ и мудрость великаго народа, у котораго есть уже твердо выработанныя аксіомы...

— А негры,— нерѣшительно и задумчиво сказалъ мой товарищъ.

— Что-жъ... Негры «черный горошекъ», котораго терпѣть не могутъ американцы. Но это область нравовъ, а передъ закономъ негры все-таки равноправны... Любить, не любить... это неуловимо и капризно, а справедливость обязательна, какъ аксіома...

Входя въ обѣденный залъ, я чувствовалъ нѣкоторую неловкость... Какъ-будто всѣ американскіе взгляды должны были повернуться на насъ, представителей націи, не знающей еще правовыхъ аксіомъ, которые дѣлаютъ дѣтски неправильные выводы изъ посылокъ...

Но это была ошибка. За столами стоялъ обычный шорохъ, стукъ тарелокъ, вилокъ, ножей, звонъ стакановъ, сдержанные разговоры. «Нашъ американецъ» сидѣлъ рядомъ со своей смѣшной Дульцинеей, и видъ у него былъ опять фатовской и самодовольный.

Но мнѣ казалось, что въ будни пароходнаго табль-д'ота вошло для меня что-то неуловимое и значительное, что легко можетъ измѣнить видъ этой разнохарактерной толпы, какъ измѣнилось лицо «нашего американца» въ концѣ разговора.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько недѣль мнѣ пришлось присутствовать при одномъ изъ тѣхъ порывовъ общественнаго мнѣнія, которые проносятся порой, какъ порывъ бури надъ зыбью океана... Очень много смѣшного въ будничномъ тонѣ американскихъ газетъ, въ ихъ погонѣ за сенсаціей и рекламой, въ ихъ мелочныхъ интервью... Но тутъ вдругъ все это отодвинулось, и господствующая нота американской прессы стала глубока и значительна. Изъ-подъ суеты дня въ передовицахъ, въ статьяхъ, въ рѣчахъ ораторовъ на митингахъ то и дѣло звучали голоса прошлыхъ поколѣній, строившихъ въ этой странѣ основы свободы и права, голоса Линкольновъ, Гаррисоновъ и Дэвисовъ...

Поводомъ опять былъ еврейскій вопросъ и незнаніе аксіомъ, проявленное одной изъ націи стараго континента. И я думалъ, что, быть-можетъ, гдѣ-нибудь въ своемъ кварталѣ мистеръ Джаксонъ, «не любящій зеленаго горошка», — произ-

носитъ или, по крайней мѣрѣ, сочувственно выслушиваетъ рѣчи объ аксіомахъ человѣческаго права и вотируетъ соотвѣтственныя резолюціи...

Потому, что онъ твердо знаетъ, что «любовь» капризна. Она, какъ благодать, вѣетъ иде же хощетъ... А справедливость обязательна, какъ воздухъ...

Вл. Короленко.

СЕСТРА ОЛЬШВАНГЕРЪ.

(Изъ закавказскихъ впечатлѣній).

Разставаясь со своими товарищами по 3-му лазарету Государственной Думы, я не безъ грусти думалъ, что со многими изъ нихъ, можетъ-быть, никогда уже не встрѣчусь въ жизни: судьба разбросаетъ насъ по разнымъ угламъ и закоулкамъ обширнаго отечества, и постепенно сотрется въ памяти, потускнѣетъ, что̀ было свѣтлаго, душевно-трогательнаго въ нашей совмѣстной походной жизни,—тѣсная близость и братская простота обихода въ условіяхъ невѣдомыхъ раньше лишеній и исключительнаго рабочаго напряженія.

Одно я зналъ: что не потускнѣетъ самое цѣнное, самое дорогое, вынесенное изъ этой кратковременной близости съ русской молодежью,—радостно укрѣплѐнная вѣра въ русскую интеллигенцію, въ русскую душу, неугасимо горящую огнемъ подвига и самопожертвованія...

Но никакъ бы я не могъ тогда допустить мысли, что многихъ моихъ юныхъ друзей, тепло и ласково меня провожавшихъ, такихъ веселыхъ, остроумныхъ, жизнерадостныхъ, я не увижу потому, что черезъ какой-нибудь мѣсяцъ оборвется ихъ молодая жизнь въ разгарѣ самоотверженной работы, что покинутъ они этотъ лучшій изъ міровъ, исполняя завѣтъ величайшей любви,—„положить душу за други"...

Вышло же такъ.

Былъ такой періодъ въ ходѣ военныхъ дѣйствій на кавказскомъ фронтѣ,—послѣ декабрьскаго разгрома турецкой арміи—когда огромная часть черной медицинской работы и заботы лежала исключительно на думскомъ отрядѣ. Въ приказѣ по кавказской дѣйствующей арміи, отъ 5-го февраля 1915 г., за № 47-мъ, объ этомъ разсказано подробно и обстоятельно. Теперь нельзя и не время касаться нѣкоторыхъ деталей войны. Между прочимъ

и того, до какихъ предѣловъ можетъ притупиться въ обстановкѣ массовыхъ смертей и потоковъ крови чувство *состраданія къ человѣку*, какъ чудовищно выростаетъ равнодушіе даже тамъ, гдѣ ему никакъ не должно быть мѣста, и какъ много надо горѣнія въ сердцѣ, чтобы не поддаться стихійному одеревенѣнію, не дать „замерзнуть“ совѣсти.

Заслуга думскаго отряда — въ томъ, что среди непередаваемыхъ человѣческихъ страданій онъ отвергъ практически успокоительное „ничего не подѣлаешь“ и ринулся на борьбу со страданіемъ, не задаваясь вопросомъ, хватитъ ли у него силъ и средствъ. Самоотверженные борцы сдѣлали огромное дѣло, но не одна жизнь сгорѣла въ этой исключительной по трудности борьбѣ.

А работа была во всѣхъ смыслахъ черная,—и по обстановкѣ, и по тягости даже физической, и главнымъ образомъ по состоянію той массы, которая явилась объектомъ попеченія думскаго отряда. Это—нашъ воистину темный и несчастный врагъ, голодный, оборванный, обмороженный, невообразимо грязный, обовшивѣвшій, съ запущенными ранами и язвами. Неудержимымъ потокомъ онъ сдавался въ плѣнъ, и едва ли были болѣе потрясающія картины, какъ пришедшіе въ станъ побѣдителей турки у котла горячей пищи. Толпа бросалась къ солдату, державшему чашку, сваливала болѣе слабыхъ, топтала, тянулась руками, умоляла, толкала, бранилась, а изъ-подъ ногъ слышались раздирающіе стоны. Разсказывала мнѣ сестра: когда одного такого истоптаннаго, кричавшаго, облитаго горячей похлебкой она попыталась-было оттащить какъ-нибудь въ сторону,—а онъ лежалъ у самаго котла,—турокъ замоталъ головой и глазами умолялъ не трогать его, оставить возлѣ котла, надѣялся, что тутъ вѣрнѣе получитъ глотокъ горячаго...

Въ лазаретахъ, брошенныхъ бѣжавшими турецкими войсками, напоминающихъ грязью и вонью что̀ угодно, только не лазареты, вперемежку съ живыми, еле слышно отъ истощенія стонавшими людьми, лежали уже разложившіеся трупы, которыхъ некому было убрать. „Су!“ (пить) — единственное слово выговаривали запекшіяся уста умирающихъ въ тифозномъ огнѣ...

Не всѣ, на комъ лежалъ долгъ, могли и не всѣ, можетъ-быть, хотѣли побѣдить чувство брезгливости и страха передъ зараженіемъ, найти въ себѣ достаточно мужества, чтобы не забыть, что это—люди, несчастные и неповинно страдающіе, подойти къ нимъ и омыть ихъ раны...

Пришелъ думскій отрядъ. Хрупкіе съ виду студенты-сани-

тары, юныя сестры-студентки безъ колебаній принялись перетаскивать на своихъ плечахъ этихъ несчастныхъ, остро пахнущихъ, кишащихъ насѣкомыми людей, обмыли, перевязали, накормили. „Эффенди-докторъ!“—со слезами благодарности, умиленно бормотали турки и украдкой ловили руку санитара или сестры и прижимались къ ней воспаленными губами...

А эффенди-доктора по вечерамъ усердно занимались охотой на насѣкомыхъ, которыя перекочевывали на нихъ съ паціентовъ. И какъ ни наметался глазъ, какъ ни научился отличать вошь турецкую,—гигантскихъ размѣровъ и необыкновенной плодовитости вошь,—отъ русской, а турецкая сдѣлала свое дѣло: послѣ двухъ недѣль работы нѣкоторые нашли безвременную могилу рядомъ съ братскими могилами героевъ, животъ свой на полѣ брани положившихъ...

Первой сошла въ могилу сестра Софья Ольшвангеръ.

За время вынужденнаго бездѣлья въ Карсѣ, гдѣ я присоединился къ думскому отряду, въ средѣ веселой, шумной, остроумной молодежи Софья Ольшвангеръ, немолодая, некрасивая, тихая дѣвушка, ничѣмъ не вызывала къ себѣ вниманія: въ мѣру общительная, но всегда сдержанная въ атмосферѣ тѣхъ товарищески-фамильярныхъ отношеній, которыя вошли въ обиходъ въ тѣснотѣ и скукѣ бивуачной праздности, она держалась какъ-то въ сторонкѣ, въ тѣни. Но когда наступила страдная пора,—безсонныя ночи, дни безотрывной работы въ тѣснотѣ, холодѣ и грязи курдскихъ саклей, когда начались переходы по горамъ въ метели, по поясъ въ снѣгу, ночевки подъ открытымъ небомъ въ 30-градусные морозы,—тутъ тихая дѣвушка со скорбной складкой между бровями выдѣлилась своей исключительной энергіей, неутомимостью и безотказностью въ работѣ, какъ прекрасный голосъ большаго артиста выдѣляется въ хорѣ менѣе сильныхъ голосовъ. Отдать послѣдній свой кусокъ голодному, взять на себя внѣ очереди добровольно самую черную, самую тяжкую работу,—прежде сестры Сони этого никто не могъ сдѣлать. Помню, на одной ночевкѣ, когда мнѣ досталось лечь въ дверяхъ, въ самомъ короткомъ сосѣдствѣ съ наружнымъ холодомъ, сестра Ольшвангеръ подошла ко мнѣ и стала уговаривать взять ея шубу, чтобы укрыться отъ холода. „Право же, у меня шаль теплая, мнѣ шуба совсѣмъ ни къ чему“... Было это смѣшно и трогательно. Неизмѣнно вѣрна себѣ была сестра Соня вездѣ и всюду: вся мысль—о другихъ, менѣе всего заботы—о себѣ...

Чтобы принести жизнь свою въ жертву родинѣ въ годину

тяжкихъ ея испытаній, Софьѣ Ольшвангеръ пришлось пройти чрезъ рядъ рогатокъ и препятствій, которыми такъ обиленъ тернистый путь сыновъ и дочерей ея племени. Еврейка. Общины, носящія Красный Крестъ, не зачисляютъ въ свои кадры евреевъ. А не зачислившись въ такую общину, нельзя получить доступъ къ работѣ милосердія. Только настойчивое ходатайство покойнаго кн. Варлаама Геловани помогло Софьѣ Ольшвангеръ, опытной земской фельдшерицѣ, войти сестрой милосердія въ комплектъ 3-го лазарета Государственной Думы. Единственное, можетъ-быть, счастье, которымъ подарила ее родина, скупая на ласку и привѣтъ къ ней, дочери обдѣленнаго правами народа! И за-то она, родина, должна была принять чистую жертву бѣдной падчерицы своей,—ея прекрасную жизнь, и маленькій холмикъ каменистой земли среди величавыхъ горъ, за Мерденекомъ,—въ „ольтинскомъ направленіи",—будетъ въ ряду славныхъ русскихъ могилъ—скромная могила сестры Софьи Ольшвангеръ...

Рядомъ съ ней выросло потомъ еще шесть товарищескихъ могилъ...

Ѳ. Крюковъ.

СВОЕОБРАЗНАЯ „КРУГОВАЯ ПОРУКА“.

На одномъ изъ устраеваемыхъ въ послѣднее время русско-польскихъ совѣщаній по „польско-еврейскому вопросу“ одинъ мой знакомый, въ отвѣтъ на довольно странную защиту „евреевъ“ противъ „поляковъ“ со стороны другого участника этого совѣщанія, замѣтилъ:

„У меня когда-то утащили въ вагонѣ чемоданъ. Воръ оказался „полякомъ“. Но я не сказалъ, что укралъ „полякъ“, а только, что укралъ воръ. Другой разъ похитителемъ оказался „русскій“. И на этотъ разъ я обличалъ въ кражѣ не „русскаго“, а просто вора. Однакожъ, по всей вѣроятности, если бы мой чемоданъ очутился въ рукахъ еврея, было бы сказано: „укралъ еврей“, а не просто воръ“.

Точно такъ же „евреи“ занимаются ростовщичествомъ, „евреи“ распаиваютъ народъ въ кабакахъ, „евреи“ поддѣлываютъ деньги, „евреи“ сводничаютъ и ведутъ торговлю живымъ товаромъ, „евреи“ шпіонничаютъ и „измѣняютъ“ и т. д. Если же ростовщиками, зловредными кабатчиками, фальшивомонетчиками, сводниками, торговцами живымъ товаромъ, шпіонами, „измѣнниками“ и т. д. оказываются люди, называемые „христіанами“, „поляками“, „русскими“, „литовцами“, „чехами“ и т. п., мы какъ-то не осуждаемъ за это всѣхъ христіанъ, всѣхъ поляковъ, всѣхъ русскихъ, всѣхъ литовцевъ, всѣхъ чеховъ и т. д., а просто миримся съ тѣмъ, что ростовщичествомъ занимаются ростовщики, распаиваніемъ народа—безсовѣстные кабатчики, поддѣлкою монеты—фальшивомонетчики, шпіонствомъ—шпіоны, „измѣною“—„измѣнники“ и т. д.

Конечно, въ противоположномъ „христіанскому“ лагерю лагерѣ еврейскомъ мы найдемъ тѣ же огульныя обвиненія и взваливанія отвѣтственности за дѣйствія отдѣльныхъ людей или же преступныхъ шаекъ на цѣлые человѣческіе коллективы, объеди-

няемые тѣмъ или другимъ племеннымъ или же вѣроисповѣднымъ названіемъ. Тогда въ преступникахъ окажутся „христіане“, „поляки“, „русскіе“ и т. п.

Мало того. Въ преступникахъ оказались всѣ люди, не принимавшіе лично никакого участія въ преступленіи. За грѣхъ одного человѣка, точнѣе, двухъ человѣкъ обоего пола, несутъ отвѣтственность и наказаніе всѣ люди за то только, что они тоже называются людьми.

Такова сила слова. Слово создаетъ существа. Слово порождаетъ миѳъ. Отъ слова падаетъ тѣнь на все, подъ него подходящее. Слово фальсифицируетъ и извращаетъ нашу мысль. Конечно, подъ непремѣннымъ условіемъ отсутствія критическаго отношенія къ своему собственному мышленію, отсутствія неподдѣльной логики и чувства справедливости.

Мышленіе одними лишь словами, безъ анализа и критики, свойственно дикарю и варвару. Но что прикажете дѣлать, если мы, люди современные, являемся тоже дикарями или, по крайней мѣрѣ, варварами?

Продуктомъ дикаго и варварскаго мышленія надо считать то, что въ своихъ сужденіяхъ и отношеніяхъ къ „ближнимъ“ люди руководствуются принципомъ своеобразной круговой поруки, гдѣ всѣ отвѣтствуютъ за одного и одинъ за всѣхъ...

Въ связи съ дикимъ или, по крайней мѣрѣ, варварскимъ мышленіемъ возникаютъ попытки мотивировать требованіе отмѣны всякихъ стѣсненій и уравненія въ правахъ заслугами отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ данному племенному или же вѣроисповѣдному коллективу. Съ другой же стороны, дикое или, по крайней мѣрѣ, варварское мышленіе заставляетъ противодѣйствовать отмѣнѣ стѣсненій и ограниченій за то, что нѣкоторые члены даннаго племенного или же вѣроисповѣднаго коллектива ведутъ себя нежелательнымъ для насъ образомъ.

Хотя бы громадное большинство или даже всѣ евреи извѣстной мѣстности могли быть уличены въ шпіонствѣ и другихъ преступленіяхъ,—что, безъ всякаго сомнѣнія, является злостною и человѣконенавистническою клеветою,—это еще не оправдываетъ мстительнаго отношенія ко всѣмъ евреямъ временъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ.

Точно такъ же благодѣяній, оказанныхъ человѣчеству отдѣльными евреями, нельзя вмѣнять въ заслугу всѣмъ евреямъ. Мы чтимъ и относимся съ признательностью не къ человѣческимъ стадамъ, а къ отдѣльнымъ выдающимся мыслителямъ и подвиж-

никамъ. Лойяльное поведеніе и геройскіе подвиги отдѣльныхъ евреевъ должны награждаться, но награждаться лично, а не коллективно. Открытіе доступа къ образованію и полное равноправіе должны быть не слѣдствіемъ того, что нѣкоторые изъ евреевъ оказались паиньками, а по другимъ болѣе вѣскимъ и существеннымъ соображеніямъ.

Многіе, даже изъ стана „политическихъ друзей" евреевъ, питаютъ къ нимъ отвращеніе и съ глазу на глазъ въ этомъ сознаются. Тутъ, конечно, ничего не подѣлаешь. Чувства симпатіи и антипатіи, любви и ненависти возникаютъ безсознательно и не отъ насъ зависятъ, хотя, съ одной стороны, они могутъ развиваться благодаря воспитанію и преданію, съ другой же стороны, поддаются нѣкоторому обузданію при содѣйствіи разсудка и логики. Съ животнымъ же чувствомъ физическаго отвращенія къ людямъ, носящимъ извѣстное названіе, можетъ случиться то, что случилось съ Гейновской донной Кларой, отдавшейся встрѣчному красавцу и лишь послѣ *fait accompli* узнавшей, что ея возлюбленный сынъ—знаменитаго раввина Израиля изъ Сарагоссы. Пренепріятный казусъ!

Нѣтъ, не чувствами, не афектами должны опредѣляться наши отношенія къ вопросамъ первостепенной общественной и политической важности. Мы должны руководствоваться разумомъ и пониманіемъ общественнаго и государственнаго блага въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Если извѣстная группа людей признается нами безусловно вредною, то ее слѣдуетъ устранить, т.-е. или истребить, или же изгнать изъ страны. Но это наврядъ ли достижимо.

Да, если бы намъ даже удалось или изгнать, или истребить, то не повлекло ли бы за собою примѣненіе подобныхъ цѣлительныхъ средствъ непоправимаго вреда для народнаго сознанія и для народной этики? Примѣнивъ одинъ разъ подобное радикальное лѣченіе, можно пробовать повторять его по отношенію къ другимъ непріятнымъ для насъ группамъ населенія, въ зависимости отъ преходящихъ настроеній и отъ господства той или другой партіи. Опасный экспериментъ!

Но ни изгнать, ни истребить не удастся. Остается мириться съ оставленіемъ въ своей средѣ „зловреднаго элемента". И вотъ обезвредить его можно лишь успокоеніемъ, лишь мирнымъ сожительствомъ, лишь предоставленіемъ полнаго гражданскаго равноправія, безъ всякихъ стѣсненій и ограниченій.

По выходѣ общества изъ состоянія дикости и варварства

всякое безправіе и гоненіе людей за ихъ происхожденіе является ядомъ, заражающимъ весь общественный организмъ. Существованіе исключительныхъ положеній, съ попраніемъ правъ однихъ и съ привилегіями для другихъ, мѣшаетъ развитію въ населеніи чувства законности, безъ котораго невозможна мирная плодотворная жизнь общества и государства. А нечего и говорить о неизсякаемомъ источникѣ бакшишей, одинаково деморализующихъ и подкупаемыхъ, и подкупателей.

Въ связи съ укрѣпленіемъ чувства законности находится тоже экономическое преуспѣяніе страны и ея вѣсъ въ международныхъ отношеніяхъ.

Къ сожалѣнію, всякія разсужденія по этому и по всѣмъ подобнымъ вопросамъ остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

КАКЪ И ЧѢМЪ ПОМОЧЬ?

Боже, какая знакомая картина! Какъ много разъ приходилось ее видѣть за послѣдніе 9—10 мѣсяцевъ... И каждый разъ краска стыда заливаетъ лицо, и чувствуешь себя какой-то пришибленной, остолбенѣвшей передъ непонятнымъ стихійнымъ бѣдствіемъ.

Тихо подходитъ поѣздъ къ высокому зданію вокзала; мѣсто дѣйствія—одинъ изъ городковъ Западнаго края. Въ окнахъ—безпокойныя лица пассажировъ, измученныя и больныя. Поѣздъ переполненъ сверхъ мѣры; масса дѣтей чернокудрыхъ, съ блестящими черными глазенками, есть совсѣмъ дряхлые старики. На перронѣ—много еврейской молодежи, представителей еврейскаго общества, а еще больше любопытныхъ, жадными глазами разглядывающихъ прибывшихъ. Изъ поѣзда не вышли, а какъ—то высыпались люди, множество людей. Это—выселенные евреи. Извѣщенное телеграммой изъ мѣста выселенія ихъ встрѣчаетъ мѣстное еврейское общество.

На вокзалѣ его трудами для выселенцевъ приготовленъ горячій чай, хлѣбъ, дѣтямъ молоко. Еще бы! Вѣдь многіе изъ нихъ не успѣли захватить пищи,—выселеніе происходитъ въ самый кратчайшій срокъ, и съ собой позволяется взять не болѣе пуда вещей... Что можно положить въ этотъ пудъ семьѣ со многими дѣтьми? По одной смѣнѣ бѣлья и немного теплой одежды...

А дома осталось жилище, быть можетъ, магазинъ или лавченка, ремесленное заведеніе или просто швейная машинка—единственное орудіе жизни... Всѣ равны сейчасъ въ этомъ страшномъ поѣздѣ, везущемъ ихъ въ чужія мѣста, ихъ, внезапно оставшихся безъ крова, безъ одежды, безъ привычнаго уклада жизни и, главное, безъ каждодневной работы, необходимой для прокормленія семьи. И какъ страшно смотрѣть имъ въ глаза... Въ нихъ ясно можно прочесть: „Это—еще не самое худшее, худ-

шее—впереди“. И это худшее—видишь тутъ же, на мѣстѣ. Разсѣлись, кому хватило мѣста, по лавкамъ III-го класса. Пьютъ чай и ѣдятъ.

„Што, своихъ шпіоновъ кормите?“ заявляетъ неожиданно носильщикъ одному изъ представителей еврейскаго общества. Тотъ блѣднѣетъ, вздрагиваетъ и быстро отходитъ. Да и что отвѣтить? Какъ преломляется въ простомъ мозгу это великое переселеніе одной націи? Понятно, когда бѣгутъ всѣ,—въ городъ входитъ непріятель Но вѣдь еврейскіе поѣзда идутъ не изъ тѣхъ мѣстъ, куда уже вошелъ врагъ. Какъ же иначе можетъ понять все это простой человѣкъ? Конечно, это—шпіоны, это —опасные люди, это—наши внутренніе враги... Врагъ и этотъ вотъ годовалый ребенокъ, свѣсившій пухлую ручку съ плеча матери, врагъ—и эта печальная дѣвушка, устало забившаяся въ уголъ, и этотъ старикъ съ трясущейся головой и карявыми руками,—все это враги, ибо зачѣмъ же ихъ потревожили съ мѣстъ, гдѣ еще нѣтъ непріятеля? И зачѣмъ такое однообразіе въ подборѣ пассажировъ поѣзда? И я мечусь отъ одного носильщика къ другому,—кого это привезли? Отвѣтъ одинъ: „Это евреи, шпіоны“.... Одинъ приходъ такого поѣзда уже воспитываетъ злое чувство ко всей еврейской націи,—и сколько такихъ поѣздовъ прошло за это время? А начните спрашивать, кто установилъ ихъ вину, неужели же всѣ эти десятки тысячъ людей всякаго возраста *замѣчены, пойманы* въ преступномъ дѣлѣ,—никто не станетъ васъ слушать: еврей—шпіонъ,—только это и закрѣпляется въ мозгу русскаго населенія, являющагося свидѣтелемъ новой трагедіи еврейскаго народа. Вотъ это слѣдствіе пробѣгающихъ поѣздовъ поистинѣ ужасно,—это систематическое воспитаніе опредѣленныхъ чувствъ нагляднымъ путемъ...

Напились, поѣли,—новая задача: перевезти всю эту массу людей въ городъ и дать имъ пріютъ. У подъѣзда вокзала уже приготовлены подводы. Извозчики евреи накладываютъ жалкій скарбъ, стараются удобнѣе посадить старыхъ, больныхъ и дѣтей. Нѣтъ-нѣтъ да и смахнетъ слезу бородатый возецъ, а въ сторонкѣ откровенно плачутъ еврейскія женщины, не всякая хладнокровно вынесетъ эту картину. Двинулся въ городъ печальный кортежъ, а тамъ вѣдь снова встрѣча съ русскими, снова разспросы, оскорбительныя замѣчанія и заушенія... Неужели и это перетерпитъ нація?

Да, несомнѣнно, она перетерпитъ. Есть что-то, дающее ей упоръ во всѣхъ этихъ страшныхъ переживаніяхъ.

Иду къ представителю еврейскаго общества. Застаю у него еще нѣсколько человѣкъ, работающихъ въ дѣлѣ эвакуаціи и размѣщенія выселяемыхъ.

— Сколько прошло черезъ ваши руки выселяемыхъ?

— Нѣсколько тысячъ. Намъ телеграфируютъ изъ мѣстъ выселенія и сообщаютъ, сколько мы должны оставить у себя и сколько переправить дальше.

— Гдѣ берете вы средства на всю эту операцію?

— Всѣ евреи въ нашемъ городѣ обложены. Это самообложеніе даетъ намъ 3000 рублей въ мѣсяцъ; это—немного, капля въ морѣ, городъ нашъ—бѣдный, но все же заручка. Затѣмъ намъ помогаютъ еврейскія общества, которымъ не приходится непосредственно помогать выселенцамъ. Получили нѣсколько тысячъ изъ Смоленска, Петрограда, Москвы и другихъ мѣстъ.

— А русское общество не помогаетъ?...

— Нѣтъ, оно и здѣсь относится къ выселенцамъ въ лучшемъ случаѣ равнодушно, въ худшемъ—враждебно.

— А евреи не протестуютъ противъ обложенія?

— Что вы! Вы не можете себѣ представить, какъ крѣпнетъ и пробуждается солидарность въ такихъ случаяхъ. Судите сами. Вчера поѣздъ пришелъ въ субботу. Это вѣдь день священный для евреевъ. И тѣмъ не менѣе всѣ евреи - извозчики города поѣхали за выселяемыми. Сегодня мы велѣли имъ придти за деньгами,—стоимость провоза отъ вокзала до города. Не явился ни одинъ. Такъ было и въ прежніе разы. Ни одинъ извозчикъ не возьметъ денегъ за провозъ выселяемыхъ. Напротивъ, онъ былъ бы оскорбленъ, если бы къ этому дѣлу его не привлекли. Во время прихода перваго поѣзда самообложенія еще не было. Телеграмму мы получили внезапно. Ничего не было приготовлено. Молодежь наша побѣжала по улицамъ, заходила въ еврейскіе дома. И всѣ тотчасъ же принесли все, что могли -чай, сахаръ, хлѣбъ, яйца, молоко. Мы пошли встрѣчать голодныхъ уже съ полными руками. Нѣтъ, на евреевъ пожаловаться нельзя: они дѣлаютъ все, что могутъ, даже самые бѣдные...

Мнѣ передаютъ массу телеграммъ. Содержаніе ихъ кратко: раввину такому-то. Встрѣтьте 900; встрѣтьте 1000, встрѣтьте 1100. Разница лишь въ цифрахъ...

— Гдѣ же вы размѣщаете тѣхъ, кто остается у васъ?

— Въ еврейской школѣ, въ частныхъ домахъ, нанимаемъ. Но вѣдь мы испытали новое горе. Нашъ городъ—на правомъ

берегу Днѣпра. А вышло распоряженіе, чтобы выселяемые селились лишь на лѣвомъ берегу. Это было горе. Къ счастью, наши власти входятъ въ положеніе, даютъ срокъ для новаго выселенія... Но сажать на поѣзда измученныхъ людей и снова посылать ихъ въ неизвѣстное, это я вамъ скажу страданіе! Только привыкнутъ лежать въ кучкѣ, привыкнутъ къ людямъ, которые о нихъ заботятся, а потомъ опять поѣздъ, опять мельканье русскихъ станцій, опять оскорбительное прибытіе. Многіе говорятъ: „лучше умереть, но не ѣхать снова"... А между тѣмъ, мы обязаны отправлять, и сами тревожимъ телеграммами еврейскія общества, хотя теперь трудно найти, куда посылать—вездѣ переполнено, начинаются болѣзни отъ этой скученности, у насъ уже было нѣсколько смертныхъ случаевъ...

— Послушайте,—спрашиваю я наконецъ,—но вы все-таки знаете хоть приблизительно, за что именно ихъ выселяютъ? Не можетъ же быть, чтобы такъ,—только за то, что еврей...

И какъ я раскаялась, что задала этотъ мучившій меня вопросъ. Никогда, никогда не забуду я глазъ, на меня устремленныхъ. Читать то, что въ нихъ написано... И жгучее страданіе, и встрѣчный вопросъ: да, за что? Если бъ мы сами знали... Быть можетъ, вы сама намъ это скажете? Вы—русская, вамъ это лучше знать...

Я быстро встала, пожала руки, и безмолвно мы разстались,—они—съ недоумѣннымъ вопросомъ о сути еврейской трагедіи, я—со стыдомъ и отвращеніемъ къ себѣ за свою безпомощность...

Да, какъ и чѣмъ помочь? Не деньгами, или не только деньгами,—это я хорошо знала. Но чѣмъ? Прежде всего—и это я чувствовала какъ-то особенно ясно—горячимъ сочувствіемъ всего русскаго общества къ этимъ жертвамъ переживаемаго времени. Да и не только къ жертвамъ. Вѣдь и самыя жертвы обусловлены общимъ положеніемъ безправной націи. Почему это саганье въ поѣзда хуже черты осѣдлости? Развѣ не такъ же оскорбительно не имѣть возможности сѣсть въ поѣздъ, идущій въ Москву или какой-либо другой городъ не черты, какъ и садиться въ него для того, чтобы ѣхать въ пространство? Правда, въ первомъ случаѣ есть все-таки свой уголъ въ чертѣ, во второмъ люди лишаются и этого угла, этой покрышки отъ лютой непогоды. Но морально?... Но въ смыслѣ посягательства на свободу личности? Да; да, несомнѣнно, эти выселенія тѣснѣйшимъ образомъ

связаны съ общимъ безправіемъ еврейскаго народа, съ его соціально-политическимъ существованіемъ. Вотъ въ чемъ помощь... Въ уничтоженіи коренного зла...

И вспомнилась фраза: „русское общество въ лучшемъ случаѣ относится равнодушно, въ худшемъ—враждебно". Конечно, по Сенькѣ и шапка. Не ѣхали бы люди по Россіи, ища пристанища, если бы... Если-бы мы, русскіе, хоть сколько нибудь сочувственно относились къ евреямъ. А то живемъ спокойно, когда они заперты въ чертѣ, когда дѣти ихъ тихо вздрагиваютъ, ожидая счастливаго исхода жеребьевки, когда законъ о воинской повинности особо прилагается къ русскимъ и особо къ евреямъ... И мало ли этихъ особенностей ихъ положенія, часто мелкихъ, досадныхъ, но въ общей сложности дающихъ столь кошмарную картину жизни цѣлой націи. Иногда вѣдь дѣйствительно кажется, что не сгинули въ вѣчность средніе вѣка, что еще увидимъ времена инквизиціи, что нѣтъ цивилизаціи, нѣтъ культуры, а есть только одна стихійная ненависть одной націи къ другой, одной человѣческой расы къ себѣ подобной... Ахъ да, есть вѣдь что-то хорошее во всемъ этомъ. Есть извозчики, не берущіе денегъ со страдающихъ людей, есть вотъ эта еврейская молодежь, бѣгающая по улицамъ и собирающая пищу, есть представители еврейскаго общества, беззавѣтно отдающіе себя на служеніе своему ближнему, своему брату. Какая чудная вещь эта солидарность націи, это коллективное переживаніе, это біеніе одного сердца у милліоновъ людей. Да, это—прекрасно. Это такъ трогаетъ и такъ воспитываетъ. Всѣ—какъ одинъ. Извозчикъ и раввинъ, купецъ и бѣднякъ, женщина и мальчикъ, дѣвушка и старикъ—всѣ, всѣ вмѣстѣ, всѣ другъ за друга, всѣ готовы защитить отъ свирѣпаго буйнаго вѣтра... Но вѣдь это—*солидарность страданія.* И тускнѣетъ ея красота, какъ только мозгъ пронижетъ мысль о ея происхожденіи... Именно это постоянное страданіе, постоянная боязнь удара въ лицо, постоянное ожиданіе невѣдомаго несчастья спаиваютъ націю и дѣлаютъ изъ нея одинъ слитокъ, могущій выдержать самый жестокій напоръ молота. И нерадостна, поэтому, эта солидарность. Есть въ ней что-то больное и запуганное; это не солидарность здоровыхъ и жизнерадостныхъ людей, знающихъ, для чего они сплачиваются. Это—солидарность страданія,—и какъ жутко на нее смотрѣть... Готовы вмѣстѣ умереть,—вотъ что написано на лицахъ этихъ солидарныхъ людей, и не радуетъ, не поднимаетъ духъ это ихъ качество... Долгіе, долгіе годы, не годы, а вѣка тянется это страда-

ніе,—а потому такъ прочно гнѣздится печаль въ темныхъ глазахъ самаго веселаго еврея...

Кто видѣлъ современную картину великаго еврейскаго переселенія,—тотъ пойметъ выраженіе еврейскихъ глазъ, этихъ глазъ, на которые не всегда можно смотрѣть безъ жути въ душѣ.

Да, итакъ—самое важное, самое нужное сейчасъ—сочувствіе русскаго общества. Оно,—это сочувствіе, было бы сейчасъ цѣннымъ даромъ въ сокровищницу культуры... Мы не привыкли къ благородству, мы еще сами—вчерашніе рабы. Но вѣдь растемъ же мы сейчасъ не по днямъ, а по часамъ. Наши глаза смотрятъ на все острѣе,—сами мы сейчасъ въ когтяхъ страданія. Наши мужья, братья, отцы—дѣлаютъ отвѣтственное русское дѣло, они жизнь отдаютъ за родину. Развѣ можно отдавать жизнь безъ благородства? Они должны расти, должны расцвѣтать эти благородныя чувства, это милосердіе къ страданію, это рыцарское отношеніе къ гражданамъ своей страны. Правда, было бы желательно, и съ общечеловѣческой точки зрѣнія необходимо, чтобы благородство это росло въ масштабѣ иномъ, тоже общечеловѣческомъ, безъ рамокъ одной страны, ибо всѣ вѣдь люди. Но и то сказать,—время ли теперь для *такого* благородства? Все же, какъ никакъ, люди стоятъ вооруженные другъ противъ друга и зла желаютъ одинъ другому... Но внутри страны—развѣ не спаиваются братья? Развѣ различаютъ они цвѣтъ волосъ или глазъ, или вѣру, или обычай? Именно потому-то такъ и чудовищны эти поѣзда, что везутъ они нашихъ же русскихъ гражданъ, часть изъ которыхъ стоитъ тамъ,—на поляхъ битвы...

Я еще и еще разъ провѣряю свои впечатлѣнія. Нѣтъ, я не ошибаюсь: сочувствіе русскаго общества еще не проснулось, чувства его еще не затронуты трагедіей сосѣда, желанія его неясны. Не то радъ онъ, что гонятъ „шпіона", не то стыдно ему за свою оплошность. И лишь немногіе выпячиваются впередъ, чтобы сказать правду.

Остальные молчатъ или думаютъ, что не всякую правду говорить своевременно. Нѣтъ, господа! Всякая правда, которая говоритъ о страданіяхъ *живого* человѣка, всегда своевременна и всегда нужно о ней громко говорить. Событія велики,—рѣдко давала исторія зрѣлище такого грандіознаго величія и смятенія,—

и въ такой моментъ нельзя простить одного: равнодушія и дряблости.

И сразу охватила душу радость, загорѣлась яркая надежда: пусть бѣгутъ поѣзда, пусть разбрасываются всюду бездомные люди. Это—передъ разсвѣтомъ русской гражданственности, это—передъ постройкой одного общаго дома, удобнаго для всѣхъ націй. Вѣдь правда же невозможно, чтобы неблагородными вышли мы изъ великой борьбы, чтобы не сумѣли мы устроить своего дома, за который боремся? Да мы устроимъ. Въ этой вѣрѣ—единственное спасеніе, безъ нея—едва ли возможно по человѣчески жить...

Ек. Кускова.

РУССКІЙ ВОПРОСЪ О ЕВРЕЯХЪ [1]).

Всю совокупность вопросовъ, связанныхъ съ положеніемъ евреевъ въ Россіи, принято называть „еврейскимъ вопросомъ". Судя по этому названію, можно думать, что въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ заинтересованы, если не исключительно евреи, то прежде всего и главнымъ образомъ евреи.

Это невѣрно.

Весь ужасъ еврейскаго безправія въ Россіи позорнымъ пятномъ покрываетъ имя русскаго народа, препятствуетъ росту національнаго самоуваженія и достоинства, ставитъ неодолимыя преграды нашему развитію и лучшими русскими людьми ощущается, какъ стыдъ, отъ котораго некуда уйти въ теченіе всей жизни, съ первыхъ моментовъ сознательнаго къ ней отношенія... Народъ нашъ хорошо одаренъ и работоспособенъ, легко поддается культурѣ, мягокъ и терпимъ, способенъ къ самоотреченію и высокимъ подвигамъ; наша интеллигенція, вообще говоря, демократична; у насъ прекрасная литература, давно и заслуженно признанная всѣмъ Западомъ, но... рядомъ съ нами, бокъ о бокъ, на нашей территоріи въ тискахъ „черты постоянной еврейской осѣдлости" задыхается цѣлый народъ, граждане одного съ нами государства, но лишенные самаго элементарнаго человѣческаго права,—права передвиженія и... мы—варвары среди культурныхъ народовъ человѣчества и на имени нашемъ позоръ... Въ борьбѣ за счастье родины много силъ положено въ Россіи—и какихъ! Явлено много подвиговъ искренняго убѣжденія, беззавѣтной отваги, незабываемой красоты. И Западъ это знаетъ, но... на нашей территоріи, бокъ о бокъ съ нами, задыхается цѣлый народъ, слышится біеніе измученнаго сердца,—и мы—варвары, и на имени нашемъ позоръ... Лучшіе русскіе люди, въ этомъ ужасѣ

[1]) Изъ доклада, читаннаго авторомъ подъ тѣмъ же названіемъ въ Москвѣ 10 января 1915 года и затѣмъ въ Петроградѣ и Одессѣ.

неповинные, въ душѣ своей носятъ стыдъ отъ начала своей сознательной жизни и лишены дорогого права гордиться своимъ народомъ, называть со спокойнымъ достоинствомъ свое національное имя въ любомъ пунктѣ земного шара... Глубоко религіозный и кристально чистый Владиміръ Соловьевъ три грѣха числилъ за Россіей и называлъ ихъ въ одномъ ряду: 1) положеніе еврейства, 2) обрусеніе Польши, 3) отсутствіе религіозной свободы [1]. „Прочиталъ присланные Вами документы" (о страданіяхъ евреевъ теперь, во время войны) — пишетъ Максимъ Горькій въ одномъ частномъ письмѣ — „со стыдомъ и отчаяніемъ въ душѣ". А для Леонида Андреева еврейское безправіе—„что-то въ родѣ горба на спинѣ, неподвижнаго и уродливаго нароста". Онъ „ночью мѣшаетъ ему спать, а въ часы бодрствованія, на людяхъ... преисполняетъ его ощущеніемъ стыда, какъ ходячую, хотя и безвинную кривду". И мерещится ему, что онъ пріобрѣлъ уже „отталкивающее обличіе Каина"...

Со стыдомъ и отчаяніемъ въ душѣ, съ мучительнымъ ощущеніемъ горба на спинѣ и отталкивающимъ обличіемъ Каина невозможна творческая національная работа. Она требуетъ національнаго самоуваженія и сознанія національнаго достоинства... „При всякомъ политическомъ строѣ... государство можетъ и должно удовлетворять внутри своихъ предѣловъ... требованіямъ національной, религіозной и гражданской свободы... Это—дѣло не политическихъ соображеній, а народной и государственной совѣсти. Великая нація не можетъ спокойно жить и преуспѣвать, нарушая нравственныя требованія", говоритъ Соловьевъ [2], для котораго „еврейскій вопросъ есть прежде всего вопросъ христіанскій" [3])...

Поэтому, для русскаго не существуетъ „еврейскаго вопроса". То, что подразумѣвается подъ этимъ, для него—подлинный русскій вопросъ,—русскій вопросъ о евреяхъ, о своихъ согражданахъ, надѣленныхъ только обязанностями, а борьба за еврейское равноправіе для русскаго человѣка есть свое дѣло, подлинное національное дѣло первѣйшей важности. Евреи должны быть сравнены въ правахъ съ нами, русскими, сравнены безъ какихъ бы то ни было изъятій и оговорокъ. Борьба за еврейское равноправіе отвѣчаетъ самой насущной моральной потребности—осво-

1) Письма В. Соловьева къ Ф. Б. Гецу, стр. 18.
2) Тамъ же, стр. 59.
3) Тамъ же, стр. 31.

бодиться изъ-подъ гнета стыда, пріобрѣсти самоуваженіе, создать и укрѣпить національное достоинство, заложить первыя основы для своего собственнаго освобожденія и творческой работы. Поэтому, обязанность для русскихъ вести такую борьбу этою потребностью обусловливается сполна и окончательно и никакихъ дальнѣйшихъ доказательствъ не требуетъ. [1]).

---

[1]) Такое обоснованіе этой нашей обязанности нисколько не противорѣчитъ никакимъ взглядамъ на сущность историческаго процесса, болѣе того: при любыхъ взглядахъ это обоснованіе является единственнымъ. То или иное пониманіе хода историческаго процесса можетъ лишь отразиться на пріемахъ практической работы въ направленіи къ достиженію поставленной задачи и на прогнозѣ, который можно поставить для такой работы. Но самая задача не можетъ быть обоснована съ точки зрѣнія историческаго процесса. Въ процессѣ борьбы за уравненіе евреевъ въ правахъ съ нами можно и придется доказывать, что это уравненіе не грозитъ русскому народу никакими бѣдами, что народъ нашъ и достаточно многочисленъ, и достаточно одаренъ, и достаточно воспріимчивъ къ культурѣ чтобы спокойно встрѣтить „еврейскую конкурренцію" и не бояться „еврейскаго засилья", а народъ еврейскій не содержитъ въ себѣ тѣхъ ужасовъ, которыми надѣляетъ его воображеніе антисемита. Но обосновывать обязанность для русскаго настаивать на уравненіи евреевъ въ правахъ съ русскими, этими соображеніями нельзя и даже недопустимо, ибо a contrario это давало бы право допускать принципіально возможность неравенства въ правахъ внутри одного и того же государства представителей разныхъ національностей въ интересахъ обезпеченія господства правящей національности, т. е. другими словами это значило бы принципіально оправдывать порядокъ вещей, при которомъ господство обезпечивается мѣрами насилія, а не достигается въ процессѣ культурной работы. Конечно необходимо признать, что, при извѣстныхъ условіяхъ хозяйственной жизни страны, неустранимы извѣстные общественные и политическіе институты, и что для достиженія задачи раскрѣпощенія евреевъ въ Россіи необходимо наступленіе опредѣленныхъ политическихъ условій, но всѣми этими соображеніями нельзя обосновать право евреевъ на раскрѣпощеніе и обязанности для русскаго бороться за это право, какъ за свое собственное дѣло. Обоснованіе здѣсь одно, только одно и нѣтъ никакого другого: еврей—человѣкъ и русскій гражданинъ, несущій всѣ обязанности русскаго гражданина, и потому его право—быть равнымъ каждому русскому гражданину. А для русскаго нестерпимо имѣть рядомъ съ собою такого же человѣка и такого же гражданина по обязанностямъ, какъ онъ самъ, но безъ правъ только потому, что онъ—еврей.

Мы считаемъ необходимымъ все это сказать, потому что уже имѣли случай встрѣтиться съ очевидными недоразумѣніями, когда люди требовали другого обоснованія, искренно увѣренные, что къ этому ихъ обязываетъ ихъ пониманіе сущности историческаго процесса или ихъ взгляды на методы общественной и политической дѣятельности. На самомъ же дѣлѣ приведенное нами обоснованіе, помимо того, что оно весьма древняго происхожденія, не вноситъ никакихъ перемѣнъ въ пріемы этой дѣятельности. Попрежнему осуществить эту задачу можно и осуществлять ее обя-

Изъ этого основного положенія надлежитъ сдѣлать всѣ выводы: 1) Если дѣло освобожденія еврейскаго народа для русскаго есть его собственное дѣло, то работа въ этомъ направленіи есть работа для себя, а не милость евреямъ, не актъ великодушія.

Это слѣдуетъ хорошенько помнить. Поэтому, для рѣшенія всѣхъ вопросовъ въ этой области достаточно лишь эгоистическаго національнаго сознанія, но, конечно, съ тѣхъ его высотъ, съ которыхъ невозможно національное бытіе безъ національнаго самоуваженія и сознанія своего національнаго достоинства. Это чрезвычайно облегчаетъ задачу и дѣлаетъ простыми и полными достоинства отношенія къ нашимъ согражданамъ евреямъ. Для нихъ, конечно, существуетъ свой вопросъ, „еврейскій вопросъ", и для нихъ обязательна своя организованная работа въ стремленіи къ освобожденію. Въ параллельной работѣ русскихъ людей они, конечно, заинтересованы, но въ этой работѣ имъ ничто не можетъ быть навязано изъ милости и великодушія, и потому въ числѣ аргументовъ по *своему* русскому вопросу объ евреяхъ русскіе люди совершенно освобождаются отъ необходимости останавливаться на полумѣрахъ изъ соображеній еврейскихъ интересовъ. Будемъ дѣлать свое дѣло, евреи же сами позаботятся о томъ, что имъ нужно. При такой постановкѣ вопроса отметаются, при его радикальномъ рѣшеніи, всѣ несознанныя, а еще чаще просто лукавыя ссылки на еврейскіе интересы. Оставимъ евреямъ заботу о себѣ. Ихъ многотысячелѣтняя культура порукой въ томъ, что они сумѣютъ сохранить свой національный ликъ, исполненный глубокаго достоинства, просвѣтленный трагическими страданіями... „Я вполнѣ раздѣляю вашу жалость къ частымъ страданіямъ вашихъ единовѣрцевъ въ настоящемъ"— писалъ Владимиръ Соловьевъ г-ну Ф. Б. Гецу—„но я увѣренъ, любезный другъ, что къ этому чувству вы не присоединяете никакого опасенія за будущія судьбы вашего народа. Вы знаете также его исторію. И неужели возможно хоть на мгновеніе вообразить, что послѣ всей этой славы и чудесъ, послѣ стольнихъ

зательно не какими-то новыми мѣрами этическаго характера, а все тѣми же самыми способами дѣятельности политической и общественной И если все-таки такое этическое обоснованіе нами, несмотря на его древность, настойчиво выдвигается, то только потому, что это обусловливается потребностями переживаемаго момента, когда въ процессѣ самоопредѣленія національностей совершенно опредѣленно намѣчается грозная опасность разрѣшать вопросы о взаимоотношеніяхъ національностей въ предѣлахъ одного и того же государства по принципу защиты всѣми мѣрами включительно до всѣхъ способовъ насилія господствующей національности отъ всѣхъ другихъ.

подвиговъ духа и незажитыхъ страданій, послѣ этой удивительной сорокавѣковой жизни Израиля ему слѣдуетъ бояться какихъ-то антисемитовъ. Если бы эта злобная и нечистая агитація возбуждала во мнѣ страхъ, то, конечно, не за евреевъ, а за Россію [1])".

2) Если русскій вопросъ о евреяхъ требуетъ своего разрѣшенія для отправнаго движенія Россіи впередъ, то это есть русскій вопросъ первостепенной важности, и онъ долженъ занять мѣсто одновременно и въ одномъ ряду съ русскими дѣлами первой очереди. Когда послѣ очень длинной неволи, на зарѣ зачинающихся надеждъ на освобожденіе, приступаютъ къ работѣ, то первымъ условіемъ ея является раскрытіе дверей тюремъ и снятіе кандаловъ съ тѣхъ, на кого они наложены только потому, что они люди. Такъ было въ 1905 году. Когда разразилась эта война и потребовала сплоченія всѣхъ силъ для защиты родины, первая мысль, которая пришла въ голову, была мысль о необходимости амнистіи и рядомъ съ нею мысль о необходимости раскрыть желѣзныя двери еврейскаго гетто, снять съ евреевъ цѣпи безправія, наложенныя на нихъ только потому, что они—евреи. Еврейское безправіе обрекаетъ русскихъ людей на безсиліе въ работѣ для достиженія своего собственнаго счастья. Всѣ этапы этой работы въ прошломъ обнаруживаютъ очевидную и неизбѣжную связность между положеніемъ евреевъ и общимъ состояніемъ нашей политической и общественной жизни. Подготовительная эпоха къ реформамъ шестидесятыхъ годовъ характеризуется и улучшеніемъ въ положеніи евреевъ. И реформаторы въ этой области ставятъ въ прямую и непосредственную связь вопросъ о положеніи евреевъ съ общими условіями русской жизни. Эпоха реакціи 80-ыхъ годовъ отмѣчается и радикальной перемѣной политики по отношенію къ евреямъ. Потому, вопросъ объ еврейскомъ равноправіи нельзя отодвигать во вторую очередь безъ риска пародировать извѣстный афоризмъ: „сначала успокоеніе — потомъ реформы". „Сначала устроимъ наши дѣла, потомъ позаботимся о евреяхъ". Это „потомъ" никогда не наступитъ по той простой причинѣ, что если объ освобожденіи евреевъ мы не позаботимся одновременно, то и дѣлъ своихъ не устроимъ никогда.

3) И, наконецъ, если уничтожить еврейское безправіе—значитъ сорвать съ себя обличье Каина, если это обличье мѣшаетъ даже тѣмъ, кто любитъ свой народъ, мѣшаетъ отвѣтить съ ра-

[1]) Письма В. Соловьева къ Ф. Б. Гецу, стр. 39.

достью и гордостью на вопросъ: „кто ты?“—„я—русскій“,—если это такъ, то борьба противъ еврейскаго безправія не есть политическая задача, это задача культурная и въ этомъ смыслѣ это—не дѣло какой-нибудь политической партіи, а дѣло внѣпартійное и сверхпартійное, и врагомъ въ этомъ дѣлѣ можетъ быть только тотъ, кому безразличны интересы и достоинство его великой родины. Это, конечно, не значитъ, что всѣ политическія партіи, какъ представители классовъ населенія, одинаково отнесутся къ вопросу. Наоборотъ, нѣтъ сомнѣнія, что ближайшая дѣйствительность выдвинетъ и сомкнетъ около вопроса о положеніи евреевъ въ Россіи весьма разнообразные, противорѣчивые и враждебные интересы. Но это нисколько не мѣняетъ характера вопроса, не обращаетъ его въ вопросъ партійно-политическій, не мѣшаетъ ему оставаться вопросомъ культурнымъ, какъ напр. вопросы религіозной свободы или всеобщаго обученія. Такой характеръ вопроса и то общеобязательное его обоснованіе, изъ котораго вытекаетъ формула его окончательнаго рѣшенія, даютъ возможность совмѣстно и дружно работать для его осуществленія людямъ самыхъ разнообразныхъ, даже противоположныхъ, политическихъ воззрѣній. Установленіе возможности или невозможности сотрудничества въ этомъ дѣлѣ необыкновенно просто. Кто равнодушенъ къ „чертѣ“ и къ „нормѣ“, кто готовъ переносить, что еврей, раненый на войнѣ, послѣ ампутаціи конечностей, какъ вылѣчившійся, но къ строю негодный, высылается въ „черту“, что еврею-врачу, призванному въ дѣйствующую армію, отказано въ принятіи дѣтей его въ учебное заведеніе во исполненіе закона о „нормѣ“; что отецъ имѣетъ право жительства, а дѣти не имѣютъ, имѣетъ мужъ и не имѣетъ жена,—кто готовъ все это переносить неопредѣленно долго, готовъ ждать, находитъ, что можно ждать, что можно существовать въ такихъ условіяхъ, не еврею, а ему—русскому, съ тѣмъ сотрудничество невозможно. А для тѣхъ, для кого такое положеніе вещей непереносимо, кто не хочетъ ждать, потому что не можетъ,—для тѣхъ сотрудничество вполнѣ возможно, какъ бы ни были различны ихъ міросозерцанія: у каждаго найдутся свои аргументы въ работѣ на общее дѣло, въ его конечномъ результатѣ. Это даетъ возможность организовать такую работу внѣ политическихъ партій, подъ знаменемъ исполненія элементарнаго культурнаго долга, обязательнаго для каждой партіи, и это обязываетъ русскую интеллигенцію всѣхъ оттѣнковъ политической мысли немедленно приступить къ организаціи для этой работы русскаго

общественнаго мнѣнія и русскихъ общественныхъ силъ. Работа предстоитъ не малая и не легкая. Она вызоветъ необходимость не только бороться съ реакціоннымъ антисемитизмомъ, но и съ невѣжествомъ, рутиной, и съ сознательнымъ лицемѣріемъ въ общественной средѣ, ибо, кромѣ антисемитизма реакции и реакціонныхъ организацій, ихъ прессы и ихъ представителей, въ Россіи есть и общественный антисемитизмъ, частью не вполнѣ выяснившійся, частью не выяснившійся совсѣмъ и находящійся въ скрытомъ состояніи. Русскому общественному антисемитизму предстоитъ проявиться полностью, такъ какъ переживаемый историческій моментъ выдвинулъ въ Россіи вопросъ о евреяхъ и при томъ передъ лицомъ всего міра въ такой острой формѣ, которая требуетъ его разрѣшенія съ непререкаемой повелительностью. Въ борьбѣ съ общественнымъ антисемитизмомъ придется обосновывать необходимость еврейскаго равноправія многочисленными аргументами изъ всѣхъ областей общественной и политической жизни, главнымъ образомъ, въ отвѣтъ на глубокомысленныя соображенія противниковъ. Ихъ будетъ много, и они всѣ будутъ въ высокой степени глубокомысленны и проникнуты необыкновенной благожелательностью... къ евреямъ. „Преждевременно или недостаточно своевременно": сначала справимся со своими задачами, потомъ и проч.—это мы уже слышали. И многое другое услышимъ. Самое страшное, это—несвоевременность: почетныя похороны по первому разряду подъ музыку благородныхъ словъ, лишенныхъ дѣятельнаго содержанія,—мертвыхъ словъ. Это самое страшное и этого не имѣетъ право допустить русская интеллигенція. Немедленно надо приступить къ дѣлу и притомъ подъ лозунгомъ „полнаго равноправія" безъ какихъ бы то ни было оговорокъ: компромиссъ при разрѣшеніи этого вопроса нашей народной совѣсти можно съ грустью принять, можно временно съ нимъ примириться, какъ съ первымъ этапомъ въ трудномъ пути, но нельзя его предложить. Это просто—стыдно. Необходима немедленная и организованная работа словомъ (единственное орудіе борьбы для представителей интеллигенціи) во всѣхъ формахъ его проявленія: съ каѳедры, въ публичныхъ собраніяхъ, въ печати, въ Государственной Думѣ въ лицѣ ея представителей. Текущія событія до крайности сузили культурную работу и дѣятельность законодательныхъ учрежденій. Поэтому и въ этой работѣ, какъ и во всѣхъ сферахъ общественной и политической жизни, мы сейчасъ обречены на подготовительную работу. Но въ этой подготовительной стадіи работа должна вестись непре-

рывно, систематически, съ углубленнымъ вниманіемъ для организаціонной подготовки. И всякій разъ, когда можно, работа эта должна выноситься наружу...

Нашъ русскій антисемитизмъ въ переживаемый моментъ существуетъ въ двухъ формахъ: въ формѣ антисемитизма реакціи и въ формѣ антисемитизма опредѣленныхъ круговъ русскаго общества и его печати. И тотъ и другой антисемитизмъ безспоренъ, какъ фактъ, его не надо доказывать, онъ не отрицается ни его идеологами, ни его практиками. Болѣе того, онъ утверждаетъ самъ себя совершенно опредѣленно, побѣдоносно несетъ свою голову и ничего не стыдится.

Что касается русскаго общественнаго антисемитизма за предѣлами реакціонныхъ круговъ, то онъ еще недостаточно выяснился. Это не значитъ, какъ мы уже говорили, что его нѣтъ, онъ есть, но это значитъ, что сейчасъ нельзя констатировать совершенно опредѣленно его характеръ и объемъ. Какъ мы уже сказали, для насъ совершенно несомнѣнно, что послѣ войны, которая страшно обнажила всѣ противорѣчія въ вопросѣ о евреяхъ, начнетъ выясняться и русскій общественный антисемитизмъ. Это совершенно неизбѣжно и тогда будетъ обязательно съ полной откровенностью выяснить его характеръ и объемъ. Теперь же передъ лицомъ русскаго общества антисемитизмъ существуетъ, главнымъ образомъ, въ двухъ вышеуказанныхъ его формахъ, при чемъ въ практической работѣ считаться, конечно, необходимо, если не исключительно, то, главнымъ образомъ, съ антисемитизмомъ реакціи. Что же касается антисемитизма реакціонной части общества и его прессы, то въ томъ видѣ, какъ онъ сейчасъ существуетъ, онъ не имѣетъ никакого или почти никакого самостоятельнаго значенія. Онъ не опирается ни на какіе сколько-нибудь широкіе общественные круги и ни въ лицѣ своихъ представителей, ни въ лицѣ своей прессы не имѣетъ никакого моральнаго авторитета въ русскомъ обществѣ. *Существуетъ онъ исключительно потому, что находитъ себѣ поощреніе...*

Итакъ, передъ нами, главнымъ образомъ, антисемитизмъ реакціи. Противъ этого антисемитизма бороться можно только въ условіяхъ хорошо продуманной и организованной работы. И работа эта должна вестись, какъ уже сказано, господствующей, державной національностью, а первымъ этапомъ въ ней должна быть организація общественнаго мнѣнія. Въ связи и параллельно съ этой работой должна вестись работа и во всѣхъ

другихъ направленіяхъ. Одна изъ самыхъ очередныхъ задачъ есть ознакомленіе возможно болѣе широкихъ круговъ общества и народа съ такъ называемымъ „еврейскимъ правомъ“ Можно поручиться, не боясь ошибки, что даже тѣ изъ русскихъ, даже изъ юристовъ и среди нихъ даже тѣ, кто подходилъ болѣе или менѣе близко къ законамъ о евреяхъ, ихъ все-таки не знаютъ и не имѣютъ представленія во всемъ объемѣ о еврейскомъ безправіи. Если взять во всей совокупности въ придачу къ еврейскимъ законамъ всякаго рода циркуляры и разъясненія и продемонстрировать ихъ хотя бы на нѣсколькихъ примѣрахъ изъ подлинной живой жизни, то самому искреннему изумленію русскаго обывателя не будетъ границъ. Если же въ параллель съ „правами“ русскаго еврея привести всѣ его обязанности, то русскій обыватель узнаетъ, что обязанностей у еврея больше. Всѣ эти противорѣчія въ переживаемый моментъ еще обострились и стали совсѣмъ очевидными въ иныхъ случаяхъ даже для самаго незатѣйливаго обывателя.

Къ двумъ намѣченнымъ задачамъ можно и обязательно приступить немедленно. Первая изъ нихъ можетъ осуществляться въ тѣхъ скромныхъ предѣлахъ, въ какихъ это возможно по условіямъ времени. Это будетъ стадія подготовительная, по внѣшности скромная, но совершенно необходимая. Она должна будетъ создать опорные пункты въ разныхъ мѣстахъ Россіи и въ столицахъ, главнымъ образомъ, для широкаго общественнаго движенія. Если это удастся, у нашихъ представителей въ Думѣ всѣхъ прогрессивныхъ партій будетъ широкая общественная поддержка для постановки вопроса въ первую очередь и радикальнаго его рѣшенія.

Вторая работа по широкому ознакомленію общества съ правовымъ положеніемъ евреевъ, а въ особенности параллельно съ выясненіемъ ихъ культурной роли въ жизни Россіи, можетъ быть, не встрѣтитъ значительныхъ препятствій и теперь. А затѣмъ, постановка вопроса объ уравненіи евреевъ въ правахъ съ остальными русскими подданными обязательна всюду, гдѣ подымаются какіе бы то ни было общественные вопросы, въ особенности, конечно, во всѣхъ органахъ самоуправленія...

Итакъ, для русскаго нѣтъ „еврейскаго вопроса“: это—русскій вопросъ. И потому для его разрѣшенія не нужно любить евреевъ, можно даже ихъ ненавидѣть. Нужно только любить себя, свою родину, свой народъ.

П. Н. Малянтовичъ.

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ, КАКЪ РУССКІЙ.

Хочется думать сейчасъ о Россіи, объ одной Россіи и больше ни о чемъ, ни о комъ. Вопросъ о бытіи всѣхъ племенъ и языковъ, сущихъ въ Россіи (по слову Пушкина: „всякъ сущій въ ней языкъ") есть вопросъ о бытіи самой Россіи. Хочется спросить всѣ эти племена и языки: какъ вы желаете быть, съ Россіей или помимо нея? Если помимо, то зачѣмъ обращаетесь къ намъ за помощью? А если не помимо, то забудьте въ эту страшную минуту о себѣ, только о Россіи думайте, потому что не будетъ ея—не будетъ и васъ всѣхъ: ея спасеніе—ваше, ея погибель—ваша. Хочется сказать, что нѣтъ вопроса еврейскаго, польскаго, украинскаго, армянскаго, грузинскаго, и проч. и проч., а есть только русскій вопросъ.

Хочется это сказать, но нельзя. Трагедія русскаго общества въ томъ и заключается, что оно сейчасъ не имѣетъ права это сказать....

Весь идеализмъ русскаго общества въ вопросахъ національныхъ безсиленъ, безвластенъ и потому безотвѣтственъ.

Въ еврейскомъ вопросѣ это особенно ясно.

Чего отъ насъ хотятъ евреи? Возмущенія нравственнаго, признанія того, что антисемитизмъ гнусенъ? Но это признаніе давно уже сдѣлано; это возмущеніе такъ сильно и просто, что о немъ почти нельзя говорить спокойно и разумно; можно только кричать вмѣстѣ съ евреями. Мы и кричимъ.

Но одного крика мало. И вотъ это сознаніе, что мало крика, а больше у насъ нѣтъ ничего,—изнуряетъ, обезсиливаетъ. Тяжело, больно, стыдно...

Но и сквозь боль и стыдъ мы кричимъ, твердимъ, клянемся, увѣряемъ людей, не знающихъ таблицы умноженія, что 2×2=4, что евреи—такіе же люди какъ и мы,—не враги отечества, не из-

мѣнники, а честные русскіе граждане, любящіе Россію не меньше нашего; что антисемитизмъ—позорное клеймо на лицѣ Россіи.

Но, помимо крика, нельзя ли высказать и одну спокойную мысль?

„Юдофобство“ съ „юдофильствомъ“ связано. Слѣпое отрицаніе вызываетъ такое же слѣпое утвержденіе чужой національности. Когда всему въ ней говорится абсолютное „нѣтъ“, то, возражая, надо всему сказать абсолютное „да“.

Что значитъ „юдофилъ“, по крайней мѣрѣ, сейчасъ, въ Россіи? Это значитъ человѣкъ, любящій евреевъ особой исключительной любовью, признающій въ нихъ правду бóльшую, чѣмъ во всѣхъ другихъ національностяхъ. Такими „юдофилами“ представляемся націоналистамъ, „истинно русскимъ людямъ“, мы, русскіе люди „не истинные“.

— Что вы все съ евреями возитесь?—говорятъ намъ націоналисты.

Но какъ же намъ не возиться съ евреями и не только съ ними, но и съ поляками, украинцами, армянами, грузинами и проч. и проч? Когда на нашихъ глазахъ кого-нибудь обижаютъ,— „по человѣчеству“ нельзя пройти мимо, надо помочь или, по крайней мѣрѣ, надо кричать вмѣстѣ съ тѣмъ, кого обижаютъ. Это мы и дѣлаемъ, и горе намъ, если мы перестанемъ это дѣлать, перестанемъ быть людьми, чтобы сдѣлаться русскими.

Цѣлый дремучій лѣсъ національныхъ вопросовъ всталъ вокругъ насъ и заслонилъ русское небо. Голоса всѣхъ сущихъ въ Россіи языковъ заглушили русскій языкъ. И неизбѣжно, и праведно. Намъ плохо, а имъ еще хуже; у насъ болитъ, а у нихъ еще сильнѣе. И мы должны забывать себя для нихъ.

И вотъ почему мы говоримъ націоналистамъ:

— Перестаньте угнетать чужія національности, чтобы мы имѣли право быть русскими, чтобы могли показать свое національное лицо съ достоинствомъ, какъ лицо человѣческое, а не звѣриное. Перестаньте быть юдофобами, чтобы мы могли не быть „юдофилами“.

Возьму одинъ примѣръ наудачу.

Еврейскій вопросъ имѣетъ сторону не только національную, но и религіозную. Между іудействомъ и христіанствомъ существуютъ, какъ между двумя полюсами, глубокія притяженія и столь же глубокія отталкиванія. Христіанство вышло изъ іудейства, Новый Завѣтъ изъ Ветхаго. Апостолъ Павелъ, который больше

всего боролся съ іудействомъ, желалъ *„быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ своихъ по плоти“*, т. е. за іудеевъ.

О притяженіяхъ говорить можно, а объ отталкиваніяхъ нельзя Какъ, въ самомъ дѣлѣ, спорить съ тѣмъ, кто не имѣетъ голоса. Безправіе евреевъ—безмолвіе христіанъ. Внѣшнее насиліе надъ ними—внутреннее насиліе надъ нами. Намъ нельзя отдѣлять христіанства отъ іудейства, потому что это значитъ, какъ выразился одинъ еврей, проводить „новую духовную черту осѣдлости“. Уничтожьте сперва черту матеріальную, и тогда можно будетъ говорить о духовной. А пока это не сдѣлано, правда христіанства предъ лицомъ іудейства останется тщетною.

Почему сейчасъ, во время войны, такъ заболѣлъ еврейскій вопросъ? Потому же, почему заболѣли и всѣ вопросы національные.

„Освободительной“ назвали мы эту войну. Мы начали ее, чтобы освободить дальнихъ. Почему же, освобождая дальнихъ, мы угнетаемъ близкихъ? Внѣ Россіи освобождаемъ, а внутри — угнетаемъ. Жалѣемъ всѣхъ, а къ евреямъ безжалостны. За что?

Вотъ они умираютъ за насъ на поляхъ сраженій, любятъ насъ, ненавидящихъ, а мы ихъ ненавидимъ, любящихъ насъ.

Если мы будемъ такъ поступать, намъ перестанутъ вѣрить всѣ; намъ скажутъ народы:

— Вы умѣете любить только издали. Вы лжете.

А мы, вѣдь, надѣялись, что наша сила въ правдѣ. Мы хотѣли правдою побѣдить силу. Если все еще хотимъ, то не будемъ лгать, ослаблять ложью правды нашей, силы побѣждающей.

Нѣмцы говорятъ: война за міръ, за власть надъ міромъ,— и такъ и дѣлаютъ. А мы говоримъ: война за миръ, за примиреніе, освобожденіе міра, — и не дѣлаемъ того, что говоримъ. Въ словѣ „міръ“ нѣмцы ставятъ точку на і. Неужели же все наше отличіе отъ нихъ только въ томъ, что мы этой точки на і не ставимъ? На русскомъ языкѣ „миръ“ и „міръ“ звучатъ одинаково: тѣмъ болѣе намъ нужно не языкомъ, а сердцемъ отличить себя отъ нашихъ враговъ, сдѣлать такъ, чтобы народы поняли, за что мы воюемъ, — за власть надъ міромъ или за освобожденіе міра.

Начнемъ же это дѣлать съ евреевъ.

Но пусть не забываютъ народы угнетенные, что свободу можетъ имъ дать только свободный русскій народъ.

Пусть не забываютъ евреи, что вопросъ еврейскій есть русскій вопросъ.

Д. Мережковскій.

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ.

Еврейскій вопросъ у насъ, въ Россіи находится въ совсѣмъ исключительномъ положеніи,—не только потому, что евреевъ въ Россіи 6 милліоновъ, т.-е. болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ государствѣ міра и потому что въ присоединенныхъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вв. провинціяхъ они составляютъ до 11% населенія, но и потому также, что евреи въ Россіи находятся въ положеніи, совершенно непохожемъ на то, въ которое законъ нашъ ставитъ другихъ, такъ называемыхъ, инородцевъ. Другія національности добиваются многаго, чего имъ не хватаетъ въ Россіи. Онѣ добиваются, въ особенности, права своего національнаго самоопредѣленія, — права коллективной единицы сохранять и развивать свою національную личность. Онѣ желаютъ этимъ способомъ предупредить опасность ассимиляціи, возможность своего слиянія съ господствующей національностью. Евреи, конечно,—въ особенности въ послѣднее время—стремятся и къ этому, къ тому, чтобы обезпечить національныя права и стремленія своего національнаго коллектива. Но они нуждаются не только въ этихъ правахъ. Имъ не обезпечено также и то, чѣмъ другіе инородцы въ значительной степени пользуются. Евреямъ не обезпечена охрана закономъ простыхъ ихъ гражданскихъ правъ, какъ членовъ общаго нашего русскаго общежитія. Такимъ образомъ, то, чего добиваются евреи, гораздо элементарнѣе, гораздо примитивнѣе, гораздо проще того, къ чему стремятся другія національности, обитающія въ Россійской Имперіи.

Антисемитизмъ есть явленіе свойственное не только Россіи. Антисемитизмъ не чуждъ и другимъ государствамъ. Но онъ существуетъ тамъ какъ чувство, какъ настроеніе: онъ не существуетъ, какъ система законодательныхъ опредѣленій. Въ законодательствахъ другихъ странъ давно миновала та пора, когда евреи не были обезпечены въ своихъ элементарныхъ граждан-

скихъ правахъ. Лишь Румынія составляетъ особое исключеніе. Какъ правило же, вездѣ въ цивилизованныхъ странахъ законы обезпечиваютъ равноправіе. Религіозныя и расовыя различія не являются причиной умаленія гражданскихъ правъ. Если, тѣмъ не менѣе, антисемитизмъ еще существуетъ въ западныхъ государствахъ, то онъ преслѣдуетъ тамъ другія — политическія цѣли. Онъ продолжаетъ быть орудіемъ клерикализма, орудіемъ абсолютистскихъ тенденцій, орудіемъ политической реакціи. И самое большее, чего онъ тамъ добивается, отнюдь непохоже на ту грандіозную программу искорененія евреевъ, которую преслѣдуютъ „истинно-русскіе" теоретики нашей реакціи.

Такимъ образомъ, у насъ въ Россіи еврейскій вопросъ есть, прежде всего, вопросъ о частно-правовыхъ послѣдствіяхъ религіознаго и національнаго неравенства евреевъ. Онъ есть лишь часть вопроса о нашемъ общемъ неравенствѣ и объ отсутствіи нашихъ общихъ гражданскихъ свободъ. Вопросъ о еврейскомъ равноправіи въ Россіи есть вопросъ о равноправіи всѣхъ гражданъ вообще. Отсюда видно, почему антисемитскія партіи въ Россіи имѣютъ гораздо болѣе широкій политическій смыслъ и значеніе, чѣмъ антисемитскія партіи Запада. У насъ онѣ почти сливаются съ партіями вообще антиконституціонными, и антисемитизмъ служитъ знаменемъ того стараго строя, съ которымъ мы до сихъ поръ тщетно стремимся раздѣлаться. Вотъ почему еврейскій вопросъ въ русскомъ обществѣ и политической жизни занимаетъ такое видное мѣсто. Моменты борьбы за равноправіе общее и за равноправіе національное здѣсь совпали. Поэтому еврейскій вопросъ и выдвинулся въ нашей политической жизни на первое мѣсто.

Я долженъ прибавить, что русскій антисемитизмъ въ только-что указанномъ смыслѣ есть явленіе сравнительно новое, — есть даже, можно сказать, явленіе новѣйшаго происхожденія. Какъ ни связаны съ глубокимъ прошлымъ тѣ инстинкты, на которыхъ стараются играть наши антисемиты, но самый антисемитизмъ, какъ политическій лозунгъ, какъ движеніе, поставившее себѣ извѣстныя партійныя и программныя задачи есть новое средство политической борьбы, спеціально изобрѣтенное и примѣняемое въ самое послѣднее время. Конечно, въ прошломъ можно найти проявленія—весьма рѣзкія, весьма грубыя—того, что можно было бы назвать зоологическимъ антисемитизмомъ. Когда въ 1563 г. Иванъ Грозный завоевалъ Полоцкъ, и впервые русское правительство столкнулось съ фактомъ существованія еврейской на-

ціональности, слуги Грознаго Царя нѣсколько растерялись и спросили его—что же дѣлать съ этими вновь завоеванными подданными. Иванъ Грозный, недолго думая, отвѣтилъ: крестить или утопить въ рѣкѣ.

Ихъ утопили въ рѣкѣ. И этой примитивной формой воздѣйствія древне-русскій зоологическій націонализмъ былъ удовлетворенъ. Но государственная мудрость эпохи Ивана Грознаго давно уже отошла въ прошлое. Для этого не нужно даже было ждать XX вѣка. Когда, вѣкъ спустя, Тишайшій Царь Алексѣй Михайловичъ, тоже старый русскій націоналистъ, не думавшій о томъ, что онъ націоналистъ,—столкнулся во второй разъ съ еврейскимъ вопросомъ, взявши Смоленскъ, онъ все-таки не рѣшился упразднить вопроса простымъ уничтоженіемъ самаго предмета государственнаго недоумѣнія. Нѣтъ, онъ подумалъ и... рѣшилъ выселить евреевъ. Это—уже форма помягче. Но прошелъ еще вѣкъ, и Россія пріобрѣла тѣ огромныя и богатыя земли, которыя извѣстны подъ названіемъ „черты еврейской осѣдлости“: лучшую часть Россіи съ тѣмъ огромнымъ, многомилліоннымъ населеніемъ евреевъ, съ которымъ уже нельзя было покончить, ни утопивши въ рѣкѣ, ни даже выселивши ихъ, какъ многіе объ этомъ до сихъ поръ ни стараются. И вотъ, просвѣщенная Императрица Екатерина II встрѣтилась съ еврейскимъ вопросомъ впервые въ такой широкой постановкѣ, въ которой уже нельзя было отъ него отмахнуться. Какъ же она его разрѣшила? Да она просто его не ставила. Она рѣшила: евреи тамъ жили прежде, пусть живутъ и дальше. Они пользовались правами; пусть всѣми тѣми правами, которыми пользовались касательно вѣры и собственности, продолжаютъ пользоваться и впредь. Разъясненіе Сената еще больше подчеркнуло эту мысль. Вотъ суть этого сенатскаго разъясненія: „такъ какъ евреи уже Императорскимъ Указомъ поставлены въ положеніе равенства съ другими, то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ надо соблюдать общее правило, установленное Ея Величествомъ. Каждый долженъ пользоваться своими правами и пріобрѣтеніями соотвѣтственно своему положенію и призванію, безъ различія вѣры и національности“.

Такъ рѣшилъ Сенатъ во времена Великой Екатерины. Какъ видимъ, здѣсь не только нѣтъ принципіально-отрицательной постановки еврейскаго вопроса, но и никакой постановки нѣтъ. И меньше всего Екатерина думала, что изъ ея рѣшенія 23 декабря 1791 года, въ которомъ не упоминалось ни о вѣрѣ, ни о національности, выйдетъ впослѣдствіи... черта еврейской осѣд-

лости. Евреи были ограничены тогда въ этой чертѣ не больше и не меньше, чѣмъ были ограничены и украинскіе жители этой черты, и всѣ русскіе жители изъ старыхъ областей Россіи. Припомнимъ, что тогда по общему для всѣхъ закону горожанинъ не могъ переселяться изъ города въ городъ и изъ города въ деревню. Это не было спеціальное ограниченіе для евреевъ. Это было ограниченіе всѣхъ русскихъ подданныхъ на всемъ пространствѣ государства. Какъ же произошло отсюда еврейское ограниченіе?

Оно произошло вслѣдствіе расширенія правъ другихъ горожанъ, а не вслѣдствіе ограниченія правъ евреевъ, какъ національности. Упомянутыя ограниченія были сняты въ ново-пріобрѣтенныхъ мѣстностяхъ, какъ и въ остальной Россіи, по отношенію къ горожанамъ другого происхожденія. А относительно горожанъ-евреевъ они сохранились въ силѣ. Такъ какъ, однако, всѣ евреи были записаны, какъ горожане, то ограниченіе по мѣсту жительства совпало для нихъ съ границами ихъ національности. Тутъ прошла черта, которая получила характеръ національной черты, національнаго ограниченія. Такъ сложилось фактически рѣшеніе вопроса о еврейскихъ ограниченіяхъ раньше, чѣмъ законодатель поставилъ себѣ еврейскій вопросъ.

И не только во времена Екатерины II, когда фактически слагались общія рамки будущихъ еврейскихъ ограниченій, не только тогда общій еврейскій вопросъ не рѣшался принципіально правительствомъ такъ, какъ онъ рѣшается въ послѣднее время, но и въ теченіе цѣлаго столѣтія, которое послѣдовало за Екатериной—за весь XIX вѣкъ—мы видимъ наше законодательство въ состояніи постояннаго колебанія. Чтобы убѣдиться, что это такъ, достаточно привести краткую историческую справку. Въ 1795 году минскимъ евреямъ приказано было переселиться изъ деревень въ города. А въ слѣдующемъ 1796 году велѣно оставить ихъ въ деревняхъ, потому что тамъ помѣщики пользовались ими, какъ агентами по продажѣ водки. Въ 1801 году новый приказъ—изгнать евреевъ изъ деревень. Въ 1802 году Сенатъ постановляетъ оставить ихъ тамъ, гдѣ они жили. Въ 1804 году — первое Положеніе о евреяхъ — предписывается немедленно выслать евреевъ отовсюду изъ деревень въ теченіе трехъ лѣтъ. Но раньше, чѣмъ проходятъ эти три года, въ 1808 году законъ признанъ неосуществимымъ. Евреи снова остались тамъ, гдѣ они раньше жили, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. Затѣмъ Комитетъ 1812 года пришелъ къ заключенію, что законъ 1804 года долженъ быть окончательно отмѣненъ, какъ законъ несправедливый и

опасный. Далѣе отъ 1812 до 1827 года опять настроеніе мѣняется, и слѣдуетъ цѣлый рядъ запретительныхъ мѣръ. А въ 1835 году снова запретительныя мѣры найдены безполезными и безплодными. Въ 1852 году возобновляются изгнанія. А черезъ нѣсколько лѣтъ, какъ только начались либеральные годы Императора Александра II, эта политика опять оставлена. Наступаетъ промежутокъ отдыха и спокойствія для евреевъ въ теченіе цѣлой четверти вѣка — 25 лѣтъ. Затѣмъ предпринимается новая попытка—запретить, по крайней мѣрѣ, *новыя* поселенія евреевъ внѣ городовъ Временными Правилами 1882 года. Прежнія поселенія, хотя совершившіяся и не по закону, были признаны законными; ихъ уже не преслѣдовали. Но вотъ въ 1893 году опять состоялся приказъ—всѣхъ незаконно поселившихся евреевъ выселить изъ деревень. Однако же, Комиссія 1899 года не только не подтвердила этой мѣры, но, наоборотъ, признала необходимымъ смягчить даже старыя Временныя Правила 1882 года. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ 1903 г. въ 158 деревняхъ еврейское населеніе допущено. Въ то же время растетъ еврейское деревенское населеніе въ цѣломъ, въ предѣлахъ черты осѣдлости. Въ 1881 году 580.000 евреевъ жили въ деревняхъ, въ 1897 году ихъ было уже 711.000.

Такъ колебалось законодательство о евреяхъ. И среди этихъ колебаній никогда не умирала мысль о полномъ снятіи всѣхъ еврейскихъ ограниченій. Вотъ еще небольшая историческая справка по этому вопросу за столѣтіе. Уже первый Еврейскій Комитетъ 1803 года совершенно ясно установилъ общее правило: какъ можно больше свободы, какъ можно меньше ограниченій. Второй Комитетъ, который работалъ отъ 1807 до 1812 года, оказался еще рѣшительнѣе,—онъ еще лучше зналъ дѣйствительность. Онъ подтвердилъ, что евреи полезны и необходимы для русской деревни, и что тѣ отрицательныя, темныя стороны, какія отмѣчаются, какъ результатъ пребыванія евреевъ въ деревняхъ, въ дѣйствительности вообще свойственны русской жизни и не могутъ быть приписываемы спеціально вліянію евреевъ. Такъ думало и меньшинство членовъ Государственнаго Совѣта въ 1835 году. Въ 1858 году самъ министръ внутреннихъ дѣлъ требовалъ равноправія для евреевъ, и реакціонный Еврейскій Комитетъ соглашался съ этимъ требованіемъ при одномъ только условіи, чтобы ограниченія были сняты постепенно съ различныхъ еврейскихъ группъ. Новая Комиссія 1872 года дѣйствуетъ еще рѣшительнѣе. Она находитъ, что отмѣна еврейскихъ огра-

ниченій вообще есть только актъ справедливости, и что отмѣна эта должна быть не постепенной, а немедленной, т.-е. должна быть немедленно распространена на всѣ группы еврейскаго населенія. Верховный комитетъ 1883 года опять-таки приходитъ къ тому же самому выводу, что необходимо совершенно уравнять права евреевъ. Таково было въ 1902 г. даже мнѣніе Плеве, извѣстнаго своими преслѣдованіями евреевъ. Отъ 1905 года до 1907 года вопросъ о пересмотрѣ еврейскаго законодательства съ цѣлью отмѣны ограничительныхъ мѣръ считался только вопросомъ времени и представленъ былъ на усмотрѣніе народнаго представительства въ открывшихся тогда Г. Думахъ. Мнѣніе первыхъ двухъ Г. Думъ всѣмъ хорошо извѣстно. Первые два состава народнаго представительства непосредственно и прямо поставили одной изъ ближайшихъ задачъ осуществленіе равноправія, какъ еврейскаго, такъ и всякаго, въ смыслѣ полной отмѣны ограниченій. Такъ шло дѣло до 3-й Г. Думы, до того измѣненія избирательнаго закона, которое существенно измѣнило составъ русскаго народнаго представительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнило и постановку еврейскаго вопроса. То, что считалось въ теченіе столѣтій нерѣшеннымъ, въ чемъ даже реакціонныя правительства, даже реакціонные министры внутреннихъ дѣлъ и реакціонные комитеты уже переставали сомнѣваться, какъ въ единственномъ возможномъ исходѣ—признаніе жительства евреевъ какъ въ городахъ, такъ даже и въ деревняхъ, не только не вреднымъ, не только безразличнымъ, но даже полезнымъ и необходимымъ, — въ этомъ народное представительство новаго типа усумнилось вновь. Лишь съ этого момента получили почву такія предложенія, какъ проектъ полнаго уничтоженія даже и тѣхъ ничтожныхъ правъ, которыя еще остаются у евреевъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ побѣдой реакціи получилъ шансы на побѣду и тотъ антисемитизмъ новаго типа, съ которымъ мы теперь принуждены считаться.

Наша историческая справка приводитъ насъ и къ выясненію причины, почему именно теперь, въ этой стадіи русской общественной жизни, вновь возникъ съ небывалыми доселѣ чертами еврейскій вопросъ. Это просто было новое политическое орудіе,— если угодно, результатъ новой формы политической жизни. Пока народъ былъ безгласенъ, пока дѣла рѣшались бюрократіей въ канцеляріяхъ, комитетахъ и министерствахъ, можно было ограничиваться въ законодательствѣ мотивами прямой, непосредственной пользы, спокойствія и нуждъ государственныхъ. Но когда народъ былъ призванъ къ участію въ государственной жизни,

явилась и потребность вліять на него въ извѣстномъ смыслѣ. Надо было обработать массу, воздѣйствовать на ея мысль и волю. Оффиціозный антисемитизмъ есть простѣйшій способъ удовлетворенія этой потребности, упрощенная попытка взнуздать массы, подсказать имъ тѣ чувства, тѣ побужденія, тотъ характеръ взглядовъ и способъ дѣйствій, которые нужны тѣмъ, кто играетъ на этихъ струнахъ. Другими словами, началась демагогія. Создано было для этой цѣли и то спеціальное политическое орудіе, которое соотвѣтствовало условіямъ борьбы въ новомъ строѣ,—искусственныя политическія партіи съ цѣлями демагогіи.

Итакъ, антисемитизмъ новаго типа, какъ это ни странно на первый взглядъ, является пріобрѣтеніемъ конституціонной эпохи. Онъ является отвѣтомъ на потребность въ примѣненіи новыхъ средствъ массоваго воздѣйствія. И въ этомъ смыслѣ антисемитизмъ у насъ играетъ ту же роль, какую игралъ въ Европѣ; если угодно, это—еврейское явленіе. Вспомнимъ, что Бисмаркъ называлъ антисемитизмъ соціализмомъ дураковъ. Для того, чтобы бороться съ соціализмомъ умныхъ людей, нужно темныхъ людей взять въ свои руки и поманить ихъ призракомъ соціальнаго улучшенія ихъ быта, показавши имъ мнимаго врага вмѣсто дѣйствительнаго. И антисемитизмъ говоритъ темной массѣ: вотъ гдѣ твой врагъ, борись съ евреями, и ты добудешь соціальныя улучшенія... Всѣмъ извѣстно, что такіе опыты примѣненія антисемитизма для созданія соціальныхъ партій новаго типа, дѣлались неоднократно на Западѣ. Напомню для примѣра хотя бы христіанскую соціальную партію въ Австріи съ ея покойнымъ руководителемъ Луэгеромъ.

Есть одна только маленькая разница между нами и Западомъ. У насъ масса не такъ подготовлена, чтобы оцѣнить непосредственно соціальный аргументъ, хотя бы и преподносимый въ упрощенной формѣ. У насъ антисемитизмъ принужденъ облекать этотъ аргументъ въ еще болѣе доступную форму, обращаясь къ наиболѣе элементарнымъ страстямъ и инстинктамъ. Ф. И. Родичевъ, пародируя выраженіе Бисмарка, что антисемитизмъ есть соціализмъ дураковъ, выразился какъ-то въ Государственной Думѣ, примѣнительно къ нашей русской дѣйствительности, что антисемитизмъ есть „патріотизмъ недоумѣвающихъ людей“. И въ самомъ дѣлѣ, у насъ антисемитизмъ есть средство создать въ массахъ націонализмъ опредѣленнаго типа. Для этой-то цѣли наши антисемиты ставятъ своей задачей играть на струнахъ расовой и религіозной ненависти.

Несмотря на отмѣченную разницу, самыя средства, самые пріемы, самый способъ воздѣйствія на народную психологію у нашихъ антисемитовъ — заграничнаго происхожденія. Припомнимъ аргументы, которые приводились въ Г. Думѣ, которые можно прочесть въ „Русскомъ Знамени" или „Земщинѣ", и приведемъ себѣ на память антисемитскую литературу Запада, французскія книги Дрюмона, или соотвѣтственныя нѣмецкія произведенія—тамъ мы найдемъ весь антисемитскій арсеналъ нашихъ націоналистовъ вполнѣ готовымъ. Это оттуда приносятъ къ намъ и средневѣковыя легенды о ретуальныхъ убійствахъ, и законопроекты объ убоѣ скота...

Но у насъ антисемитизмъ употребляется еще для одной цѣли Мало того, что необходимо воздѣйствовать на массы. Необходимо воздѣйствовать и на власть. Если массы нужно пріобрѣсти, то власть нужно запугать. И создается новый варіантъ антисемитской легенды: легенда о евреѣ-создателѣ русской революціи. Это онъ создалъ русское освободительное движеніе, это онъ работалъ въ печати, онъ работалъ въ революціонныхъ организаціяхъ, онъ ходилъ съ красными флагами .. Русскій человѣкъ, который бы этому повѣрилъ, показалъ бы тѣмъ, что онъ не уважаетъ русскій народъ. Сказать, что только еврей могъ помочь русскому народу освободиться, это значитъ сказать, что безъ еврея русскій народъ не вышелъ бы на путь собственнаго освобожденія. Нѣтъ, какъ я ни уважаю исключительную талантливость еврейскаго народа, но я не откажу русскому народу въ способности своими силами участвовать въ собственномъ освобожденіи.

Но есть и другая сторона. Рѣчь можетъ идти не о зависимости освободительнаго движенія отъ еврея, а о зависимости еврея отъ освободительнаго движенія. Въ какое отношеніе еврей долженъ стать къ этому движенію? Тутъ, разумѣется, не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Не только то обстоятельство, что еврейская масса болѣе образована, что она прошла ту или другую школу, что она не подвержена алкоголизму,—и по всѣмъ этимъ причинамъ стоитъ выше по самосознанію, должно было побудить ее понять важность для нея освободительнаго движенія. Къ тому же привело ее и то обстоятельство, что рѣчь тутъ идетъ о пріобрѣтеніи такихъ элементарныхъ правъ, значеніе которыхъ близко и понятно каждому. Вотъ почему всю массу еврейскую можно, дѣйствительно, записать въ ряды сторонниковъ русскаго освободительнаго движенія.

Еще одно послѣднее замѣчаніе. Въ послѣднее время русскіе,

такъ-называемые, „инородцы", отчаявшись въ томъ, что русское освободительное движенiе дастъ имъ непосредственные практическiе результаты, пробовали искать непосредственныхъ и ближайшихъ способовъ воздѣйствiя на правительство. Есть нацiональныя теченiя, которыя думаютъ, что скорѣе добьются нацiональныхъ правъ, если пойдутъ путемъ непосредственныхъ переговоровъ съ бюрократiей. Этотъ путь они порою бываютъ склонны считать болѣе прямымъ, чѣмъ путь непосредственнаго участiя въ русскомъ освободительномъ движенiи. Есть и другая тактика нацiональной борьбы, которая ищетъ болѣе прямого пути въ иномъ направленiи — не черезъ бюрократiю, не сверху, а снизу — и которая тоже считаетъ, что „инородцы" должны организоваться для своихъ специфическихъ нацiональныхъ цѣлей, разорвавъ непосредственную связь съ дѣломъ общаго русскаго освобожденiя.

Изъ того, что сказано выше объ особомъ положенiи еврейскаго вопроса, о томъ, что евреи страдаютъ не только какъ нацiональность, какъ цѣлое, но и какъ отдѣльные граждане, было бы правильно сдѣлать выводъ, что еврею менѣе удобно стать на одну изъ этихъ точекъ зрѣнiя, чѣмъ представителю какой-нибудь другой нацiональности. Еврей долженъ въ особенности помнить, что его судьба тѣсно и неразрывно связана съ судьбой общаго освободительнаго русскаго движенiя. Онъ долженъ особенно помнить, что отдѣльные нацiонализмы, болѣзненно, можетъ быть выдвигающiеся впередъ и разрывающiе связь политическихъ партiй для того, чтобы выдвинуть впередъ нацiональную программу, эти нацiонализмы могутъ оказаться болѣе опасными, чѣмъ полезными для нашего общаго дѣла и вмѣсто прямого пути могутъ направить насъ на такого рода обходныя тропинки, на которыхъ всѣ мы рискуемъ разойтись врознь и заблудиться. И вотъ тотъ практическiй выводъ, который можно сдѣлать изъ этихъ соображенiй. Не слѣдуетъ увлекаться нацiонализмами до тѣхъ поръ, пока не разрѣшенъ общеимперскiй вопросъ россiйскаго освобожденiя. Будемъ надѣяться, что еврейскiй народъ такъ же ясно понимаетъ эту связь теперь, какъ онъ понималъ ее въ тѣ годы, въ которые велась его совмѣстная работа съ русскими прогрессивными теченiями и что, слѣдовательно, дальнѣйшая борьба за освобожденiе народностей Россiйской Имперiи точно такъ же пойдетъ въ общихъ рядахъ, какъ шла она до сихъ поръ.

П. Милюковъ.

ДВА СЛОВА ОБЪ АНТИСЕМИТИЗМѢ.

Къ антисемитизму не примѣнимо изреченіе: понять, значитъ простить. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ явленій, которыя, чѣмъ легче объясняются, тѣмъ труднѣе прощаются. Его источники—въ жестокихъ нравахъ и дикихъ понятіяхъ варварскаго прошлаго, онъ—одинъ изъ ихъ пережитковъ, а эти пережитки подлежатъ безпощадному отрицанію со всѣхъ точекъ зрѣнія—и прогресса, и морали, и гуманности, и здраваго смысла. Виды и формы антисемитизма весьма различны—смотря по человѣку: отъ слабыхъ и смутныхъ, легко преодолѣваемыхъ, антипатій къ еврейству до яростной, безпощадной вражды къ нему; есть антисемитизмъ по чувству, есть антисемитизмъ по безчувственности; есть даже антисемитизмъ, если можно такъ выразиться, „справедливый" (человѣкъ говоритъ: „я не люблю евреевъ, но считаю, что имъ должны быть представлены всѣ права гражданъ"), и есть такія формы антисемитизма, которыя находятся въ вопіющемъ противорѣчіи съ элементарными требованіями справедливости.

Крайнія формы, доходящія до изувѣрства, до абсурда, относятся къ легкимъ и умѣреннымъ, примѣрно, такъ, какъ тяжелыя формы психозовъ относятся къ соотвѣтственнымъ легкимъ психопатическимъ предрасположеніямъ, или какъ бредъ сумасшедшаго—къ иллюзіямъ человѣка слегка неуравновѣшеннаго. Это—не только сравненіе: антисемитизмъ, какъ и другія проявленія *навязчивыхъ* идей и чувствъ, не мотивированныхъ, стихійныхъ предразсудковъ, есть родъ психоза,—изъ числа тѣхъ, которые встрѣчаются весьма часто у лицъ, въ общемъ нормальныхъ, не страдающихъ никакою опредѣленною формою той или иной душевной болѣзни. Такихъ „странностей", или „психическихъ тиковъ", очень много, и большею частью они—невинны, безвредны, безразличны въ общественномъ или моральномъ отношеніи, но есть между ними и такія, которыхъ нельзя не осуждать, такъ

какъ въ общей экономіи общественной жизни и въ нравственной атмосферѣ общества они являются элементомъ болѣзнетворнымъ, источникомъ ненужныхъ осложненій, дурныхъ страстей и всякаго рода несправедливостей. Къ этому разряду принадлежатъ всѣ междучеловѣческія антипатіи: расовыя, національныя, религіозныя, классовыя, сословныя и т. д. Сюда относится и антисемитизмъ, съ одною, впрочемъ, разницею, что въ немъ всѣ основанія для антипатій—не настоящія, а фиктивныя, ложныя.

Прежде всего, нить расовыхъ основаній.

Когда говорятъ о расовой враждѣ въ С.-Ам. Соед. Штатахъ между янки и неграми, то тутъ передъ нами, дѣйствительно, рознь и антипатія двухъ расъ: бѣлой и черной. Но евреи принадлежатъ къ той же бѣлой расѣ, украшеніемъ которой мнятъ себя гг. антисемиты. Преобладаніе среди евреевъ типа южной, такъ наз. „средиземной“ разновидности бѣлой расы, не можетъ служить оправданіемъ вражды къ нимъ, потому что къ той же разновидности принадлежатъ и многіе другіе народы въ Европѣ и въ Азіи—итальянцы, южные французы, армяне, греки, южные славяне и др. [1]).

Со стороны *національной* антисемитизмъ также не имѣетъ основаній по той простой причинѣ, что на свѣтѣ давно не существуетъ особой „еврейско-семитической“ національности (она исчезла со временъ діаспоры, т.-е. разсѣянія евреевъ среди другихъ народовъ). Евреи ассимилировались въ національномъ отношеніи съ тѣми народами, среди которыхъ живутъ, усвоивъ ихъ языки: во Франціи они французы, въ Англіи—англичане, въ Испаніи—испанцы, въ Россіи—русскіе и т. д. Единственное исключеніе составляетъ та еврейская масса въ Россіи, въ Польшѣ и въ Галиціи, которая говоритъ на такъ-называемомъ „нѣмецко-еврейскомъ жаргонѣ“ (который, однако, вовсе не жаргонъ, а настоящій языкъ, литературно-образованный). Но такъ какъ этотъ языкъ—германскаго происхожденія, то, значитъ, люди, для которыхъ онъ — родной языкъ, принадлежатъ не къ семитической

[1]) Единство, или постоянство, антропологическаго типа евреевъ лишь относительно. Какъ всѣ старые культурные народы, они представляютъ собою смѣсь расовыхъ чертъ, образовавшуюся вслѣдствіе скрещиванія расовыхъ разновидностей, происходившаго и въ глубокой древности, и въ последующія эпохи, вплоть до нашего времени. Среди евреевъ нерѣдко встрѣчаются представители сѣвернаго европейскаго типа, какъ съ другой стороны попадаются и потомки африканской разновидности „средиземнаго“ антропологическаго типа.

лингвистической группѣ, а къ индоевропейской. При чемъ же тутъ „антисемитизмъ“?

По національности (т.-е. по языку), евреи—*не семиты*, а *индоевропейцы*, кромѣ только тѣхъ азіатскихъ и африканскихъ евреевъ, роднымъ языкомъ которыхъ служитъ арабскій. Эти послѣдніе, дѣйствительно, *семиты*. Но вѣдь не ихъ же ненавидятъ и преслѣдуютъ наши антисемиты...

Какъ съ точки зрѣнія расы, такъ и со стороны національной, терминъ „антисемитизмъ“ столь же не раціоналенъ, какъ не раціонально само явленіе, имъ обозначаемое.

Со стороны *религіозной* антипатія и вражда къ евреямъ нѣкогда имѣли свое основаніе, — въ тѣ времена, когда господствовала религіозная нетерпимость, когда различіе религіозныхъ идей и культовъ было достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы съ легкимъ сердцемъ ненавидѣть и истреблять ближнихъ. Эти времена, слава Богу, прошли, и въ настоящее время религіозной вражды къ евреямъ нѣтъ даже у гг. антисемитовъ.

Со стороны классовой — евреи, какъ таковые, очевидно, не могутъ быть предметомъ ненависти уже потому, что они не составляютъ какого-то особаго—„еврейскаго“ соціальнаго класса, а распредѣляются по разнымъ классамъ, каковы: торговый, промышленный, рабочій, классъ свободныхъ профессій (интеллигенція). Если съ этой стороны искать основаній для вражды и борьбы, то слѣдуетъ говорить не о еврействѣ вообще, а только о тѣхъ евреяхъ, которые принадлежатъ къ опредѣленному классу, возбуждающему у людей другого класса непріязненныя чувства. Антисемитизмъ тутъ ужъ ровно не при чемъ.

Но именно только въ этой экономической области и можетъ итти рѣчь о серьезныхъ—фактическихъ основаніяхъ для вражды и борьбы, частью на почвѣ столкновенія классовыхъ интересовъ, частью на почвѣ конкурренціи между представителями одного и того же класса. Этимъ-то и пользуется антисемитизмъ, наускивая темную массу на евреевъ-конкуррентовъ.

Классовый антагонизмъ и борьба за существованіе сами по себѣ составляютъ великое зло и больное мѣсто текущаго фазиса цивилизаціи, которое, несомнѣнно, въ будущемъ, быть можетъ, не очень далекомъ, будетъ преодолѣно прогрессирующимъ человѣчествомъ. Осложнять его примѣсью расовой, національной и всякой иной, къ дѣлу не идущей, вражды, это — преступленіе передъ человѣчествомъ.

Антисемитизмъ, т.-е. антипатія, вражда, ненависть къ еврейству, какъ таковому, къ евреямъ за то только, что они евреи, не имѣетъ подъ собою никакой почвы—ни въ смыслѣ пресловутой борьбы расъ и столь же пресловутой борьбы національностей, ни, наконецъ, въ смыслѣ „классовыхъ противорѣчій“ и борьбы за существованіе. Все это привлекается къ дѣлу, съ цѣлью обоснованія антисемитизма, совершенно всуе, вопреки правдѣ вещей. Но, въ такомъ случаѣ, на чемъ же держится антисемитизмъ, чѣмъ онъ питается?

Онъ держится на четырехъ китахъ: 1) на пережиткахъ враждебныхъ евреямъ чувствъ, унаслѣдованныхъ отъ историческаго прошлаго, когда эти чувства возникали и разгорались на почвѣ религіозной ненависти, когда евреевъ преслѣдовали и истребляли за вѣру; 2) на суевѣрномъ предразудкѣ, будто евреи составляютъ одно солидарное цѣлое, „кагалъ“, фатально-враждебный и миѳически-опасный тѣмъ народамъ, среди которыхъ они живутъ; 3) на безправіи евреевъ, поддерживающемъ въ темныхъ массахъ темную мысль о томъ, что евреи—элементъ вредный и опасный; 4) на слабомъ развитіи правового сознанія, чувства справедливости и гуманности.

Эти источники въ будущемъ, съ успѣхомъ гражданственности и просвѣщенія, конечно, изсякнутъ, — и антисемитизмъ исчезнетъ. Но это — дѣло долгое, затяжное. Стихійныя чувства, въ особенности злыя, застарѣлые предразсудки, умственная темнота и моральная тупость обладаютъ большою силою инерціи. Это своего рода *болѣзни сознанія*, отличающіяся упорствомъ, заразительностью и способныя къ передачѣ путемъ психической наслѣдственности. Ослабленныя или, казалось, исчезнувшія у отцовъ, онѣ неожиданно появляются у дѣтей или внуковъ...

Борьба съ этими недугами, роковымъ наслѣдіемъ темнаго и варварскаго прошлаго, трудна, тяжела и, такъ сказать, прозаична. Это—повседневная, будничная работа интеллектуальной гигіены, моральной профилактики, психической дезинфекціи... Но тѣмъ настоятельнѣе, тѣмъ обязательнѣе она...

Д. Овсянико-Куликовскій.

БЕЗЪ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ.

I.

— Не хотите ли посмотрѣть на выселенцевъ? — предложила Софья Владиміровна.

Мнѣ, какъ гостю, пріѣхавшему издалека, желали показать все, что есть въ городѣ достопримѣчательнаго. Но у меня совсѣмъ нѣтъ жилки туриста и къ достопримѣчательностямъ я вообще довольно равнодушенъ. Въ настоящій же разъ и вовсе не было охоты ихъ осматривать. Я пріѣхалъ въ Полтаву, чтобы повидаться съ В. Г. Короленкомъ послѣ долгой разлуки, пріѣхалъ всего лишь на три дня и склоненъ былъ все это время безвыходно провести въ его квартирѣ. Однако, за предложеніе С. В. я сразу ухватился: на эту «достопримѣчательность», хотя бы мелькомъ, взглянуть необходимо.

Читатели, вѣроятно, уже догадались, о какихъ выселенцахъ въ данномъ случаѣ шла рѣчь. Это — евреи, подвергшіеся массовому выселенію изъ нѣкоторыхъ мѣстностей, прилегающихъ къ нашему фронту. Въ Полтавѣ, когда я былъ тамъ, такихъ выселенцевъ скопилось около $2^1/_2$ тысячъ. О нихъ мнѣ уже приходилось читать и слышать, а теперь представился случай и лично увидѣть.

С. В. переговорила, съ кѣмъ слѣдуетъ, и на слѣдующій день за нами заѣхалъ находившійся въ это время въ Полтавѣ уполномоченный петроградскаго еврейскаго комитета, г. Викторовъ, чтобы вмѣстѣ отправиться къ выселенцамъ. Съ г. Викторовымъ, какъ оказалось, мы уже встрѣчались, — на учительскомъ съѣздѣ 1906 г. Онъ и до сихъ поръ учительствуетъ въ одномъ изъ городовъ Сѣверо-Западнаго края. Но сейчасъ всецѣло поглощенъ выселенцами.

— Бросилъ и школу, какъ разразилась эта бѣда, — сказалъ

онъ,—другіе ужь за меня окончили занятія... Ѣзжу, вотъ, устраиваю. Былъ въ Черниговской губерніи, теперь здѣсь живу уже недѣлю... Все никакъ не удается наладить дѣло...

Выселенцы въ Полтавѣ размѣщены почти поровну въ двухъ мѣстахъ: одна половина—въ талмудъ-торѣ и на прилегающемъ къ ней участкѣ, другая—въ казармахъ Маляровича. Рѣшили отправиться сначала въ казармы. Меня заинтересовало ихъ названіе. Оказалось, что это—частныя зданія, раньше были конюшнями, потомъ передѣланы въ казармы и теперь арендуются городомъ. Послѣдній уступилъ ихъ подъ выселенцевъ, но только на время. Скоро ихъ будутъ ремонтировать и теперешнихъ обитателей необходимо устроить какъ-нибудь иначе.

По дорогѣ г. Викторовъ спѣшилъ подѣлиться со мной своими свѣдѣніями о полтавскихъ выселенцахъ. Прежде всего онъ сообщилъ статистическія о нихъ данныя. По переписи, произведенной недавно, ихъ оказалось 2357. Въ значительной части это—выселенцы изъ Ковенской губерніи. Видную группу составляютъ также галиційскіе евреи. Какъ извѣстно, при отходѣ нашихъ войскъ изъ Галиціи было отдано распоряженіе вывести боеспособное населеніе, «за исключеніемъ евреевъ». Но прежде еще начали выселять въ Россію именно евреевъ и притомъ сплошь, не различая пола и возраста. Когда послѣдовало только-что упомянутое распоряженіе, они оказались уже за линіей отходящихъ войскъ, дѣвать ихъ было некуда и ихъ гнали пѣшкомъ 150 верстъ, а потомъ посадили въ поѣзда и развезли по городамъ еврейской осѣдлости. Такимъ путемъ часть ихъ оказалась и въ Полтавѣ. Кромѣ галиційскихъ и ковенскихъ еврееевъ, составляющихъ главную массу, встрѣчаются здѣсь также выселенцы изъ другихъ мѣстъ Северо-Западнаго края, изъ Курляндіи и изъ Польши,—даже изъ западной, давно уже занятой непріятелемъ. Эти послѣдніе выселенцы, очевидно, уже не въ первый разъ вынуждены были перемѣнить мѣсто своего жительства. Можетъ-быть, сначала они были бѣженцами, а потомъ оказались выселенцами. Но возможно и то, что ихъ сначала выселили изъ западной Польши, а потомъ и оттуда, гдѣ они нашли себѣ пристанище.

Та же участь—новое выселеніе—едва не постигла и всѣхъ выселенцевъ, нахлынувшихъ въ Полтаву. Мѣстный губернаторъ, г. Багговутъ, уже возбудилъ вопросъ о выселеніи ихъ въ Пензенскую губернію. Едва ли нужно говорить, какой былъ бы ужасъ, если бы этихъ обнищавшихъ, истощенныхъ и расте-

рявшихся людей погнали въ новое мѣсто,—притомъ въ губернію, гдѣ нѣтъ мѣстнаго еврейскаго населенія и гдѣ даже позаботиться о нихъ было бы некому. Къ счастію, усиленными хлопотами это удалось предотвратить, и изъ Петрограда пришло распоряженіе оставить выселенцевъ въ Полтавѣ. Тогда губернаторъ 45 человѣкъ изъ нихъ выслалъ на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ. На-дняхъ ихъ только отправили...

Половой и возрастный составъ выселенцевъ, какъ показала перепись, очень далекъ отъ нормальнаго. Достаточно сказать, что женскаго пола (1619) въ два слишкомъ раза больше, чѣмъ мужского (738 душъ). Очень великъ также процентъ дѣтей, стариковъ и старухъ. Есть очень древніе,—троимъ больше 100 лѣтъ. Выше нормальнаго и процентъ одиночекъ,—ихъ оказалось больше 200 человѣкъ. Остальные прибыли семьями, каковыхъ насчитано 456. Но семьи во многихъ случаяхъ неполныя. Въ суматохѣ, въ какой происходило выселеніе, очень многіе растеряли своихъ близкихъ. Такъ, дѣтей потеряли 30 семей, отцовъ — 6, мужей — 8, женъ — 3, всю семью растеряли — 14 человѣкъ. А кромѣ того члены 36 семей прямо выселены были въ разныя губерніи. Въ крѣпостное время нельзя продавать семьи враздробь, а выселять такъ и теперь можно...

Само собой понятно, что многія семьи не полны вслѣдствіе мобилизаціи. Такихъ семей насчитано 64, изъ ихъ состава находятся на войнѣ 72 человѣка. Къ «семьямъ запасныхъ» у насъ относятся вообще съ особою заботливостью, прилагаютъ всѣ усилія, чтобы поддержать ихъ и ихъ хозяйства. Ну, а этимъ выпала иная доля... Впрочемъ, что семьи! Среди выселенцевъ оказались даже солдаты: одинъ контуженный и два раненыхъ. Кровь за отечество пролили, а потомъ сомнѣніе взяло: не измѣнники ли...

Возможно, что объ этомъ даже не подумали. Выселяли вѣдь всѣхъ сплошь. Выселяли тяжело больныхъ, — среди здѣшнихъ выселенцевъ такихъ было 18 человѣкъ и еще трое умерли въ дорогѣ. Выселяли находившихся въ богадѣльнѣ (здѣсь ихъ трое), слѣпыхъ (шестеро), нѣмыхъ (четверо), умалишенныхъ (четверо)... Въ этомъ, между прочимъ, ужасъ массоваго выселенія: страдаютъ не только неповинные, но и завѣдомо не могущіе быть виновными въ томъ, отъ чего желаютъ уберечься. Ну, а дѣти — младенцы, не могущіе отличить правой руки отъ лѣвой,—развѣ они могли быть опасны? Между тѣмъ, на нихъ-то

тяжелѣе всего и отзовется эта передряга. Многія и многія изъ нихъ поплатятся жизнью...

Сейчасъ среди выселенцевъ и въ талмудъ-торѣ, и въ казармахъ свирѣпствуетъ корь,—въ очень тяжелой формѣ. Много дѣтей умираетъ. Кромѣ кори прокралась и другая инфекція—оспа. На-дняхъ въ талмудъ-торѣ почти одновременно заболѣло ею шесть человѣкъ. Заболѣвшихъ, конечно, отправили въ больницу, произвели дезинфекцію,—можетъ-быть, и удастся предотвратить дальнѣйшія заболѣванія. Но при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ живутъ выселенцы, эпидемій приходится бояться все время. Да и помимо эпидемій больныхъ очень много: народъ все—истощенный, обстановка прямо антигигіеническая, а тутъ еще жара, которую такъ плохо переносятъ дѣти.

Въ значительной своей части выселенцы принадлежатъ, конечно, къ малоимущему классу. Извѣстно вѣдь, какая масса бѣдноты ютится въ мѣстечкахъ еврейской осѣдлости. Но общей участи не избѣгли и зажиточные люди. У многихъ были свои дома, торговыя и ремесленныя предпріятія. Какъ выяснилось изъ переписи, переселенцами оставлено на мѣстѣ всякаго рода имущества на 938.000 руб.,—почти на милліонъ. Но все это брошено на произволъ судьбы; если и удалось кому что ликвидировать, то продавали впопыхахъ, за безцѣнокъ...

На мѣстѣ кое-какъ жили; иные, вѣроятно, и недурно жили;—ну, а теперь всѣмъ нужна общественная помощь. Въ Полтавѣ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, образовался съ этой цѣлью особый еврейскій комитетъ. Онъ расходуетъ на выселенцевъ до 6000 руб. въ мѣсяцъ, но этого мало, очень мало. По смѣтѣ, составленной на ближайшій мѣсяцъ, расходъ исчисленъ въ 13 тысячъ,—семь тысячъ обѣщалъ отпустить петроградскій комитетъ.

Городское управленіе до сихъ поръ относилось къ выселенцамъ безучастно,—лишь въ послѣднемъ засѣданіи городская дума ассигновала на это 2000 руб. Имѣется въ Полтавѣ отдѣленіе Татіанинскаго комитета, который, какъ извѣстно, поставилъ своей задачей помогать мирному населенію, пострадавшему отъ войны, и объявилъ, что будетъ дѣлать это безъ различія вѣроисповѣданія и національности. Но въ мѣстномъ отдѣленіи предсѣдательствуетъ губернаторъ, а онъ евреевъ-выселенцевъ исключаетъ. На-дняхъ для помощи выселенцамъ прибылъ въ Полтаву Пироговскій отрядъ, снаряженный при содѣйствіи Вольнаго Экономическаго Общества. Онъ уже открылъ боль-

ницу, въ которую взялъ пока десять наиболѣе тяжелыхъ больныхъ. Устроенъ также дѣтскій очагъ, въ которомъ находятъ себѣ дневной пріютъ около сотни дѣтей. Ежедневно утромъ ихъ туда отводятъ, а вечеромъ они возвращаются въ казармы. Сначала родители отпускали ихъ туда съ опаской, но теперь дѣлаютъ это очень охотно. Дѣти же прямо рвутся туда: при очагѣ есть садъ, дѣтей тамъ кормятъ, играютъ съ ними, занимаются... Словомъ, это налажено.

Но вообще-то, хотя выселенцы находятся здѣсь уже третій мѣсяцъ, дѣло плохо клеится. Главное, не хватаетъ людей, которые отдали бы ему свои силы. Молодежь оказалась здѣсь почему-то почти отстраненной, а солидные люди, которые входятъ въ составъ комитета, недостаточно подвижны. Они засѣдаютъ, обсуждаютъ вопросы, а дѣло не двигается. Впрочемъ, теперь, кажется, сорганизовались. Учредили рядъ спеціальныхъ комиссій: одна займется розысками потерянныхъ родственниковъ и вообще сношеніями съ другими мѣстностями, другая — будетъ пріискивать работу и т. д.

— Но главное сейчасъ — говорилъ г. Викторовъ — квартирный вопросъ. Это прежде всего. Необходимо, во что бы то ни стало, вывести ихъ изъ казармъ, хотя бы разрѣдить нѣсколько. Мы уже рѣшили выдавать квартирное пособіе по 1 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ на человѣка. Завтра объ этомъ будутъ расклеены объявленія... Пока же они остаются здѣсь, ничего сдѣлать нельзя. Прямо руки опускаются, голова идетъ кругомъ... Ну, да вы сами эта увидите... Вотъ и казармы!...

II.

Казармы Маляровича расположены на крутомъ спускѣ, который отъ города ведетъ къ р. Ворсклѣ и лежащему за ней вокзалу Харьково-Николаевской ж. д. Естественно, что весь участокъ покатый. Мы вошли въ ворота. Вправо отъ нихъ, по нижнему краю участка, идутъ въ глубь двора низкія, находящіяся въ одной связи между собою, сараеподобныя зданія; это — казармы. Налѣво отъ воротъ — двухэтажный домъ, выходящій фасадомъ на улицу. Вѣроятно, это раньше былъ трактиръ или постоялый дворъ. Похоже, что въ нижнемъ этажѣ помѣщались кладовыя; по крайней мѣрѣ, когда казармы были заняты войсками, тутъ были цейхгаузы. Теперь и эти помѣщенія набиты выселенцами. За домомъ во дворѣ небольшая постройка — отдѣльная кухня.

Дворъ представляетъ изъ себя непривлекательный пустырь, изрытый и поросшій въ верхней своей части бурьяномъ; ни деревца, ни кустика,—хотя въ Полтавѣ всюду масса зелени. Въ нижней части двора вдоль всѣхъ казармъ протянулась лужа съ застоявшейся водой. Вода застоялась—какъ объяснили намъ—послѣ бывшихъ въ предыдущіе дни ливней. Но сюда же стекаетъ и вода изъ-подъ находящагося посрединѣ двора водопроводнаго крана, если что-либо моютъ подъ нимъ. Если не лужа, то болотце около казармъ, несомнѣнно, остается все время. Въ лужѣ видны картофельные очистки и другіе отбросы, явно уже загнившіе...

Посерединѣ двора, параллельно казармамъ, протянулся небольшой обрывчикъ,—быть-можетъ, искусственно даже сдѣланный. Въ немъ выкопанъ рядъ маленькихъ печурокъ,—правильнѣе, очажковъ, съ боковымъ и верхнимъ отверстіями. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ очажковъ разведенъ огонь, и около нихъ суетятся выселенцы.

До крайности странной казалась эта картинка въ губернскомъ городѣ: какъ-будто тутъ становище какого-нибудь дикаго племени...

— Это они пищу себѣ тутъ готовятъ,—пояснилъ г. Викторовъ.—Комитетъ отпускаетъ каждому $1^1/_2$ ф. хлѣба и супъ съ мясомъ; кромѣ того чай дается безъ ограниченія. Но этого мало, конечно, и вотъ они тутъ себѣ въ горшечкахъ стряпаютъ, кто что можетъ... Со стиркой вотъ скверно,—прибавилъ онъ:—совсѣмъ стирать негдѣ. Ну, а это—какая же стирка?!

И онъ указалъ на нѣсколько штукъ цвѣтного бѣлья, сушившагося на солнцѣ. Кто-то ухитрился выстирать его подъ водопроводнымъ краномъ, прибавивъ такимъ путемъ и мыльныхъ помоевъ въ вонючую лужу...

Мы перепрыгнули черезъ эту лужу и вошли въ одну изъ казармъ. Но при входѣ, внутри, сразу же наткнулись на другую лужу еще болѣе грязныхъ помоевъ.

— Это что такое?—воскликнулъ г. Викторовъ. Онъ перекинулся нѣсколькими словами на жаргонѣ съ ближайшими изъ выселенцевъ и объяснилъ намъ:—Видите ли, въ этой казармѣ мыли полъ сегодня. Ну, вотъ, каждый вымылъ доски, которыя противъ его наръ. А эта часть пола—общая, всѣ тутъ ходятъ. Сюда согнали всѣ помои, а мыть никто не хочетъ...

— Но неужели же нельзя было бы ихъ нѣсколько дисциплинировать? Сорганизовать какъ-нибудь,— напримѣръ, въ десятки, назначить дежурныхъ...

Г. Викторовъ махнулъ рукой.

— Дежурные есть, но толка отъ нихъ мало... Если бы вы знали, какъ трудно уговорить хотя бы тотъ же полъ вымыть. Одна изъ работающихъ здѣсь волонтерокъ уже къ такому средству какъ-то прибѣгла: притащила ведро и начала сама мыть. Тогда только устыдились и взялись за дѣло... Развѣ такихъ можно дисциплинировать? — И онъ обвелъ глазами казарму.

Мой взоръ упалъ на ветхую старуху, которая, сидя на нарахъ и держа горшечекъ между колѣнями, чистила трясущимися руками картофель. Очистки у нея падали на платье и съ него сыпались на только-что вымытый полъ... Такую, дѣйствительно, уже поздно, пожалуй, дисциплинировать: не легко было бы втолковать ей правила гигіены и совершенно новой для нея формы общежитія, а еще труднѣе, быть-можетъ, было бы требовать отъ нея работы на другихъ, совершенно чужихъ ей людей, когда она сама, явно, нуждается въ уходѣ...

Вокругъ казармы идутъ нары; середина тоже занята двусторонними нарами. Нары — неровныя, не то черезъ-чуръ старыя, не то небрежно, кое-какъ сдѣланныя. Разсчитаны онѣ, очевидно, были на роту, но выселенцевъ помѣщается на нихъ гораздо больше. Тутъ они и спятъ всѣ въ повалку: дѣти, мужчины, женщины,— свои и чужіе. И такъ живутъ уже третій мѣсяцъ...

На нарахъ груды постельныхъ принадлежностей, до-нельзя грязныхъ. У многихъ они имѣютъ видъ какого-то тряпья и хлама. Кое у кого видны подъ нарами сундучки и корзины. Попадаются и всякія другія вещи, порой совершенно неожиданныя. Вотъ, напримѣръ, довольно большая бензиновая кухня. Быть-можетъ, захватили ее, какъ одну изъ наиболѣе цѣнныхъ вещей въ домѣ...

Народу въ казармѣ не очень много: часть публики на дворѣ, другіе — ушли въ городъ на работу или въ поиски за нею; дѣти уведены въ очагъ, хотя и тутъ ихъ еще довольно. Кое-кто спитъ на нарахъ...

— Меня удивляло сначала,— говоритъ г. Викторовъ,— почему они и днемъ спятъ. Но оказывается, что вечеромъ, когда соберутся всѣ, тутъ творится нѣчто невообразимое: шумъ,

плачъ, ругань...Иной разъ до двухъ-трехъ часовъ не могутъ угомониться...

Мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ совсѣмъ мало. Но мы сразу наткнулись на двоихъ молодыхъ парней, слонявшихся безъ дѣла по казармѣ.

— Вы почему работы не ищете? чѣмъ вы дома занимались?— обратился къ нимъ г. Викторовъ.

Оказалось, что въ своихъ мѣстахъ они были ломовыми извозчиками, а здѣсь никакъ не могутъ найти себѣ подходящаго дѣла. Нашли было работу на одной изъ мельницъ, но проработали всего лишь два дня.

— Почему же бросили?

— Не можно... Никакъ не можно, господинъ!...—твердитъ одинъ изъ нихъ съ какимъ-то виноватымъ видомъ. Другой растерянно улыбается.

Едва мы поняли, почему «не можно». На мельницѣ ихъ заставили таскать пяти-пудовые мѣшки. За день приходилось триста-четыреста мѣшковъ перетащить, нерѣдко во второй этажъ. И они оказались не въ силахъ. Видъ у нихъ, дѣйствительно, такой, что не крючниками имъ быть: оба—низкорослые, истощенные... Трудно и представить себѣ, какъ они управлялись съ кладью въ качествѣ ломовыхъ извозчиковъ.

Мы бѣгло обошли казарму. Вотъ и «ротная канцелярія»,— отдѣленная отъ казармы крохотная комнатка, въ которой помѣщался, вѣроятно, фельдфебель. Какой-то господинъ, въ котелкѣ и при манишкѣ, окруженный выселенцами, выдаетъ имъ тутъ кусочки сахара. У каждаго изъ выселенцевъ въ рукахъ билетъ, на которомъ отмѣчается выдача. Господинъ въ котелкѣ—тоже выселенецъ; ему назначено небольшое жалованье и онъ играетъ роль какъ бы завѣдующаго казармами. Сначала онъ строго посмотрѣлъ на насъ: это, молъ, что за люди? Но узналъ г. Викторова и счелъ своимъ долгомъ сопровождать насъ въ дальнѣйшемъ обходѣ. Вскорѣ, однако, извинился и вернулся къ кусочкамъ сахара.

Мы перешли въ другую казарму. Та же картина. Въ одномъ мѣстѣ на нарахъ лежитъ какой-то свертокъ и около него по бокамъ двѣ горящихъ свѣчи въ подсвѣчникахъ.

— Это что такое?

Оказывается, трупикъ ребенка, скончавшагося ночью. Двѣ недѣли мучился животомъ,—отъ живота и умеръ... Мы обра-

тились къ присоединившемуся къ намъ по дорогѣ студенту,— одному изъ волонтеровъ, работающихъ здѣсь:

— Надо бы перенести куда-нибудь... Жара вѣдь...

— Да, да... Въ аптеку возьмемъ... Не доглядѣлъ, да и некогда все...

Прибѣжала волонтерка въ бѣломъ халатѣ и проситъ насъ уступить ей задержаннаго нами извозчика: нужно немедленно отвезти больную, заразная, а извозчика по близости найти трудно.

Заглянули и здѣсь въ «ротную канцелярію». Тамъ тоже больные,—два ихъ и оба лежатъ,—но это уже давніе. Помѣстили ихъ сюда—все-таки имъ здѣсь нѣсколько спокойнѣе.

Г. Викторова, видимо, больше всего интересуетъ рабочеспособная часть выселенцевъ: вѣдь одна изъ главнѣйшихъ заботъ сейчасъ—это пристроить всѣхъ къ дѣлу. Въ эту сторону, очевидно, направлены всѣ его мысли, и онъ не пропускаетъ ни одного взрослаго мужчины.

— Вы чѣмъ дома занимались?—обращается онъ къ рослому еврею, похожему скорѣе на русскаго мужика: рыжая борода лопатой и одѣтъ какъ-то по-мужицки,—подъ пиджакомъ русская рубаха и поверхъ нея фартукъ.

— Массажистъ!—отвѣчаетъ тотъ гордо и увѣренно.

Мы съ улыбкой переглядываемся, а г. Викторовъ спѣшитъ объяснить намъ:

— Это, знаете ли, у нихъ тамъ, въ мѣстечкахъ, въ родѣ какъ бы знахари или фельдшера-самоучки... Лечатъ...

Мы, конечно, понимаемъ: слово, вотъ, только иностранное, а костоправы и въ русскихъ деревняхъ встрѣчаются...

У одной изъ наръ примостился старикъ-сапожникъ—чинитъ башмакъ стоящей тутъ же дѣвочкѣ. Этому ремесленнику найти себѣ работу, казалось бы, не трудно: спросъ на сапожниковъ сейчасъ большой. Останавливаемся и начинаемъ разспрашивать.

Была работа, въ одной мастерской устроился, но бросилъ: на хлѣбъ не заработаешь, а тутъ обѣдъ долженъ пропускать. Старикъ толкуетъ что-то про «чистую работу», и мы никакъ не можемъ понять: вѣдь чистая работа выгоднѣе, гораздо лучше оплачивается. Лишь когда присмотрѣлись, какъ старикъ кладетъ заплатку, то поняли: чистая работа, дѣйствительно, не для него, онъ можетъ ее только испортить... Г. Викторовъ спѣшитъ его и себя обнадежить:

— Вотъ, если откроемъ свою мастерскую, возьмемъ под-

рядъ на солдатскіе сапоги, тогда и для васъ что-нибудь найдется... Вѣдь въ мастерской — обращается онъ къ намъ — работа будетъ раздѣлена на отдѣльныя операціи, ему и дадутъ что попроще...

Мы обходимъ казарму за казармой.

Кромѣ этого сапожника и нѣсколькихъ женщинъ, по преимуществу старухъ, которыя возятся надъ кое-какою стряпнею, всѣ сидятъ или слоняются безъ дѣла. Послѣдняго тутъ же въ казармѣ и просто у каждаго вокругъ себя — прибрать, почистить, починить и т. д. — нашлось бы, конечно, много. Но всѣ какіе-то вялые, растерянные, какъ-будто развинченные. Чѣмъ дальше идемъ, тѣмъ опредѣленнѣе складывается это впечатлѣніе. Люди, видимо, опустились чуть ли не до полнаго безразличія къ окружающему ихъ...

И къ нашему приходу относятся равнодушно. Но стоитъ намъ остановиться, заговорить съ кѣмъ-нибудь, какъ быстро подходитъ одинъ, другой, третій,— и вокругъ насъ уже кучка. У каждаго имѣется какой-нибудь вопросъ, всѣ чувствуютъ себя безпомощными, никто ничего толкомъ не знаетъ. Обращаются, по большей части, на жаргонѣ, но г. Викторовъ, чтобы держать насъ въ курсѣ разговора, отвѣчаетъ по-русски.

Нѣкоторыхъ волнуетъ вопросъ, когда и куда ихъ погонятъ. Оказывается, слухъ этотъ упорно держится среди выселенцевъ и они живутъ, готовые со дня на день отправиться куда-то еще дальше. Какая-то старуха умоляетъ отправить ее въ Бобруйскъ,— тамъ у нея родственники, а здѣсь ни души нѣтъ.

— Пусть пришлютъ письмо въ комитетъ или вамъ, это безразлично,— объясняетъ г. Викторовъ.— Пусть напишутъ, что они васъ примутъ или какъ-нибудь устроятъ. Тогда комитетъ дастъ вамъ денегъ на дорогу...

Старуха, видимо, удовлетворена такимъ простымъ рѣшеніемъ вопроса и въ ней уже вспыхнула надежда. Но новое сомнѣніе: у нея нѣтъ паспорта. Многіе, въ томъ числѣ и она, прибыли по проходнымъ свидѣтельствамъ, и у нихъ нѣтъ теперь никакихъ документовъ...

Какой-то старый еврей упорно тычетъ мнѣ въ руки рецептъ,— видимо, бережно имъ хранимый. Оказывается, у него болятъ ноги, ему прописаны ножныя ванны, но какъ же и гдѣ же онъ тутъ ихъ будетъ дѣлать? Вмѣшивается г. Викторовъ и объявляетъ, что будутъ разселять по квартирамъ.

— Идите и ищите себѣ квартиру... Если сегодня найдете, то

завтра же дадутъ пособіе на нее. У кого въ семьѣ пять душъ, то семь съ полтиной въ мѣсяцъ получитъ... Только уполномоченный раньше осмотритъ.

Вѣсть о квартирахъ, видимо, на нѣкоторыхъ дѣйствуетъ ободряюще и они отходятъ удовлетворенные, оживленно между собою разговаривая. Но другихъ не это интересуетъ, у нихъ свои вопросы и заботы...

Сквозь собравшуюся около насъ кучку къ намъ неожиданно проталкиваютъ молодого, красиваго еврея. У него небольшая окладистая бородка и очень нѣжная, розовая кожа. Онъ очень смущенъ и не знаетъ, что сказать.

— Это — цадикъ, цадикъ!...— слышно изъ толпы.

Смыслъ этой демонстраціи ясенъ: смотрите де, вотъ и этого человѣка не отъ міра сего пригнали вмѣстѣ съ прочими... Мы, въ свою очередь, смущены и не знаемъ, что сказать. Цадикъ!... Но вѣдь гг. Замысловскіе въ цадикахъ-то и видятъ главное зло, людоѣдами ихъ считаютъ...

Медленно, задерживаемые на каждомъ шагу, переходимъ мы черезъ дворъ къ дому, о которомъ я упомянулъ выше. По дорогѣ заглядываемъ въ кухню. Тамъ только что вынули мясо изъ котла и рѣжутъ его на порціи. Посерединѣ на табуреткѣ сидитъ молоденькая, совершенно разморенная жарой волонтерка. Къ нашему появленію она относится совершенно безучастно.

— Безсмѣнно тутъ дежуритъ, — шепчетъ мнѣ г. Викторовъ. — Совсѣмъ измаялась, а смѣнить некѣмъ...

Ежедневно приходится выдать свыше тысячи обѣдовъ. Процедура утомительная и нелегкая. Двери запираютъ, чтобы не вломилась толпа,— и духота бываетъ ужасная. Въ одно окошечко принимаютъ билеты и дѣлаютъ на нихъ отмѣтки, въ другое выдаютъ пищу.

Идемъ въ домъ. Въ нижнемъ этажѣ сумрачно и душно, нехорошо пахнетъ. Въ первой отъ входа комнатѣ — столовая съ длинными, сколоченными на скорую руку, столами и такими же скамейками.

— Столовую устроили,—говоритъ г. Викторовъ,—а ею почти никто не пользуется. Почему-то предпочитаютъ ѣсть тамъ же въ казармахъ, на нарахъ.

Въ столовой мы застали лишь нѣсколько пожилыхъ евреевъ, оживленно о чемъ-то разсуждающихъ. Г. Викторовъ прислушался.

— Философствуютъ...— съ улыбкой объяснилъ онъ намъ.— Смысла въ войнѣ ищутъ...

Въ остальныхъ комнатахъ размѣщены выселенцы. Нѣкоторыя комнаты совсѣмъ маленькія, почти темныя каморки.

— А вѣдь не идутъ отсюда, когда приходится кого-либо перевести въ казарму. Здѣсь предпочитаютъ оставаться...

Но это понятно. Здѣсь меньше шума, больше какъ бы уюта, что-то вродѣ своего угла. А тамъ вѣдь то же, что площадь.

Одна каморка стоитъ пустая. Мы заглянули въ нее и прямо отпрянули отъ вони. Здѣсь помѣщались два старика, совершенно безпомощные. Теперь ихъ удалось пристроить куда-то въ богадѣльню или въ больницу. Должно быть, отсюда скверный запахъ и распространяется по всему нижнему этажу.

Въ верхнемъ — много свѣтлѣе и комнаты больше. Въ одной изъ нихъ раньше была «контора», теперь — «аптека». Но это только названіе: стоятъ всего лишь три-четыре склянки, да и тѣ чуть ли не пустыя. Въ этой комнатѣ врачи принимаютъ больныхъ и на стѣнѣ виситъ каллиграфическое расписаніе, въ какіе часы и кто изъ нихъ принимаетъ. По расписанію пріемъ долженъ быть ежедневно, но въ дѣйствительности врачи, обремененные работой въ лазаретахъ и другихъ мѣстахъ, бываютъ рѣдко и неаккуратно. За послѣднюю недѣлю врачебный пріемъ, какъ сказали намъ, былъ всего лишь два раза. Жалуются и на другое неудобство: регистрація больнымъ не ведется, а врачи смѣнные, и случается, что одинъ изъ нихъ находитъ у больного одну болѣзнь, а на слѣдующій пріемъ паціентъ является къ другому врачу,— и тотъ ставитъ другой діагнозъ. Такъ и лечатъ — вперемежку...

Санитаріей врачи, повидимому, и не задаются,— иначе вонючая каморка, находящаяся прямо подъ «аптекой», была бы, конечно, вычищена и провѣтрена. А отцы города, вѣроятно, и не знаютъ, какая клоака образовалась у нихъ въ казармахъ Маляровича. А то хотя бы санитарнымъ-то надзоромъ они озаботились,— не ради выселенцевъ даже, а ради самихъ себя и своихъ присныхъ...

Двѣ комнаты верхняго этажа отведены подъ больныхъ корью, которые помѣщаются въ нихъ съ матерями. Тѣснота здѣсь не меньше, пожалуй, чѣмъ въ казармахъ, а грязи и дѣтскаго плача — гораздо больше. Окна въ этихъ комнатахъ наглухо закрыты и завѣшены тряпками. Не знаю, по совѣту ли врача это сдѣлано или матери сами додумались, что яркій свѣтъ

вреденъ больнымъ дѣтямъ. Но въ результатѣ еще и духота получилась.

Изоляція больныхъ корью имѣетъ, конечно, совершенно призрачный характеръ. Какъ-разъ въ проходной комнатѣ мы обратили вниманіе на мальчика лѣтъ двухъ, который лежалъ на желѣзномъ листѣ, прибитомъ къ полу у печки. Нашъ приходъ спугнулъ его, онъ схватилъ свою подушечку и убѣжалъ. «Какой славный карапузикъ!» — полюбовались мы. Оказалось, что это одинъ изъ корьевыхъ дѣтей. Когда мы проходили обратно, онъ опять укладывался на томъ же мѣстѣ.

— Ишь ты,— сказалъ кто-то изъ сопровождавшихъ насъ — такой маленькій, а понимаетъ, что на желѣзѣ-то холоднѣе...

Больной и, вѣроятно, съ повышенной температурой ребенокъ, ищущій прохлады на желѣзномъ листѣ,— таково было послѣднее впечатлѣніе, которое намъ дали «казармы Маляровича».

III.

Отъ казармъ до талмудъ-торы ходьбы минутъ десять. Шли мы туда съ опаской: пожалуй, вѣдь не пустятъ. Послѣ вспышки оспы тамъ учрежденъ «карантинъ»: у воротъ поставленъ городовой, который долженъ не допускать сношеній между обитателями талмудъ-торы и внѣшнимъ міромъ. Конечно, этотъ карантинъ — призрачный, и весь вопросъ въ томъ только, какъ заклясть поставленнаго на стражѣ духа. Обсудивъ вопросъ, мы рѣшили, что лучше всего пройти мимо него съ дѣловымъ видомъ, увѣреннымъ шагомъ, какъ-будто мы имѣемъ право на входъ въ заклятое мѣсто. Софья Владиміровна, которую городовой могъ знать въ лицо, рѣшила принести себя въ жертву и подождать насъ у воротъ.

Нашъ планъ удался, какъ нельзя лучше: городой не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки насъ остановить. А мы настолько осмѣлѣли, что прежде, чѣмъ закрыть за собою калитку, позвали и Софью Владиміровну:

— Идите и вы!... Городовой пропуститъ...

Послѣдній не сталъ подрывать нашу увѣренность... Впрочемъ, онъ, вѣроятно, уже убѣдился, что держать въ карантинѣ 1200 человѣкъ, хотя бы и при содѣйствіи другого городового, поставленнаго съ задней стороны участка, онъ совершенно не въ силахъ. Послѣ я видѣлъ, что и кромѣ насъ не мало людей входило въ ту же калитку и уходило черезъ нее.

Дворъ талмудъ-торы имѣетъ несравненно болѣе привлекательный видъ, чѣмъ при казармахъ: большой и ровный, онъ въ одной части засаженъ деревьями, въ другой—покрытъ травою. На такой травкѣ и полежать пріятно.

Самое зданіе талмудъ-торы, поставленное въ глубинѣ двора, имѣетъ очень недурной видъ, а внутри—характеръ хорошаго дома. Комнаты расположены на двѣ стороны и раздѣлены корридоромъ. Ихъ, несомнѣнно, наскоро пришлось приспособить для жилья и обставлены онѣ различно: въ однѣхъ имѣются койки въ видѣ козелъ, на которые натянута парусина; въ другихъ—устроены нары; въ третьихъ—выселенцы оказались вынужденными расположиться прямо на полу. И публика подобралась какъ-будто по комнатамъ: въ однѣхъ—почище, въ другихъ—попроще. Въ цѣломъ здѣсь несравненно больше уюта, чистоты и порядка, чѣмъ въ казармахъ,—быть-можетъ, потому, что здѣсь люди лучше успѣли сжиться другъ съ другомъ. И мы это невольно чувствуемъ: не такъ свободно входимъ въ комнаты и быстро изъ нихъ выходимъ. Неловко какъ-то со своимъ любопытствомъ вторгаться въ чужое жилище. Чувствуется, что это—уже не площадь...

Передъ одной комнатой мы и вовсе остановились. Черезъ полуоткрытую дверь намъ видно нѣсколько кроватей. На одной—несомнѣнно, на перинѣ или на чемъ-то мягкомъ—лежитъ молодая и красивая, но очень блѣдная женщина, покрытая бѣлымъ одѣяломъ. Подлѣ, на сосѣдней кровати, сидитъ интеллигентный по внѣшности мужчина съ утомленнымъ видомъ. Оба молчатъ, но, несомнѣнно, мужчина сидитъ около этой женщины, играетъ роль сидѣлки.

— Что это?—спрашиваемъ.—Больная?

— Роженица...

Естественно, что войти мы не рѣшились... Заходимъ въ другую такую же комнату. Поставленныя почти вплоть другъ къ другу койки прибраны, покрыты одѣялами или простынями; на полу — ни соринки, народу — немного: три-четыре человѣка; остальные, очевидно, разошлись по своимъ дѣламъ. Наше вниманіе привлекаетъ дѣвушка лѣтъ 16—17, очень красивая и изящно, хотя просто, одѣтая. Съ задумчивымъ видомъ она сидитъ около жестяного чайника,—только-что кончила пить чай. Пробуемъ заговорить,—понимаетъ только жаргонную и польскую рѣчь. Г. Викторовъ начинаетъ разговоръ съ нею на жаргонѣ и вкратцѣ передаетъ намъ, что узнаетъ: «изъ Лодзи»...

«портниха»... «совсѣмъ одна здѣсь»... Но онъ скоро прерываетъ разговоръ и мы догадываемся, что онъ сообщаетъ ей адресъ.

— Завтра придетъ въ комитетъ — говоритъ онъ намъ: — тамъ удобнѣе будетъ разспросить... Здѣсь какъ-то неловко.

Нѣсколько свободнѣе мы чувствуемъ себя въ комнатѣ съ нарами. Тамъ тоже наше вниманіе привлекаетъ молодая дѣвушка: примостившись на какомъ-то сундучкѣ, она пишетъ на нарахъ письмо для сидящей тутъ же пожилой женщины.

— Почему она пишетъ по-русски, а не на жаргонѣ? — не подумавъ, спросилъ я.

— А должно быть училась на русскомъ языкѣ, — говоритъ г. Викторовъ.

Но причина оказывается иная и намъ немного совѣстно, что мы сразу не сообразили. Письма, написанныя по-еврейски, теперь вѣдь вовсе не доставляются,— напомнила намъ дѣвушка...

Заходимъ въ комнату, гдѣ нѣтъ ни коекъ, ни наръ,—только голыя стѣны. Здѣсь люднѣе и шумнѣе. Расположившись въ разныхъ позахъ на полу, выселенцы группами разговариваютъ другъ съ другомъ. Мы какъ-то не нашли даже, съ кѣмъ заговорить...

Въ самомъ зданіи талмудъ-торы, хотя занятъ каждый уголокъ вплоть до передней, нашли себѣ пріютъ далеко не всѣ выселенцы. Значительная часть ихъ помѣщена въ находящемся по сосѣдству зданіи. Я какъ-то не сообразилъ и не спросилъ, чѣмъ оно было раньше; называютъ же его казармой. Другая часть выселенцевъ помѣщена просто подъ навѣсомъ. Здѣсь, очевидно, предполагалась столовая, устроено нѣчто въ родѣ столовъ, поставлены скамейки. Но потомъ и здѣсь пришлось поселить выселенцевъ.

— Гдѣ же они ночуютъ? — спросилъ я. Все пространство занято скамейками и столами, но спать на нихъ немыслимо: первыя слишкомъ узки, вторые — слишкомъ жидки.

— А вотъ на травкѣ размѣщаются, подъ открытымъ небомъ... Тутъ еще лучше...

— А если дождь пойдетъ?...

Отвѣта я не получилъ. Между тѣмъ, пока я былъ въ Полтавѣ, ежедневно, даже нѣсколько разъ въ день, шли дожди, хотя и недолгіе, но очень сильные. Земля все время не просыхала...

Подъ навѣсомъ размѣщены галиційскіе евреи: съ пейсами, въ длиннополыхъ одеждахъ.

— И жаргонъ у нихъ иной, — сказалъ г. Викторовъ. — Сначала я не понималъ даже.

Мы направились къ нимъ. Когда мы проходили мимо кухни, устроенной въ отдѣльномъ зданьицѣ, тамъ заканчивалась раздача обѣдовъ. Въ дверяхъ показалась раскраснѣвшаяся отъ жары дама и крикнула, обращаясь къ г. Викторову:

— Людей, людей давайте!... Не можемъ мы тутъ вдвоемъ справиться...

Г. Викторовъ подошелъ и что-то поговорилъ съ ней.

— Это — жена одного изъ членовъ комитета, — сказалъ онъ намъ, когда возвратился... Съ людьми, дѣйствительно, бѣда. Тутъ была молодежь, но теперь совсѣмъ исчезла. Говорятъ, что родители не пускаютъ, оспы боятся... Можетъ-быть, и «карантинъ» мѣшаетъ...

Мы приблизились къ навѣсу. Нѣсколько галичанъ сами подошли къ намъ. Одинъ еврей съ тонкимъ и выразительнымъ лицомъ, чуть-чуть улыбаясь, что-то сказалъ при этомъ.

— Онъ желаетъ добраго дня, — перевелъ намъ г. Викторовъ, — и говоритъ, что талмудъ предписываетъ ко всякому обращаться съ этимъ пожеланіемъ.

Мы отвѣтили на привѣтствіе, а г. Викторовъ объяснилъ нашему собесѣднику, что мы — русскіе и не понимаемъ по-еврейски.

— Тѣмъ больше, стало-быть, они заслуживаютъ привѣтствія, если не погнушались притти сюда, — отвѣтилъ еврей съ тою же изысканною вѣжливостью.

Другіе начали оживленно разсказывать, какъ ихъ «гнали» до границы. Но разговоръ черезъ переводчика какъ-то не ладился, да и торопились мы. А нужно еще было заглянуть въ «казарму».

Зашли прежде всего въ «аптеку». Здѣсь это не названіе только, но имѣется и настоящая, хотя небольшая, аптечка. Есть даже «ученикъ», — изъ выселенцевъ, очень обстоятельный и, повидимому, знающій свое дѣло молодой человѣкъ.

— Сначала безплатно его взяли сюда, — сказалъ намъ г. Викторовъ, — а теперь жалованье назначили, 10 руб. въ мѣсяцъ. Очень его хвалятъ...

Въ аптекѣ, довольно прилично обстановленной, оказался образцовый порядокъ, — по крайней мѣрѣ, на нашъ взглядъ. Ведется и книга рецептовъ; мы заглянули въ нее: послѣдній

рецептъ за 874-мъ номеромъ,—это за два съ небольшихмъ мѣсяца.

Изъ аптеки прошли въ самую «казарму». Это—громадная, неправильной формы комната. Должно-быть, раньше ихъ было нѣсколько, но раздѣлявшія ихъ перегородки теперь сняты. Вдоль стѣнъ и посрединѣ—нары. Общій видъ тотъ же, что и казармъ Маляровича, и такъ же, какъ тамъ, тѣсно и грязно.

У меня почему-то осталось впечатлѣніе, что эту казарму мы осматривали подъ вечеръ, хотя былъ всего лишь третій часъ на исходѣ. Наше вниманіе уже ослабѣло, и изъ сценокъ, видѣнныхъ здѣсь, въ мою память врѣзались лишь двѣ.

Въ одномъ изъ проходовъ на двухъ-трехъ доскахъ, представляющихъ какъ бы кровать, совершенно особнякомъ отъ другихъ лежитъ старуха,—очевидно, совершенно больная. При нашемъ проходѣ она съ трудомъ поднимается и садится,—получился комокъ какой-то. И этотъ комокъ всячески старается привлечь наше вниманіе, но голоса, чтобы позвать насъ, у старухи не хватаетъ. Г. Викторовъ, наконецъ, подходитъ къ ней. Она что-то съ трудомъ ему объясняетъ. Онъ возвращается къ намъ и говоритъ:

— У нея были 80 коп. и какой-то вексель. Она отдала ихъ кому-то на храненіе и проситъ разыскать... Каждый разъ, какъ я захожу сюда, она пристаетъ съ этимъ. Но что я могу сдѣлать, если она не помнитъ не только, кому отдала свои богатства, но даже гдѣ и когда это было?!...

Мы направляемся уже къ выходу. Наше вниманіе привлекаетъ стройный, бѣлокурый мальчикъ въ розовой рубашенкѣ. На видъ ему 2—3 года. Не успѣли мы остановиться, какъ насъ окружаютъ нѣсколько человѣкъ и начинаютъ оживленно разсказывать: родители бросили этого мальчика (вѣроятно, просто потеряли въ суматохѣ), а вотъ старуха взяла и привезла въ Полтаву; съ нею онъ и живетъ тутъ. У старухи есть дочь съ ребенкомъ, живущая здѣсь же, а зять на войнѣ... Видъ у старухи очень непривлекательный: если бы мы увидали ее въ сердитомъ видѣ, то, вѣроятно, она показалась бы намъ мегерой. Но сейчасъ у нея на лицѣ—ласковая, любовная улыбка. Она прямо засіяла, когда мы похвалили мальчика...

Выходя изъ казармы, мы продолжаемъ еще говорить объ этомъ случаѣ.

— Если бы моя жена была здѣсь,—сказалъ г. Викторовъ,—непремѣнно уговорилъ бы ее взять этого мальчика къ себѣ.

— Ну, пожалуй, старуха и не отдала бы его вамъ, — замѣтилъ я.

Въ дверяхъ мы оглянулись: старуха прижала мальчика къ груди и страстно его цѣлуетъ...

А родители этого мальчика, быть-можетъ, гдѣ-нибудь въ это время горько его оплакиваютъ.

IV.

«Безъ вины виноватые», — озаглавилъ я свою замѣтку... Много ихъ сейчасъ и какъ разнообразны эти «жертвы войны»! Когда сидишь въ своемъ углу, то какъ-то не представляешь себѣ этого. Знаешь, конечно, что льется сейчасъ горя рѣченька бездонная и съ каждымъ днемъ все шире и шире становится она. Но видишь обыкновенно лишь небольшой краешекъ ея. Когда же двинешься, то воочію видишь, какъ широка уже она. Я проѣхалъ только по Россіи, — и цѣлый рядъ сценъ и лицъ запечатлѣлся въ моей памяти.

Уже въ Петроградѣ, на Николаевскомъ вокзалѣ, когда я спѣшно проходилъ къ своему поѣзду, мое вниманіе привлекла группа раненыхъ, которыхъ отправляли куда-то въ сопровожденіи сестеръ милосердія и санитаровъ. Раненыхъ было человѣкъ 30—40, и всѣ на костыляхъ: у каждаго не хватало ноги. Вѣроятно, ихъ собрали изъ разныхъ лазаретовъ для отправки въ какое-либо спеціальное заведеніе. Они расположились коекакъ на одной изъ платформъ, и въ поведеніи ихъ не было ничего особеннаго: они вели себя, какъ и всякая другая, скучающая въ ожиданіи поѣзда публика. Будь ихъ двое-трое, я, вѣроятно, прошелъ бы, не обративъ вниманія. Но это скопленіе безногихъ было прямо ужасно...

И на другихъ пассажировъ эта картина произвела, видимо, удручающее впечатлѣніе. Когда нашъ поѣздъ тронулся, то общій разговоръ начался именно съ калѣкъ, на которыхъ всѣ обратили вниманіе.

— Боже мой! вотъ жалость-то... И народъ-то какой все молодой!

— Да! иному, быть-можетъ, лѣтъ сорокъ-пятьдесятъ на костыляхъ ковылять придется...

Разговоръ сразу получилъ опредѣленное направленіе, а жертвъ войны и въ вагонѣ оказалось не мало.

Въ нашемъ отдѣленіи ѣдетъ молодой полякъ съ мальчикомъ

двухъ лѣтъ — бѣженцы изъ Скерневицъ. Дважды приходили къ нимъ нѣмцы, но ничего, обиды особой не было. За все платили.

— Въ первый разъ у меня взяли хлѣба и сала,— разсказываетъ бѣженецъ.—Я ужъ не хотѣлъ и деньги брать, испугался. Но они вотъ ему сунули,—показалъ онъ на мальчика.—А другой разъ чуть не всю солому себѣ подъ постилку расхватали. Я пошелъ къ ихъ начальнику и говорю: почему только у насъ все берутъ?! Онъ прислалъ часового къ нашему сараю, чтобы больше у насъ не брали. А на утро всю взятую солому нѣмцы опять принесли... Глядимъ: каждый свою охапку назадъ тащитъ...

— Почему же вы бѣжали?...

Оказывается, первые два раза Скерневицы уступались безъ боя. А въ третій разъ подъ самыми Скерневицами началось сраженіе. Снаряды такъ и сыпались.

— Я схватилъ его вотъ на руки и побѣжали съ женой. Въ чемъ были... Все тамъ осталось. А хозяйство у насъ хорошее, своя механическая мастерская у меня тамъ была. Отецъ и мать тоже тамъ остались... Какой-то нѣмецъ у воротъ не пускалъ, хотѣлъ задержать насъ, да мы увернулись. Жену два раза ударилъ, и по мнѣ тоже замахнулся, но по мальчику попалъ...

Въ Петроградѣ онъ устроился было монтеромъ на аэропланномъ заводѣ и жилъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ. Но жена умерла отъ тифа, семь дней только проболѣла. Онъ остался съ мальчикомъ на рукахъ, — и плохо стало.

— Главное, насчетъ мальчика безпокоюсь. Весь день на работѣ, а онъ тутъ одинъ. Приду домой, а онъ весь грязный... Въ Екатеринодарѣ у насъ родственники есть, туда и ѣду: можетъ-быть, тамъ устроюсь или мальчика оставлю.

— А что это у мальчика съ глазомъ-то? Или коситъ онъ?

— А это отъ нѣмца... Докторъ говоритъ, что отъ испуга; обѣщалъ, что пройдетъ...

Потомъ мы имѣли возможность ближе присмотрѣться къ мальчику. Кромѣ глаза, въ немъ какъ-будто есть и еще что-то ненормальное. Третій уже годъ ему, а не говоритъ и странно какъ-то дичится. Во всякомъ случаѣ «нѣмецъ» въ его жизни слѣдъ оставилъ: матери онъ уже лишился, да и въ родную обстановку вернется, быть-можетъ, еще не скоро. Въ частности, и говорить начнетъ, пожалуй, не по-польски, а по-русски.

Въ нашемъ отдѣленіи ѣдетъ еще художница, — съ именемъ,

картины ея можно встрѣтить во многихъ музеяхъ. У нея сынъ и зять на войнѣ, оба теперь контужены, — одинъ второй уже разъ.

— Вотъ и у меня тоже... — раздается хриплый голосъ молчавшаго до сихъ поръ пассажира. Для плацкартнаго вагона даже III класса это пассажиръ былъ необычный. Въ иное время онъ, вѣроятно, поѣхалъ бы въ IV классѣ. Художница нѣсколько брезгливо на него посматривала: главное, такъ и разитъ денатуратомъ...

Оказалось, что онъ работаетъ по переноскѣ и перевозкѣ мебели въ Петроградѣ. Но сегодня въ 8 час. утра у него въ деревнѣ, въ Рязанской губерніи, скончался братъ, — раненый солдатъ, отпущенный домой на поправку. Въ 11 часовъ онъ уже получилъ телеграмму и вотъ спѣшитъ на похороны.

— Одиннадцать душъ теперь на шеѣ... Своихъ шестеро, да братниныхъ пятеро. Свою бабу и евонную я ужъ не считаю...

Художницѣ уже не до брезгливости, она полна жалости къ этому придавленному горемъ человѣку.

— Съ горя, видно, онъ и денатурату-то хватилъ, — говоритъ она мнѣ, когда онъ вышелъ изъ вагона...

Прислушиваюсь къ разговорамъ въ другихъ отдѣленіяхъ,— преобладаютъ тѣ же темы...

... Въ Харьковѣ пересаживаюсь на Южную дорогу, ѣду уже не въ плацкартномъ, а обыкновенномъ вагонѣ. Послѣдній прямо набитъ публикой. И тутъ такія же сцены и разговоры. Кондукторы въ Харьковѣ почему-то усиленно старались отсортировать солдатъ, которыхъ такъ много теперь въ каждомъ поѣздѣ, отъ остальной публики. Первымъ были предоставлены цѣликомъ два заднихъ вагона.

Но въ нашемъ вагонѣ оказались все-таки двое раненыхъ, уволенныхъ въ «первобытное состояніе». У одного — вмѣсто ноги деревяшка; но среди вещей у него имѣется искусственная, совершенно новенькая нога. Онъ все время озабоченъ, какъ бы не повредили ее въ тѣснотѣ и давкѣ. Вѣроятно, и дома онъ съ этой ногой будетъ щеголять только по праздникамъ, довольствуясь въ будни самой заурядной деревяшкой.

У другого — искусственный глазъ. Онъ ужасно доволенъ, что мы, сосѣди, не сразу это замѣтили и даже спросили его, во что онъ былъ раненъ...

— Спасибо, докторица въ лазаретѣ постаралась... «Какой хошь, говоритъ, глазъ тебѣ вставимъ: хочешь — веселый,

хочешь — серьезный. За любую красавицу потомъ сватайся, — не замѣтитъ»... И дѣйствительно: посмотрѣлъ я потомъ въ зеркало: какъ живой глазъ-то... Даже двигается... Не знаю только, вотъ, кто мнѣ въ деревнѣ вставлять его будетъ, потому — на ночь вынимать нужно. Въ лазаретѣ товарищъ по койкѣ очень ловко это дѣлалъ. А самъ — не могу, правая рука не дозволяетъ. И ее повредилъ нѣмецъ...

На одной изъ маленькихъ станцій въ вагонъ вваливается баба съ пятью ребятами малъ-мала меньше и съ массой всякихъ узловъ. Тоже — «жертва». Получила извѣстіе, что мужъ убитъ на войнѣ. Раньше служилъ гдѣ-то около этой станціи и она оставалась тутъ жить, поджидая, когда онъ вернется. Теперь ждать уже нечего, ѣдетъ къ свекру въ деревню... Не знаетъ, какъ и явиться къ нему съ этакой оравой...

...Пріѣзжаю въ Полтаву. Владиміра Галактіоновича, далеко еще не оправившагося отъ сердечной болѣзни и не успѣвшаго, какъ слѣдуетъ, отдохнуть послѣ дальняго путешествія, уже начала захватывать русская дѣйствительность. Въ частности, я какъ-разъ засталъ его сильно озабоченнымъ.

Приходитъ къ нему мѣстный раввинъ и разсказываетъ слѣдующее. Въ Полтавѣ, какъ и во многихъ другихъ городахъ, содержатся заложники. Среди нихъ свыше пятидесяти евреевъ, — главнымъ образомъ, изъ Кѣлецкой и Радомской губерній, уже занятыхъ непріятелемъ. Это — русскіе подданные, почти сплошь крупные коммерсанты, есть среди нихъ даже милліонеры. Для чего ихъ держатъ, — никто здѣсь толкомъ не знаетъ. Но имъ разрѣшили все-таки поселиться на частныхъ квартирахъ съ тѣмъ, чтобы они за свой счетъ нанимали городовыхъ, которые ихъ караулятъ.

Но, кромѣ евреевъ, есть еще семь человѣкъ галичанъ-украинцевъ. Среди нихъ: священникъ, адвокатъ, директоръ-гимназіи и т. д. Ихъ держатъ при полиціи, и позаботиться о нихъ некому. Узнавъ о нуждѣ, въ какой они находятся, раввинъ помогъ имъ кое-чѣмъ, — въ частности, справилъ на свой счетъ штаны священнику. Но вообще-то заботу о нихъ на себя онъ взять не можетъ, — съ него достаточно и евреевъ. Между тѣмъ украинцы узнали, что въ Полтавѣ находится Короленко, и вотъ черезъ раввина просятъ его, чтобы онъ навѣстилъ ихъ.

Свиданія съ заложниками въ Полтавѣ разрѣшаетъ полицеймейстеръ. У него даже бланки печатные для этого имѣются: «пропускъ для свиданія съ заложникомъ». Очевидно, порядокъ

вполнѣ уже установившійся. Къ полицеймейстеру и отправился В. Г. Но тому этотъ случай показался исключительнымъ и разрѣшить свиданіе самъ онъ не рѣшился. Доложилъ губернатору, а тотъ сказалъ:

— Это отъ меня зависитъ...

Стало-быть, нужно итти къ губернатору. Это уже при мнѣ было. Неожиданное осложненіе и удручало В. Г. Кто знаетъ, что скажетъ губернаторъ? Да и вообще въ этомъ вынужденномъ визитѣ не было ничего пріятнаго...

Сначала губернаторъ рѣшительно отказалъ и даже удивился, зачѣмъ это Короленку нужно свиданіе.

— Можетъ-быть, они шпіоны...

— Вы сами, ваше превосходительство, уже дважды назвали ихъ заложниками, и я подчеркиваю, что прошу свиданія не со шпіонами, а съ заложниками...

— Нѣтъ, не могу разрѣшить...

Въ концѣ-концовъ губернаторъ сказалъ:

— Ну, подайте прошеніе... Посмотримъ...

Сѣлъ В. Г. писать прошеніе, а такъ какъ онъ уже рѣшилъ этого дѣла не оставлять, то и писать нужно было не только для губернатора, которому онъ все уже объяснилъ, но такъ, чтобы это прошеніе пригодилось и въ дальнѣйшемъ. Написалъ... А къ вечеру приходитъ городовой и сообщаетъ: свиданіе разрѣшено и безъ прошенія. Потомъ оказалось, что заложникамъ-украинцамъ разрѣшено и поселиться на частной квартирѣ,— на тѣхъ же условіяхъ, какъ и евреямъ...

Послѣдніе въ день моего отъѣзда тоже прислали письмо Владиміру Галактіоновичу съ просьбой навѣстить ихъ. Очевидно, до нихъ дошли слухи о перемѣнѣ, какая произошла въ судьбѣ заложниковъ-украинцевъ, и у нихъ явилась мысль, нельзя ли хоть такимъ путемъ привлечь къ себѣ вниманіе предержащей власти....

Какъ бы то ни было, вопросъ о заложникахъ то и дѣло вклинивался въ наши бесѣды съ В. Г. Кромѣ нихъ и выселенцевъ, пришлось мнѣ въ Полтавѣ имѣть касательство и къ другимъ «жертвамъ»...

... Ѣду обратно. Вхожу въ вагонъ: буквально, нѣтъ мѣста, даже стоять негдѣ. Поѣздъ набитъ бѣженцами изъ Люблинской губерніи и изъ Варшавы. Это—уже цѣлое море нищеты, горя и страданій, которое разливается сейчасъ по лицу земли русской...

Да, много уже задѣтыхъ и даже вовсе придавленныхъ войною... И винить какъ-будто некого. Непріятель, это — вѣдь vis major, непреодолимая сила, стихія, противъ которой ничего сейчасъ не подѣлаешь, — все равно, что землетрясеніе, отъ котораго не уклонишься, разъ оно застигло. Если не утѣшать, то до извѣстной степени примирять это должно каждаго пострадвшаго съ его судьбою. Даже галичане-заложники, которыхъ я засталъ въ Полтавѣ, это утѣшеніе имѣютъ: ихъ тоже вѣдь забралъ непріятель и, вотъ, зачѣмъ-то до сихъ поръ держалъ въ клоповникѣ...

Но у русскихъ евреевъ — и заложниковъ, и выселенцевъ — даже этого своеобразнаго утѣшенія, что они страдаютъ отъ непріятеля, не имѣется. Къ ихъ горю примѣшивается еще обида; для другихъ это — несчастіе только, а для нихъ — какъ бы наказаніе. А за что? Когда я спросилъ объ этомъ одного выселенца, то онъ горько разсмѣялся:

— Да развѣ-жь мы знаемъ?! — И потомъ съ ноткой уже озлобленія продолжаетъ: — Можетъ, господинъ знаетъ? Нехай господинъ скажетъ!... Никто не знаетъ, — окончилъ онъ упавшимъ голосомъ.

Среди «безъ вины виноватыхъ» этимъ, несомнѣнно, приходится всѣхъ тяжелѣе.

А. Пѣшехоновъ.

Іюль 1915 г.

О НАЦІОНАЛИЗМѢ.

Рѣчь на университетскомъ обѣдѣ 8 февр. 1890 г. [1])

Господствующая идея настоящаго времени есть идея національная. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего дурного. Но національная идея, какъ и всякая другая, можетъ пониматься весьма различно. У насъ довольно распространено такое ея пониманіе, которое напоминаетъ извѣстный отвѣтъ готтентота миссіонеру, спрашивавшему его, знаетъ ли онъ различіе между добромъ и зломъ? «Конечно знаю,—отвѣчалъ готтентотъ:—добро—это когда я украду чужой скотъ и чужихъ женъ, а зло—когда у меня украдутъ». Подобнымъ образомъ многіе наши націоналисты восхваляютъ любовь къ своему народу, какъ высшую добродѣтель, а чужой патріотизмъ признаютъ за измѣну.

Несмотря на распространенность такого взгляда, я всетаки думаю, что русская національная идея не можетъ быть основана на готтентотскихъ нравственныхъ понятіяхъ, что она не можетъ исключать принципъ справедливости и всечеловѣческой солидарности. Считаю своевременнымъ пожелать осуществленія истинной русской идеи и того, что въ ней заключается: автономіи Польши, равноправности евреевъ и свободнаго развитія всѣхъ національныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ Россійской Имперіи.

Владиміръ Соловьевъ.

[1]) Изъ собранія автографовъ Э. П. Юргенсона.

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА.

Среди вечернихъ мгновеній вздыхающихъ
Я душою, какъ птица, притихъ
И молюсь я за всѣхъ умирающихъ
И за тѣхъ, кто при нихъ.

Близки мнѣ всѣ чужіе и дальніе,
Въ сердцѣ боль болью сжатыхъ сердецъ
Въ эти страшные миги прощальные
Съ тихимъ словомъ: „конецъ".

И какъ пчелы съ цвѣтовъ увядающихъ
Собираютъ сладчайшій свой медъ,
Такъ душа моя съ душъ отлетающихъ
Всю любовь соберетъ.

Тѣ слова о послѣднемъ прощеніи,
Что не вымолвить мертвымъ устамъ,
Всѣ въ безсловномъ вечернемъ моленіи
Всѣ я Богу отдамъ.

Поликсена Соловьева.

ПѢСНЯ.

Какъ отъ двухъ озеръ рожденныя,
Въ даль двѣ рѣчки потекли,
Чтобъ поить струей студеною
Ширь—поля родной земли.
Смерть—гора снѣговъ холодная
Встала межь журчливыхъ рѣкъ.
Разлучила, непроходная,
Рѣки быстрыя навѣкъ.
Плачетъ рѣчка одинокая
И бѣжитъ-шумитъ одна:
„Гдѣ сторонушка далекая?
Гдѣ синь-моря глубина?“
Тамъ, гдѣ волны закачаются,
Зажемчужатся вдали,
Тамъ сольются — повстрѣчаются
Рѣки всѣхъ концовъ земли.

Поликсена Соловьева.

ОТЕЧЕСТВО ДЛЯ ВСѢХЪ.

Великая война, которой мы не хотѣли, но которую мы ведемъ съ великимъ одушевленіемъ, съ чрезвычайнымъ напряженіемъ всѣхъ нашихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ, поставила передъ нашимъ сознаніемъ и передъ совѣстью нашею основные вопросы нашего общественнаго и государственнаго строительства. Не напрасно газеты поспѣшили назвать эту войну отечественною. Вопросъ объ отечествѣ внезапно пріобрѣлъ для насъ особую остроту и значительность.

Русское общество и русскій народъ застигнуты войною неожиданно, но свѣтлая сторона этой войны въ томъ, что она пришла къ намъ тогда, когда представшіе нашему рѣшенію вопросы въ разумѣ и совѣсти нашей оказались уже рѣшенными. Героическая работа русской интеллигенціи прошла не даромъ. И теперь намъ надо не спорить и доказывать, а только опредѣлить смыслъ событій. И этотъ смыслъ совершающагося заставляетъ насъ признать эту войну не только оборонительною, но и освободительною. Мы пріемлемъ ее не только, какъ борьбу за права малыхъ государствъ, угрожаемыхъ великими, не только какъ борьбу противъ германскаго милитаризма, но и какъ борьбу . . . . противъ внутренней опасности, въ какихъ бы разнообразныхъ формахъ эта опасность ни выражалась.

Первая и главнѣйшая опасность, угрожавшая и угрожающая намъ,—опасность внутренняго раздѣленія и нестроенія. Готовность всѣхъ населяющихъ Россію племенъ съ равнымъ рвеніемъ встать на защиту отечества показываетъ, какъ несправедлива въ Россіи проповѣдь человѣконенавистничества и узкаго націонализма. Племена, наравнѣ съ русскими несущія всѣ тяготы нашей государственности, наравнѣ съ русскими защищающія наше общее отечество, этимъ самымъ утверждаютъ, что отече-

ство—для всѣхъ, что Россія—для каждаго, кто считается русскимъ подданнымъ и исполняетъ свои обязанности по отношенію къ государству. Не для русскихъ только по языку и происхожденію Россія, она для всѣхъ, кто осѣненъ мощью ея державной государственности. Неравенство въ правахъ разныхъ народностей никому въ Россіи не нужно, мощи государственной не увеличиваетъ, а лишь поддерживаетъ наше внутреннее нестроеніе. Уравненіе всѣхъ въ правахъ ни мало не противорѣчитъ опредѣленіямъ русской государственности.

Скажете ли вы, что Россія создана русскимъ племенемъ? Хорошо, стало быть, она должна опредѣляться свойствами русскаго народнаго духа,—а этому духу чужда и противна вражда и замкнутость. Душа русскаго народа довѣрчива, открыта всѣмъ вліяніямъ, и быть иначе не можетъ: только та народность можетъ служить основою великаго государства, которая способна легко и радостно сочетаться со всѣми племенами, стоящими на ея историческомъ пути. Такъ всегда и было въ исторіи Россіи, и никто же не утверждаетъ, что люди, унаслѣдовавшіе отъ родителей русскій языкъ, составляютъ чисто-славянское, безпримѣсное племя.

Скажете-ли вы, что Россія—государство христіанское? Хорошо, но развѣ завѣты Христа не въ томъ, чтобы видѣть друга, и брата, и равнаго себѣ въ каждомъ человѣкѣ? Чѣмъ болѣе мы христіане, тѣмъ менѣе въ сердцѣ нашемъ вражды и исключительности.

И развѣ въ зависимости отъ того, что два человѣка говорятъ на разныхъ языкахъ и молятся по разному, измѣняется ихъ отношеніе къ дѣлу? Для того, чтобы платить пошлины и налоги, для того, чтобы носить оружіе, защищая отечество, никакого значенія не могутъ имѣть ни вѣроисповѣдные, ни расовые признаки.

Отечество—для всѣхъ насъ, потому что и мы всѣ для отечества. Отечество—нашъ общій домъ, и этотъ домъ всѣ мы строимъ, поддерживаемъ въ порядкѣ и въ благолѣпіи, и защищаемъ. Мы строимъ нашъ общій домъ не какъ наемники, которые получатъ плату и отойдутъ отъ строенія, и уже оно для нихъ чужое. Строя, украшая и защищая нашъ общій домъ, мы ни съ кѣмъ не торгуемся, мы даемъ все, что для строенія и защиты потребно,—даемъ наше достояніе, нашъ трудъ, самую жизнь нашу. Даже когда кажется намъ, что трудъ нашъ эгоистиченъ, и тогда онъ обращается на пользу нашему общему дому, если онъ не преступенъ: вѣдь все то, что увеличиваетъ

счастье, благополучіе и свободу каждаго, живущаго въ домѣ, увеличиваетъ прочность и благолѣпіе дома.

Мы строимъ нашъ общій домъ, украшаемъ его и защищаемъ, не щадя порою самой жизни нашей, и дѣлаемъ все это радостно и охотно потому, что въ общемъ дому нашемъ мы всѣ не наемники и не гости. Кто же мы всѣ въ общемъ дому нашемъ?

Мы всѣ должны знать и всегда помнить, что въ общемъ дому нашемъ мы —хозяева. Это — не право наше, это—нашъ долгъ по отношенію къ дому, о которомъ мы должны заботиться, какъ и всякій добрый хозяинъ заботится о домѣ своемъ. Это сознаніе, что мы—хозяева общаго дома нашего, сказывается и въ томъ, что каждый изъ насъ, въ комъ не дремлютъ совѣсть и разумъ, не можетъ не чувствовать себя самого отвѣтственнымъ за нестроенія жизни нашей.

Не кто-нибудь посторонній, не конгрессъ союзниковъ извнѣ, и не какое-нибудь одно сословіе внутри устроитъ наши дѣла и скажетъ Польшѣ: будь такою-то, и еврею: пользуйся такими-то правами, и Финляндіи: имѣй такіе-то законы, и всѣмъ инымъ, что кому на пользу. Ни союзники наши, ни одно изъ сословій нашихъ, ни нѣкоторые мудрѣйшіе или сильнѣйшіе изъ насъ,—мы всѣ, русскіе подданные, мы всѣ легко и охотно несущіе бремя государственности, мы всѣ призваны въ разумѣ и въ совѣсти нашей рѣшить основные вопросы великаго домостроительства нашего.

Ѳедоръ Сологубъ.

БРАТЬЯМЪ.

На милый край, гдѣ жизнь цвѣла,
До Вислы на равнины наши,
Тевтоновъ ярость разлила
Огонь и смерть изъ полной чаши.
Какъ въ день Послѣдняго Суда,
Сверкалъ огонь, гремѣли громы,
Пылали наши города,
И разрушались наши домы.
Когда ожесточенный бой
Къ инымъ предѣламъ устремлялся,
На нашихъ улицахъ разбой
Тевтонской рати начинался.
Презрѣвши страхъ дѣтей и дѣвъ,
На слезы отвѣчая смѣхомъ,
Въ безстыдство перешедшій гнѣвъ
Къ безумнымъ тяготѣлъ потѣхамъ.
И кровь струилася, и вновь
Вставалъ угарный дымъ пожара,
И пепломъ покрывала кровь
Родныхъ и милыхъ злая кара.
Изъ милыхъ мѣстъ насъ гонитъ страхъ,
Но говоримъ мы нашимъ дѣтямъ:
— Не бойтесь: въ русскихъ городахъ
Мы всѣ друзей и братьевъ встрѣтимъ.

Ѳедоръ Сологубъ.

ВСѢ ВМѢСТѢ.

Передъ общимъ врагомъ всѣ вмѣстѣ. Сплотились для обороны, для защиты родной земли отъ вражескаго нашествія. Всѣ вмѣстѣ, всѣ—братья, всѣ—дѣти одной родины, и для всѣхъ Россія — добрая, всѣхъ равно любящая мать. Собрала многія племена подъ своею державою, и ко всѣмъ равно благосклонна.

Такъ хочется говорить этими словами, имѣть право говорить эти слова! Да вотъ не скажешь. Не ко всѣмъ благосклонна одинаково, и въ годъ великаго подвига все не можетъ, все не хочетъ расторгнуть роковую черту, ужасную черту осѣдлости.

Встрѣчая за-границею русскихъ евреевъ, всегда приходилось удивляться той странно-живучей любви къ Россіи, которую сохранили почти всѣ они. Гооворятъ о Россіи съ тою же тоскою и съ тою же нѣжностью, какъ и русскіе эмигранты, и такъ же рвутся возвратиться на родину, и такъ же томятся, если возвратъ невозможенъ. За что имъ любить эту суровую къ нимъ, эту негостепріимную Россію?

Какъ это ни странно, а все же бываютъ дѣти, которыя любятъ жестокихъ мачехъ. Конечно, это—исключенія; обыкновенно мачехъ ненавидятъ. А вотъ, что касается евреевъ, здѣсь исключеніе обращается въ общее правило: евреи любятъ ту самую Россію, которая такъ къ нимъ сурова. Любятъ мачеху? Такъ ли?

Чей-то интересъ требуетъ, чтобы евреи были угнетены, были загнаны въ черту осѣдлости, ограничены въ правахъ на образованіе и во многихъ другихъ правахъ. Чей-же это однако, интересъ? Интересъ Россіи? Конечно, нѣтъ.

Общественныя отношенія въ Россіи, какъ и во всякомъ цивилизованномъ государствѣ, должны строиться на незыблемыхъ основаніяхъ справедливости, разума и совѣсти. Всѣ, объединенные признакомъ общей государственности, должны имѣть въ предѣлахъ своего государства тотъ наименьшій объемъ правъ,

въ которомъ все еще, къ стыду нашему, отказано евреямъ. Этотъ наименьшій объемъ правъ каждый изъ насъ получаетъ не за свои личныя или племенныя заслуги и не потому, что онъ обладаетъ тѣмъ или другимъ личнымъ или групповымъ признакомъ: объемъ обще-гражданскихъ и обще-человѣческихъ правъ долженъ принадлежать каждому россіянину только потому, что онъ россіянинъ. Подчиняться россійскимъ общимъ законамъ, платить въ россійскую казну все, что причитается, сражаться въ рядахъ россійской арміи—все это есть долгъ россійскаго подданнаго, соотвѣтствующій тому объему правъ, котораго лишить можно только по приговору суда за доказанное преступленіе.

Человѣкъ, по суду не опороченный, не можетъ жить тамъ, гдѣ онъ хочетъ, потому-что онъ еврей,—мальчикъ, ни изъ какого училища не исключенный за неуспѣшность или дурное поведеніе, не можетъ поступить въ гимназію, гдѣ есть вакансіи, но гдѣ уже заполнены особыя, процентною нормою опредѣленныя для жиденятъ мѣста,—жена воина не можетъ посѣтить раненаго и умирающаго въ госпиталѣ мужа, потому что онъ умираетъ внѣ черты осѣдлости,—покойникъ не можетъ быть похороненъ въ томъ городѣ, гдѣ онъ умеръ, потому что въ этомъ городѣ онъ не имѣлъ права жительства,—что все это значитъ? и кому все это нужно?

Все это—россійскіе подданные, не враги наши, и вотъ такъ съ ними поступаютъ. Зачѣмъ? Затѣмъ ли, чтобы ожесточить ихъ, зажечь въ ихъ сердцахъ огонь ярой ненависти къ Россіи, и сдѣлать изъ нихъ нашихъ враговъ? Но тогда надо быть послѣдовательными, не терпѣть ихъ въ чертѣ осѣдлости, изгнать ихъ или истребить. Однако, цивилизованное государство не рѣшится на эти акты, послѣдовательные въ своей жестокости. И если оно на это не рѣшается, то оно, изъ простой заботы о своей безопасности и о своемъ достоинствѣ, должно предоставить каждому россіянину общечеловѣческія права.

Это диктуется заботою о могуществѣ и безопасности нашей страны. Необходимо, чтобы каждый россіянинъ имѣлъ причины любить Россію и не имѣлъ права ея ненавидѣть. Если безправная часть россійскаго населенія все еще любитъ Россію, то это потому только, что въ державномъ русскомъ племени нѣтъ злобы и ненависти къ инородцамъ, и наши сограждане это знаютъ. Они знаютъ, что ихъ безправіе тягостно для насъ самихъ.

Уравненіе евреевъ въ правахъ съ нами повелительно диктуется и заботою о государственномъ достоинствѣ нашемъ. Званіе

россійскаго подданнаго должно быть уважаемо въ предѣлахъ нашей страны, потому что иначе цивилизованный міръ не привыкнетъ уважать Россію. Нашу Россію боятся за ея военную мощь, любятъ за прекрасныя качества ея населенія,—но уважать ее станутъ только тогда, когда она станетъ страною свободныхъ людей.

Ѳедоръ Сологубъ.

СВѢТЪ ВЕЧЕРНІЙ.

(Разсказъ).

I.

Морозомъ дышали ночные просторы. На темно-синемъ небѣ тихія горѣли звѣзды, и такими близкими казались онѣ землѣ. Внизъ опрокинутый высокій серпъ луны былъ тихъ, чистъ и ясенъ.

Тотъ, кто шелъ въ лучахъ луны, поднимая порою глаза въ лунную непорочность, такъ больно и тревожно чувствовалъ, что онъ все еще только человѣкъ. Человѣкъ, которому горестно и трудно,—можетъ быть, потому, что въ этомъ ясномъ и непреклонномъ сіяніи только ему мглистымъ является его путь.

Иванъ Петровичъ Травинъ возвращался домой по одной изъ окраинныхъ улицъ маленькаго западнаго городка, гдѣ морозъ бывалъ рѣдкимъ явленіемъ. Чтобы не думать ни о чемъ, Иванъ Петровичъ смотрѣлъ на снѣгъ. Изъ-за длинныхъ заборовъ пустынной улицы пушистыя и бѣлыя отъ снѣга вѣтки деревьевъ бросали на снѣгъ сквозныя тѣни. Странно было думать, что этотъ снѣгъ бѣлаго цвѣта,—такъ онъ синѣлъ, темнѣлъ въ тѣняхъ, таинственно мерцалъ въ лунномъ свѣтѣ и неожиданно яснѣлъ въ колеяхъ и выбоинахъ.

Грустныя думы, обычныя спутницы Ивана Петровича, и теперь не покидали его, томили и странно утѣшали. Онъ думалъ о женѣ, которая его оставила, и о подросткѣ сынѣ, который остался съ нимъ.

Жена его оставила потому, что перестала вѣрить въ его святыню, въ его надежды, и повѣрила въ механически-правильныя мысли тѣхъ, кто ждетъ преобразованія міра отъ фабричнаго города. Не потому, что разлюбила его, полюбила другого. Онъ чувствовалъ, что она разлюбила не его, а эту всю почвенную жизнь, милую для него.

Сынъ остался. Его надо воспитать въ той же любви, чтобы сердце его было пламенѣющимъ и ревнивымъ, иногда ненавидящимъ любимое, но не выносящимъ хулы на родное.

Но какъ трудна эта любовь!

Вотъ, за этими заборами таятся дома бѣдняковъ, евреевъ, поляковъ, русскихъ, выходцевъ изъ-за рубежа. Таится жизнь, то безумно-дерзкая, то безумно-робкая. Таится много вражды и злобы. И злоба отъ нищеты и непониманія.

II.

Родина, жена, сынъ, домъ малый, свой, и домъ большой,— отечество. И переходъ отъ одного къ другому—гимназіи, гдѣ Иванъ Петровичъ давалъ уроки, и городокъ, взбаламученный войною, недалекою отъ этихъ мѣстъ, но все же увѣренный, что врагъ сюда не доберется.

Въ этомъ кругу вращались мысли Ивана Петровича, когда онъ услышалъ за собою чью-то робкую и торопливую побѣжку.

Иванъ Петровичъ остановился и, досадливо поеживаясь, ждалъ, чтобы прохожій обогналъ его. Какъ это бываетъ иногда у очень нервныхъ людей, Иванъ Петровичъ не терпѣлъ чьихъ-нибудь шаговъ за спиною.

Всмотрѣлся въ прохожаго, узналъ его по тощей фигурѣ, приподнятымъ плечамъ, рыжей острой бородкѣ, по безпокойному, внятному и въ полумракѣ, блеску вспыхивающихъ и потухающихъ, усталыхъ глазъ, по утомленной улыбкѣ тонкихъ, опущенныхъ въ углахъ къ низу губъ, узналъ и удивился: это былъ еврей-портной Тейтельбаумъ, о которомъ много въ городѣ говорили въ послѣдніе два дня, и говорили такъ, что Иванъ Петровичъ никакъ не могъ ожидать встрѣчи съ нимъ на улицѣ.

— Это вы, господинъ Тейтельбаумъ? — воскликнулъ Иванъ Петровичъ.

Тейтельбаумъ, суетливо кланяясь, приподнялъ фуражку.

— Ну, это таки я, — говорилъ онъ, — и иду къ вамъ, несу заказъ. Вы себѣ думали, Иванъ Петровичъ, что вашего Сережи панталоны уже пропали, и что Тейтельбаумъ болтается на веревкѣ, а Тейтельбаумъ таки живъ, и ничего такого съ Тейтельбаумомъ не случилось.

— Пойдемте вмѣстѣ, господинъ Тейтельбаумъ, — сказалъ Иванъ Петровичъ,—я иду домой. Да скажите, что такое въ самомъ дѣлѣ было?

Тейтельбаумъ разсказывалъ:

— Вы тоже подумали, что Тейтельбаумъ—шпіонъ, что Тейтельбаума поймали? И это же мнѣ всѣ говорятъ, куда я ни приду: господинъ Тейтельбаумъ, развѣ васъ еще не повѣсили? Но скажите, пожалуйста, за что же меня вѣшать? Какой-то шарлатанъ донесъ, что ко мнѣ пришелъ подозрительный человѣкъ, и ко мнѣ пришли брать этого подозрительнаго человѣка, ну и что же, вы думаете, оказалось? Это нашъ таки еврейчикъ, раненый солдатъ. Онъ ко мнѣ пришелъ, вотъ и все.

Иванъ Петровичъ сказалъ:

— Говорили, что этотъ подозрительный человѣкъ былъ одѣтъ какъ-то странно, не то солдатъ, не то цивильный.

— Ну, такъ онъ же только что вышелъ изъ лазарета, — отвѣчалъ Тейтельбаумъ, — я же не знаю, что онъ себѣ думалъ, зачѣмъ онъ отсталъ отъ своей команды. Его взяли и отправили, куда слѣдуетъ. Скажите, пожалуйста, изъ-за чего такой скандалъ дѣлать? Самъ господинъ комендантъ сказалъ мнѣ: „Ну идите себѣ, господинъ Тейтельбаумъ, я знаю, что вы честный еврей и занимаетесь своимъ дѣломъ".

Ивану Петровичу не хотѣлось разспрашивать Тейтельбаума о подробностяхъ этой исторіи съ легкомысленнымъ солдатомъ. Онъ сказалъ:

— Вотъ и хорошо, господинъ Тейтельбаумъ, значитъ, васъ ни въ чемъ не подозрѣваютъ.

— И что вы тутъ видите хорошаго?—жалующимся голосомъ говорилъ Тейтельбаумъ. — Начальство знаетъ, въ чемъ дѣло, а въ городѣ всѣ говорятъ,—шпіона поймали, и на базарѣ говорятъ, жида пархатаго повѣсили, зачѣмъ шпіонъ. Это очень нехорошо, Иванъ Петровичъ!

— Да, это скверно,—согласился Травинъ.

Тейтельбаумъ продолжалъ:

— Ну, я таки вашъ заказъ исполнилъ. Сережи вашего панталоны починилъ. Правда, очень короткіе вышли, потому, что я низочки взялъ отрѣзалъ и положилъ заплатки гдѣ надобно, но при длинныхъ чулкахъ дома очень хорошо будетъ.

III.

Дошли до того дома, гдѣ жилъ Травинъ. Въ одномъ изъ трехъ окошекъ деревяннаго домика свѣтился огонь. Иванъ Петровичъ стукнулъ палкою въ это окно, и поднялся на крыльцо.

Скоро дверь открылась, на порогѣ стоялъ двѣнадцатилѣтній гимназистикъ въ сѣрой мягонькой одеждѣ и въ рыженькихъ мягкихъ валенкахъ. Онъ радостно и ласково улыбался отцу, но, увидавъ Тейтельбаума, вскрикнулъ отъ удивленія:

— Господинъ Тейтельбаумъ, это вы!

— Ну и кто же, какъ не я!—съ кислою улыбкою отозвался Тейтельбаумъ.— Я принесъ вамъ вашу вещь, чтобы вы ее примѣрили. И носите себѣ дома на здоровье, а Тейтельбаумъ еще долго будетъ на васъ работать.

— А у насъ въ гимназіи говорили, — началъ было Сережа.

Иванъ Петровичъ строго посмотрѣлъ на него. Мальчикъ покраснѣлъ и замолчалъ.

IV.

Иванъ Петровичъ и Сережа сидѣли въ столовой и пили чай. Былъ седьмой часъ вечера. Раздался звонокъ, потомъ второй.

— Пелагеюшка наша опять спитъ, не слышитъ, — сказалъ Сережа и побѣжалъ открывать дверь.

Черезъ минуту онъ вернулся, и вслѣдъ за нимъ въ столовую вошла пятнадцатилѣтняя красивая дѣвочка, ученица Ивана Петровича по женской гимназіи, Сарра Канцель. По ея раскраснѣвшемуся лицу было видно, что она сильно взволнована чѣмъ-то и даже испугана. И потому въ томномъ взорѣ черныхъ, большихъ глазъ и въ дрожаніи устало-алыхъ губъ особенно ярко выявлялся еврейскій скорбный обликъ. Она заговорила поспѣшно и тревожно:

— Простите, Иванъ Петровичъ, что я такъ поздно, но мнѣ очень, очень надо съ вами поговорить.

Сережа придвинулъ стулъ. Сарра сѣла и вдругъ заплакала, закрываясь руками.

— Саррочка, что съ вами? — растерянно спрашивалъ Иванъ Петровичъ.—Ахъ, Боже мой, да о чемъ вы плачете?

Онъ неловко суетился около дѣвочки, не зная, что сказать.

— Мнѣ уйти?—тихо спросилъ Сережа.

Но Сарра услышала. Вдругъ перестала плакать и сказала громко и точно со злостью:

— Нѣтъ, пусть и Сережа послушаетъ, что я буду разсказывать. Пусть онъ скажетъ мнѣ, за что, за что?

И опять заплакала горько.

— Саррочка, — говорилъ Иванъ Петровичъ, — успокойтесь, выпейте воды. Разскажите, что случилось.

Онъ ласково и неловко гладилъ по головѣ плачущую дѣвочку. Она взяла его руку, порывисто поцѣловала ее и сказала:

— Вы такой умный и добрый и все понимаете, а я не знаю сейчасъ, что я сдѣлала, поцѣловала или укусила. Я не знаю, что со мною, и за что, за что? Слушайте, я вамъ разскажу, и вы объясните мнѣ это. Мы пошли на станцію встрѣчать раненыхъ, я и Лиза Бѣляева, и Катя Нахтманъ, и еще нѣсколько нашихъ подругъ, и гимназисты были, и Сергѣй Павловичъ, и еще были люди, ужъ я не помню сейчасъ, кто еще былъ. Но это все равно. Ну вотъ слушайте, — мы знали, что въ нашъ городъ сегодня должны привезти раненыхъ въ новый баракъ, и мы приготовили имъ кофе и угощеніе. Ну вотъ раненые пріѣхали, и сначала все было хорошо, мы разливали кофе и сами разносили его, и всѣ были довольны и благодарили. Ну и вотъ я подошла къ одному солдату, я подала ему стаканъ кофе, говорю ему: „Кушайте себѣ на здоровье!“ А онъ посмотрѣлъ на меня такъ сердито, спрашиваетъ: „Ты — жидовка?“ Я ему говорю: „Да, я — еврейка, но я русская“. А онъ замахнулся и вышибъ у меня изъ рукъ стаканъ, и крикнулъ: „Жидовка проклятая!“. За что, за что?

Сарра упала головою на столъ и плакала, плакала мучительно и долго. Сережа стоялъ и слушалъ. Щеки его ярко раскраснѣлись.

— Саррочка, — говорилъ Иванъ Петровичъ, — не судите его строго; онъ раненъ, боленъ, усталъ, можетъ быть, бредитъ; кто-то насказалъ ему злыхъ словъ, и онъ повѣрилъ. Онъ бѣдный и темный человѣкъ, и самъ не знаетъ, что дѣлаетъ.

— Но за что, за что намъ это? — плача говорила Сарра.— Отчего никто за насъ не заступится? Вѣдь мы же—русскіе! У насъ нѣтъ другой родины, кромѣ Россіи! Мы родились здѣсь и выросли, мы любимъ Россію и все русское, мы учимся въ русской школѣ, читаемъ русскихъ писателей, мы во всемъ, во всемъ хотимъ быть съ вами. Полмилліона евреевъ въ русской арміи,— за что же намъ это?

Иванъ Петровичъ слушалъ Сарру, говорилъ ей какія-то блѣдныя, неумѣлыя слова утѣшенія. Голова его кружилась и болѣла. Вдругъ припомнился вчерашній кошмаръ.

Вчера онъ пришелъ изъ гимназіи очень усталый и разстроенный. Послѣ обѣда сѣлъ было просматривать тетрадки. Но такая была усталость, что, посидѣвъ съ полчаса, пошелъ въ спальню

и легъ на кровать, какъ былъ въ пиджакѣ. Даже крахмальнаго воротничка не снялъ. Покрылся халатомъ. Лежалъ на правомъ боку, лицомъ къ стѣнѣ, подложивъ руки на подушку подъ голову. Заснулъ. Черезъ часъ проснулся отъ какого-то шума въ домѣ Но встать не могъ. Лежалъ въ тяжелой дремотѣ, чувствуя, какъ обезкровленъ усталый мозгъ. Вдругъ чья-то рука просунулась изъ-за изголовья къ его лицу, мягкая, сѣрая, съ длинными пальцами. Чей-то издѣвающійся голосъ тихо говорилъ:

— Здравствуй, здравствуй!

Иванъ Петровичъ зналъ, что это кошмаръ, но не могъ пошевелиться. Ему было страшно, и казалось, что онъ грызетъ эту вражью руку. Но врагъ смѣялся и не уходилъ. Къ счастью, вошелъ Сережа, тихо сказалъ что-то,—и вражьи чары распались. Онъ всталъ съ постели и чувствовалъ, какъ холодъ входитъ въ его кости.

„Скоро я умру!"—подумалъ онъ. Но эта мысль не была ему страшна. Онъ смотрѣлъ на свѣтлую Сережину улыбку и на его сильныя, стройныя ноги и подумалъ:

„Когда мы всѣ отойдемъ, наши дѣти спасутъ Россію..."

V.

И вдругъ опять звонокъ. Сережа побѣжалъ отворять. Изъ передней послышался его крикъ, радостный, пронизанный радостными слезами:

— Мама, мамочка!

Иванъ Петровичъ поблѣднѣлъ. Сарра сказала:

— Я не во время пришла. Я уйду.

Иванъ Петровичъ улыбнулся печально и насмѣшливо:

— Останься, Саррочка. Надежда Николаевна сумѣетъ тебя утѣшить.

И пошелъ въ переднюю, встрѣчать жену. Самъ не понималъ радъ ли ей.

Сарра передъ зеркаломъ, висѣвшимъ на стѣнѣ, вытерла слезы, поправила прическу и отошла къ сторонѣ. Передъ ея глазами словно плылъ туманъ, и, какъ далекіе, звучали радостные голоса.

Молодая, смуглая, черноглазая, быстрая женщина оживленно говорила:

— Я тебѣ не успѣю надоѣсть, завтра же ѣду дальше. Ну да, можешь представить, я выдержала всѣ экзамены, какіе полагаются, и ѣду на войну сестрою милосердія. Ты мнѣ позволь

только переночевать у тебя. Ты спрашиваешь о Виталіи Андреевичѣ? Но развѣ ты не знаешь, вѣдь мы же съ нимъ разошлись. Онъ оказался такимъ черствымъ и сухимъ человѣкомъ. Вотъ-то ужъ полная противоположность тебѣ, совершенно машинная психологія, твердо вѣритъ въ свои теоріи, ходитъ въ шорахъ и всегда счастливъ, тупъ и глупъ. Ну, пои меня чаемъ. Сережка, наливай! Морозъ отчаянный, пока съ вокзала ѣхала, чуть не замерзла, вѣдь въ Питерѣ все больше шлепъ-морозы, а у васъ и южнѣе, да холоднѣе. Я вообразила, что у васъ здѣсь чуть ли не розы цвѣтутъ, поѣхала налегкѣ, въ осеннемъ. Или это только сегодня такъ холодно? Да ты не думай, что я послѣ войны тебѣ на шею сяду, слава Богу, прокормлюсь. А это что за типъ на диванѣ? Учащаяся дѣвица? Пришла побесѣдовать о Лермонтовѣ? Поди-ка сюда! Ахъ, Боже мой, да это—Сарра!

Иванъ Петровичъ и Сережа, улыбаясь, смотрѣли на говорливую гостью. Даже и Сарра улыбнулась, подходя къ Надеждѣ Николаевнѣ.

— Что, плакала? — всмотрѣвшись въ дѣвочку, спросила Надежда Николаевна. — Иванъ Петровичъ тебѣ двойку влѣпилъ, хочешь выплакать отмѣтку получше?

— Видишь, Надя, — осторожно заговорилъ Иванъ Петровичъ,—это—очень тяжелая исторія. Видишь, въ чемъ дѣло.

И онъ передалъ разсказъ Сарры. Надежда Николаевна выслушала внимательно, тряхнула головою и сказала рѣшительно:

—Стоитъ обращать вниманіе! Очевидно, больной, разстроенный человѣкъ. Вѣрьте, Саррочка, все это пройдетъ, русскій народъ разберется во всемъ этомъ. Я сама, когда уѣзжала отсюда, была въ кислыхъ и злыхъ чувствахъ. Потому и уѣхала. А какъ пожила съ этими машинно-думающими людьми, такъ вдругъ почему-то опять повѣрила въ русскаго человѣка. Вѣрь и ты, Сарра. Садись, поговоримъ по душамъ!

VI.

Часа черезъ два Иванъ Петровичъ и Сережа вышли проводить Сарру до ея дому. Сарра была уже спокойна и весела. Да и Иванъ Петровичъ, и Сережа шагали бодро и говорили весело. Неожиданная гостья сумѣла всѣхъ утѣшить и заразить своею, вдругъ опять загорѣвшеюся, вѣрою.

Ѳедоръ Сологубъ.

ВѢЧНЫЙ ЖИДЪ.

Иногда вспоминается странное и какъ бы вовсе не соотвѣтствующее тому, что переживается, что чувствуется. Переживается, несомнѣнно, высокій подъемъ, и чувствуется святая правда этого подъема, такъ своевременно освобождающаго насъ отъ темныхъ связей коснаго быта. Начинаетъ торжествовать творимая легенда. Но вспоминается порою и образъ иной легенды, давно сотворенной, и вовсе не благочестивой. Нескончаемая мука вѣчнаго странника Агасфера опять больно жалитъ сердце. И думаешь:

„Да развѣ онъ еще не успокоился?“

Легенда, сотворенная недобрыми людьми,—развѣ Христосъ не простилъ бы? Нѣтъ, только люди не прощаютъ, и скитается Агасферъ по свѣту, принимая разныя личины.

Вспоминаю одного молодого литератора. Милый человѣкъ съ благородною и кроткою душою, съ задумчивымъ мерцаніемъ глубокихъ, темныхъ глазъ. Вспоминаю, потому что давно не видѣлъ. Онъ теперь въ Берлинѣ. Лѣтъ десять тому назадъ онъ приходилъ ко мнѣ зимою нѣсколько разъ. Я зналъ, что онъ постоянно живетъ въ Германіи, пріѣзжаетъ сюда не-надолго. Должно быть, останавливается въ гостиницѣ или у друзей? Нѣтъ, оказалось, что ему нельзя останавливаться,—хотя онъ былъ русскій подданный, но у него не было права на жительство въ Петербургѣ, какъ теперь у многихъ нѣтъ права на жительство въ Петроградѣ.

Когда онъ приходилъ вечеромъ въ гости, у него было утомленное лицо. Спрашивали:

— Много работаете?

Улыбался и отвѣчалъ:

— Да, кое-что.

Уходилъ, когда всѣ уходили,—и всю ночь шелъ по улицамъ гордой сѣверной столицы. Нельзя было даже сѣсть на скамейку

гдѣ-нибудь на бульварѣ, чтобы не привлечь вниманія блюстителя порядка. Всю ночь надобно было итти изъ улицы въ улицу, впередъ, направо, налѣво, никогда не поворачивая назадъ, никогда не проходя дважды по той же улицѣ. Великолѣпные просторы града Петрова развертывались величественно передъ глазами утомленнаго странника, и шаги его гулко отдавались въ предутренней тишинѣ.

Онъ былъ россійскій подданный; живя за границею родной земли, онъ гордился славнымъ именемъ русскаго; онъ увѣренно зналъ, что его правовые и имущественные интересы будутъ въ случаѣ надобности бдительно и твердо ограждены столь внимательными къ зарубежнымъ россіянамъ любезными нашими дипломатами и консулами, и что интересы эти покровительствуются не только мѣстною доброжелательностью, но и всею мощью, всѣмъ достоинствомъ великаго государства (насколько міръ должнаго совпадаетъ съ міромъ бываемаго).

А вотъ у себя на родинѣ, въ столичномъ городѣ своей страны этотъ гордый за границею гражданинъ трепеталъ передъ всякимъ полицейскимъ,—и долгія ночи онъ шелъ по улицамъ прекраснаго и печальнаго города. Звуку его шаговъ отвѣчало каменное равнодушіе плитъ и булыжниковъ.

Можетъ-быть, для чего-нибудь это было нужно? Можетъ-быть, если бы этотъ добрый и кроткій человѣкъ провелъ ночь подъ кровомъ людского жилья, произошелъ бы нѣкоторый ущербъ чьимъ-нибудь интересамъ, и кто-нибудь сталъ бы жертвою еврейскаго засилія?

Не знаю, но думаю, что самый существенный, хотя и не матеріальный, интересъ русскаго государства жестоко былъ нарушенъ этими скитаніями россійскаго подданнаго по улицамъ россійской столицы, — интересъ русскаго достоинства, доброе имя россіянина.

Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ апостолъ Павелъ гордился званіемъ римскаго гражданина, и это званіе иногда выручало его изъ лишнихъ бѣдъ. Двѣ тысячи лѣтъ все еще не достаточны для того, чтобы права человѣка уважались на землѣ повсюду; но все-таки достоинство россійскаго подданнаго должно быть уважаемо и въ Россіи, и за границами ея.

Өедоръ Сологубъ.

ДВА ЕСТЕСТВА.

(Разсказъ).

Въ лазаретѣ снова запахло овчиной и сапогами—это, значитъ, привезли новыхъ раненыхъ.

Анна Павловна, главная патронесса (кромѣ главной, было еще тридцать семь второстепенныхъ), сидѣла на табуреткѣ около операціонной и кричала въ телефонную трубку:

— Марья Петровна! Вене витъ, поскорѣе! Ну, завонъ де раненые. А кромѣ того, надо посовѣтоваться. Есть одна большая пріятность и одна большая непріятность. Словомъ, вене поскорѣе!

Анна Павловна волновалась. Подведенныя спичкой брови сдвинулись трагическими запятыми подъ взбитой чолкой. И корсетъ скрипѣлъ отъ тяжелыхъ вздоховъ.

Анна Павловна старалась взять се́бя въ руки и не думать о непріятности, которая, въ концѣ-концовъ, какъ-нибудь да уладится же. Но было тяжело.

Подозвала секретаря.

— Слушайте, Павелъ Ильичъ. Какъ же это такъ? Вы знаете, что случилось? У насъ еврей...

— Что?

— Еврей, вотъ что. Среди новыхъ раненыхъ попался еврей. Нечего сказать, удружили на пунктѣ.

— Да чего же вы такъ волнуетесь, я не понимаю?

— То-есть какъ такъ, чего волнуюсь? Теперь позвольте мнѣ сказать, что я васъ не понимаю.

Секретарь посмотрѣлъ на раскраснѣвшіяся щеки, на трагическія запятыя, и въ глазахъ у него мелькнуло что-то. Онъ перемѣнилъ тонъ.

— Ну, само собою разумѣется... это очень неудобно, особенно въ нашемъ лазаретѣ, гдѣ всѣ вообще...

— Завтра обѣщала заѣхать сама Анна Августовна, и вдругъ сюрпризецъ!

— Ну, Богъ милостивъ, какъ-нибудь обойдется. Зато я слышалъ, что намъ прислали Георгіевскаго кавалера?

Анна Павловна размякла.

— Да, дорогой мой! Представьте себѣ! Прямо хочу поѣхать сама поблагодарить полковника. Это ужъ его исключительная любезность къ нашему лазарету. Нужно будетъ этого самаго кавалера какъ-нибудь на виду положить, чтобъ сразу видно было, если кто посѣтитъ.

— Въ первую палату, около дверей.

— Только распорядитесь, чтобъ тамъ лампочку привернули.

— Сейчасъ, сейчасъ все устроимъ.

Пришла Марья Петровна. Изобразила всѣмъ своимъ лицомъ удивленнаго жирафа негодованіе при извѣстіи объ евреѣ.

— Сетафре! Это чей-нибудь подвохъ.

И обнаружила радостью длинные желтые зубы, узнавъ о Георгіевскомъ кавалерѣ.

— Мы потомъ съ нимъ всѣ вмѣстѣ снимемся.

Анна Павловна скрипѣла корсетомъ тихо и благостно.

Изъ перевязочной повели раненыхъ.

— Который тутъ Георгіевскій кавалеръ?

— Вотъ этотъ черненькій,—отвѣчала сестра милосердія.

Георгіевскій кавалеръ былъ маленькій, съ изможденнымъ бритымъ лицомъ и шелъ не самъ, а тащилъ его на спинѣ дюжій санитаръ.

— Это что же съ нимъ?

— Ступня ампутирована.

— Ай бѣдняга, бѣдняга!

Анна Павловна засуетилась, повернулась нѣсколько разъ на собственной оси и побѣжала вмѣстѣ съ Марьей Петровной устраивать кавалера.

— Тутъ тебѣ, голубчикъ, удобно?

— Спасибо!—тускло отвѣчалъ кавалеръ.

— Видишь, у тебя тутъ и лампочка, и столикъ, и все. Ты куришь? Марья Петровна, шери, апорте ему папиросъ. Нужно будетъ достать для него матрацъ шире, чтобъ ему было удобнѣе. Бѣдненькій, ступня ампутирована.

Стали разспрашивать, какъ онъ получилъ Георгія.

Кавалеръ разсказывалъ вяло, просто. И все въ его разсказѣ казалось простымъ и обыкновеннымъ.

Ранили командира. Онъ взвалилъ его себѣ на спину и понесъ. Вынесъ подъ огнемъ въ безопасное мѣсто. По дорогѣ

самъ былъ раненъ въ ногу. Не очень больно было, и онъ все шелъ. Донесъ командира и самъ упалъ. Только не больно было, отчего-то ослабѣлъ.

А потомъ нога разболѣлась, въ Варшавѣ ее и отрѣзали. А теперь ужъ ничего.

— Вотъ истинный героизмъ, — прочувствованно затрясла Марья Петровна своей жирафьей головой. Онъ даже самъ не понимаетъ своей заслуги.

— Да,—усиленно вздыхала Анна Павловна.—Это по Евангельски--не вѣдаетъ бо, что творитъ. Удивительное величіе русской души! Ты у насъ, голубчикъ, скоро поправишься. Откормимъ тебя на убой.

— На убо-ой?—печально протянулъ кавалеръ.

— Ну да, ну да! Какъ слѣдуетъ поправимъ. Иль не компранъ па. Онъ, очевидно, южанинъ.

— Навѣрное. И говоритъ съ хохлацкимъ акцентомъ. Ты, солдатикъ, какой губерніи?

— А Могилевской.

— Какъ тебя зовутъ?

— Іосель Шниперъ.

— Что?

— Что-о?

— Онъ не такъ выговариваетъ. Покажите, ради Бога, скорѣе его листокъ.

Анна Павловна держала листокъ и читала свистящимъ шопотомъ:

— Іосель Шниперъ... Іосель... вѣроисповѣд... іудейскаго. Господа, что же это? Что за ерунда? Какъ вы смѣли сюда Шнипера положить? Кто распорядился?

— Какъ кто? Да вы же сами.

— Я? Вы съ ума сошли! Я сказала Георгіевскаго кавалера, а вы...

— Такъ онъ же и есть Георгіевскій кавалеръ! — испуганно лепеталъ санитаръ.

— Онъ? Шниперъ?

Анна Павловна безпомощно развела руками и вытерла вспотѣвшій лобъ.

— Ну это мы тамъ, потомъ разберемъ. Намъ тоже симулянтовъ не надо.

Она съ большимъ достоинствомъ вышла изъ палаты и даже хлопнула дверью.

Но на душѣ у нея не было спокойно. И какъ она „потомъ разберетъ“, она совсѣмъ себѣ не представляла.

— Докторъ!—ухватилась она за проходившаго мимо врача.— Докторъ! Скажите откровенно, вѣдь этотъ еврей, навѣрное, симулируетъ. Неправда ли?

— Да что же тутъ симулировать-то? — нѣсколько опѣшилъ докторъ.—Вѣдь нога-то у него ампутирована.

— Ну, да. Вотъ эту самую ногу-то, можетъ быть, онъ все-таки какъ-нибудь симулируетъ?

Анна Павловна молитвенно сложила руки и смотрѣла на доктора такъ жалобно, съ такимъ упованіемъ и мольбой, что тотъ окончательно растерялся.

— Простите меня, Анна Павловна, но я совсѣмъ ничего не понимаю. Вы же сами такъ радовались, что у васъ Георгіевскій кавалеръ.

— Какъ это все ужасно! Докторъ, милый, какъ это ужасно! Вы поймите! Вѣдь у этого солдата два естества. Вы поймите! Мы дали папиросъ Георгіевскому кавалеру, а куритъ ихъ еврей! Мы поставили почетную кровать для Георгіевскаго кавалера, а на ней развалился еврей! Вѣдь это же... вѣдь это же се конъ апаль засиме!... И за мою же доброту судьба меня же и наказываетъ!

Она опустилась на стулъ, закрыла лицо руками и жалобно заскрипѣла корсетомъ.

Докторъ хотѣлъ что-то сказать, подумалъ, вздохнулъ и тихо вышелъ.

Что тутъ скажешь, разъ судьба такъ явно несправедлива къ человѣку?

Тэффи.

СМЕРТЬ РАВВИНА.

(Изъ событій на западномъ театрѣ войны).

На полѣ бывшей грозной битвы
Забытымъ раненый лежалъ,
Онъ про себя шепталъ молитвы
И часа смерти ожидалъ.
Обратно шелъ отрядъ разбитый,
Его спѣшилъ раввинъ догнать,
Признавъ въ немъ пастора, забытый
Просилъ дать крестъ поцѣловать.
Тогда раввинъ засуетился
И, поспѣшивъ въ сосѣдній домъ,
Вновь къ раненому возвратился
Съ улыбкой бодрой и крестомъ.
„Забудь, сказалъ онъ, братъ, про битву,
Крестъ поднося къ его губамъ,
„Твори смиренную молитву
„И внемли истины словамъ:
„Предъ вѣчнымъ Богомъ тотъ отвѣтитъ,
„Кто побудилъ людей лить кровь,
„Надъ пострадавшими же свѣтитъ
„Господня милость и любовь“.
И потекли отъ словъ раввина
Изъ глазъ больного капли слезъ...
Раввинъ, чела христіанина
Слегка коснувшись, произнесъ:
„Страдальцу за страну родную,
„Мой Боже, къ небу путь открой,
„Всели Ты въ грудь его больную
„И примиренье, и покой“.
Внезапно залпъ раздался новый,
Закончилъ жизнь христіанинъ,
И палъ, пріявъ вѣнецъ терновый,
О немъ молившійся раввинъ.

Тихобережскій.

АННА ЗИСЕРМАНЪ.

(Очеркъ).

На подоконникѣ стояла герань. Анна вернулась къ окну и опять сѣла, облокотясь; между юбкой и черной кофточкой ея выдернулась рубашка; прямые волосы опустились, заслонили худощавое, блѣдное лицо.

— Не смотри въ окно, ты меня раздражаешь, наконецъ! — проговорилъ изъ глубины комнаты дребезжащій голосъ.

Анна приподняла и опустила плечи, глядя сквозь герань на круглую площадь, гдѣ гніющій и недавній снѣгъ исчертили двѣ полосы отъ проѣхавшей телѣги. Падали рѣдкія, мокрыя мухи снѣга. Небо, площадь, уши были полны мощнаго, злого гула, похожаго на громъ: на сѣверѣ, за холмами, нѣмцы и русскіе третью недѣлю, день и ночь, стрѣляли другъ въ друга изъ пушекъ.

— Ну, что ты тамъ видишь? Все одно и то же. Ахъ, какъ ты раздражаешь меня, — продолжалъ голосъ.

Вокругъ площади были открыты двери узенькихъ лавокъ въ нихъ стояли старый Вейсманъ, и Кацъ, и Цукеръ, и еще кто-то, — издали трудно разобрать; всѣ они, конечно, знали другъ-друга, и, глядя на небо, точно осѣвшее на низенькіе домики, бормотали, навѣрное: „Богъ мой, Богъ мой, когда же этому конецъ?"

— Если перестануть стрѣлять—я свалюсь и засну,— сказала Анна; она все же повернулась въ глубину узкой комнаты. У стѣны стояла постель брата Михаила; онъ же сидѣлъ въ креслѣ на колесикахъ; больныя ноги были покрыты стеганымъ одѣяломъ. Анна посмотрѣла на его лицо, бритое, желтое, съ глубокими морщинами у рта, широкое во лбу. Волосы отъ постояннаго лежанія торчали клоками; наконецъ, она добралась и до его глазъ. Онъ глядѣлъ на нее, не мигая, точно съ ненавистью.

— Теперь не раздражаю? — спросила Анна.

Онъ быстро пошевелился.

— Я не хочу жить, какъ подпольная крыса. Единственно, чего я не хочу... Во мнѣ тоже — Богъ! Я — не крыса!

Онъ такъ разсердился, что плюнулъ, вытащилъ изъ-за спины платокъ и вытеръ одѣяло. Анна проговорила кротко:

— И я сижу въ этомъ подвалѣ, и мнѣ некуда дѣться. Но я же не плюю себѣ на колѣни. Кончится война, откроютъ границу — уѣдемъ.

— Никуда не уѣду, такъ и знай! — закричалъ онъ; затѣмъ покусалъ губы. — Я долженъ выяснить, — имѣю ли право вообще быть? Или меня только переносятъ? Я не хочу, чтобы меня терпѣли, — онъ кивнулъ на особенно гулкій, долетѣвшій грохотъ двойнаго выстрѣла, — это они выясняютъ каждый свое мѣсто на свѣтѣ. А я опять непричемъ. Въ воздухѣ! Не существую...

— Милый братикъ, — сказала Анна. — Я бы съ удовольствіемъ пожертвовала своей жизнью, только бы тебѣ стало легче...

— А что ты еще пищишь! Заколотили пушками въ эту дыру, сиди, гляди, какъ валится снѣгъ! Твои подвиги никому не нужны. Пожалуйста, повернись къ окошку.

Анна вздохнула, опять облокотилась на подоконникъ, раздвинула листики герани; долгое время братъ и сестра молчали. Громыхали и ухали пушки за холмами, отъ нихъ дрожали стекла; надъ мѣстечкомъ пролетѣлъ, должно-быть, воздушный корабль. Анна видѣла, какъ нѣсколько жителей подняли головы. Вдругъ изъ-за угла облупленной лавки выскочилъ всадникъ, за нимъ — другой. Они остановились посреди площади, оглядываясь, держа карабины поперекъ сѣдла; оба — въ сѣрыхъ шинеляхъ, съ широкими перевязями черезъ плечо, въ черныхъ съ золотомъ каскахъ. Анна быстро встала и вскрикнула: „Смотри, опять германцы!"

Окрестные холмы были такъ расположены, что мѣстечко Духовку можно было легко и губительно обстрѣлять, если бы ее заняли войска той или другой стороны. Поэтому сюда заѣзжали только разъѣзды. Жителей они не трогали, но и не позволяли шататься по полямъ. Нельзя было подвезти ни мяса, ни хлѣба. Зажиточные бѣжали отсюда еще въ прошломъ мѣсяцѣ, а тѣ, кто остались, бродили, какъ мухи, по пустымъ лавкамъ.

Абрамъ Зисерманъ считался въ мѣстечкѣ богачемъ. У него были мельница на холмѣ и кожевенный заводъ, теперь сожженный. Зисерманъ былъ скупъ; жилъ, ѣлъ и одѣвался, какъ всѣ евреи, имѣлъ, говорятъ, въ Берлинскомъ банкѣ деньги и только на дѣтей своихъ Анну и Михаила не жалѣлъ ничего... „Я уже

засохъ, какъ старый пень", — говорилъ про себя Абрамъ Зисерманъ. — „Если я имѣю каждое утро свой кусочекъ хлѣба съ масломъ, мнѣ больше ничего не надо, но мои дѣти должны вполнѣ знать, что такое культура, — я такъ хочу".

Дѣти учились въ Мюнхенѣ. Когда началась война, пришлось оттуда бѣжать, и въ серединѣ сентября оба неожиданно появились въ Духовкѣ, измученные, потрясенные, едва живые. Зисерманъ пришелъ въ ужасъ; ему казалось, что Анна и особенно Михаилъ будутъ оскорблены его убожествомъ и нищетой всѣхъ этихъ Кацовъ и Цукеровъ. Онъ забылъ, что не такъ еще давно дѣти бѣгали босикомъ по грязной площади.

Когда начались бѣдствія войны, Михаилъ потребовалъ отъ отца денегъ и роздалъ сосѣдямъ. Онъ обругалъ отца жидомъ за его протесты и раздавалъ деньги и хлѣбъ не отъ жалости, не отъ любви, а отъ злости. Онъ ненавидѣлъ этихъ грязныхъ евреевъ и мучился, глядя на ихъ подобострастіе. Когда сошлись близъ Духовки войска двухъ армій, и Зисерманъ хотѣлъ бѣжать, Михаилъ запретилъ ему это. Зисерманъ покричалъ, выдралъ себѣ немножко волосъ и согласился остаться на мѣстѣ. Анна не вступалась ни во что; она не отходила отъ брата, слабаго ногами, внимала его словамъ, во всемъ соглашалась, а онъ словно черпалъ силу въ ея молчаніи и кротости.

Сейчасъ старый Зисерманъ стоялъ на порогѣ своей лавки, открытой исключительно отъ скуки, и почесывалъ бороду. Когда появились два улана на площади, онъ пересталъ чесать бороду, втянулъ голову, хотѣлъ осторожно войти въ лавку и затвориться. Уланы же, кивнувъ ему, рысью подъѣхали; младшій изъ нихъ съ нашивкой на рукавѣ, соскочилъ съ лошади, отдалъ поводъ товарищу, и, тряхнувъ плечами, вошелъ въ лавку. Зисерманъ принялся кланяться, показывать на жалкій товаръ свой, — граммофонъ, кучку гнилыхъ яблоковъ, альбомы для открытокъ. Уланъ похлопалъ его по спинѣ и заговорилъ по-нѣмецки:

— Вы — мельникъ, Зисерманъ? Вы — умный человѣкъ, не правда ли? Вамъ не нужно объяснять, кто ваши друзья! У меня въ карманѣ — секретное предписаніе; можно хорошо заработать, мы платимъ русскимъ золотомъ. Но помните... — при этомъ онъ всталъ, густо звеня шпорами, подошелъ въ тяжелыхъ сапогахъ своихъ вплотную, и Зисерманъ увидѣлъ крѣпкое, бритое лицо, усы, пахнущіе сигарой, и рыжеватые глаза, ясные и совершенно увѣренные.

— Я уже — нейтралитетъ, — сказалъ Зисерманъ, точно по

высшему чутью прикидываясь юродивымъ.— Что я такое—бѣдный еврей, больше ничего.

Свѣтлыя брови великолѣпнаго улана стали опускаться, ротъ сжался.

— Перестать! — крикнулъ онъ. — Слушать, что я говорю!

Зисерманъ даже присѣлъ, закативъ бѣлые глаза; уланъ поднялъ палецъ и объяснилъ:

— Мнѣ нужна ваша мельница и ваши услуги. Вы станете работать для императора, для германской арміи. Это — честь для васъ, чортъ возьми!

— Императоръ мнѣ дѣлаетъ честь? Но я даже торговать хорошо не умѣю; посмотрите на этотъ граммофонъ...

Уланъ быстро открылъ ротъ, точно намѣреваясь слопать Зисермана, и крикнулъ:

— Довольно! Ведите меня на мельницу.

Анна сидѣла на скамеечкѣ у ногъ брата, сжимая его руку; оба они слушали, повернувшись къ дверцѣ въ лавку.

— Я тебѣ говорю, кривляньемъ и шутовствомъ не поможешь, — прошепталъ Михаилъ. — Отецъ долженъ прямо отказаться.

— Я пойду, сама, поговорю! — отвѣтила Анна. — Я скажу *ему*, кто мы. *Онъ*, навѣрное, плохо думаетъ о насъ. Пусти руку!

Дверь отворилась, пятясь и кланяясь въ сторону лавки, задомъ вошелъ Зисерманъ; пока онъ повертывался и притворялъ дверь, на его лицѣ оставалась идіотская улыбка. Затѣмъ онъ схватился за голову и закачался со стономъ.

— Дайте мнѣ шарфъ, дѣти, — сказалъ онъ.

Михаилъ приподнялся и зашипѣлъ:

— Ты сошелъ съ ума! Ты не смѣешь ходить на мельницу! Подкати меня къ двери, я ему крикну, я ему плюну въ глаза! Понимаешь, мы не крысы, мы такъ же, какъ и всѣ.

Махая руками, оглядываясь на дверь, Зисерманъ сталъ объяснять, что онъ только проведетъ офицера на мельницу, что не сдѣлать этого не можетъ, потому что тотъ уже вертѣлъ у него передъ бородой револьверомъ. А, проведя, можно улучить время, по оврагу пробраться до нашихъ передовыхъ охраненій, сказать, что на мельницѣ — германскій наблюдатель. Уланъ объяснилъ, что Зисерману нужно сидѣть на вышкѣ и глядѣть въ бинокль, куда падаютъ нѣмецкіе снаряды; когда попадутъ въ батарею или въ окопъ, нужно сейчасъ же крутить мельничныя крылья. Мельницей этой не пользовались до сихъ поръ потому, что русскія

линія были слишкомъ далеко. Вчера же онѣ значительно придвинулись.

Онъ не успѣлъ окончить, — въ дверь крѣпко постучали. Зисерманъ выскочилъ; черезъ минуту Анна увидѣла, какъ онъ прошелъ мимо окна, скользя по снѣгу, впереди конныхъ уланъ. Разведя руки, прищелкивая пальцами, онъ присѣдалъ на ходу, точно утка; длинный лапсердакъ ударялъ его по толстымъ штанамъ, изъ-подъ нихъ были выпущены бѣлые подштаники. Отецъ и уланы скрылись за угломъ. Анна заплакала:

— Онъ такъ смѣшно ходитъ, — сказала она, — я не могу.

Братъ закрылъ глаза и ушелъ въ кресло; помолчавъ, онъ спросилъ:

— Ты не безпокоишься за отца?

— Мнѣ жалко его. А что?

— Такъ. Я въ немъ совершенно увѣренъ.

Сморкаясь и вытирая платкомъ глаза и ротъ, Анна сказала:

— Михаилъ, ты все-таки жестокій. Ты радъ всему этому. Было бы лучше, если бы кто-нибудь другой пошелъ, а не отецъ.

— Нѣтъ, именно онъ. Если даже что съ нимъ и случится, — будетъ лучше, чѣмъ жить, какъ сейчасъ. Унизительно, когда твоя жизнь не нужна никому.

Въ комнатѣ стало совсѣмъ темно. Пушки затихали, и даже слышны стали одинокіе, рѣдкіе голоса проходящихъ черезъ площадь евреевъ. Анна отодвинула отъ стѣны столъ, покрыла его скатертью, поставила тарелки и принесла изъ кухни скудную ѣду. Отецъ не возвращался. По молчаливому согласію, не говорили о немъ. Ужинъ ѣли, не зажигая огня; Михаилъ громко жевалъ, — Анна рада была слушать это чавканье, — оно дѣлало брата земнымъ, простымъ, жалкимъ, наполняло комнату уютомъ, заставляло забыть недавній грохотъ, будто все было, какъ въ дѣтствѣ, когда за столомъ у Зисермана обѣдали рабочіе. Но все же при каждомъ шорохѣ, шлепаньѣ шаговъ за окномъ Анна быстро вставала, распахивала дверь, шептала въ темноту: „Отецъ, ты вернулся?“. Въ ней все напрягалось, она соображала, что ему добѣжать отъ мельницы до окоповъ и вернуться нужно не болѣе двухъ часовъ. Но прошло уже три часа и четыре, — кукушка въ лавкѣ прокуковала полночь.

— Съ фатеромъ дѣло не ладно, — проговорилъ Михаилъ очень тихо.

Анна вскочила, нашла въ темнотѣ его плечи, наклонилась къ лицу, чтобы увидѣть глаза. Онъ ихъ закрылъ.

— Можетъ быть, его задержали?

— Можетъ быть.

— Послушай, Михаилъ, мнѣ все представляется, какъ онъ присѣдаетъ, — ему страшно.

— Молчи, — отвѣтилъ Михаилъ. — Подождемъ до разсвѣта.

Кукушка куковала полчаса и слѣдующій часъ, и каждый разъ Анна раскачивалась: такая на нее находила тоска; казалось, тоска ея — дикая, собачья; хотѣлось выйти въ поле, сѣсть у столба на перекресткѣ дорогъ, сунутъ голову въ колѣни, — пусть мочитъ дождь, рветъ волосы вѣтеръ; тамъ, на дорогѣ, во что-нибудь и разрѣшится этотъ мракъ.

Михаилъ попросилъ зажечь огарокъ, устроилъ на колѣняхъ отцовскую библію, принялся ее перелистывать, про себя, затѣмъ прочелъ вслухъ мѣста изъ книги Царствъ. Анна плохо понимала, едва слушала; когда же онъ потребовалъ вниманія, она крикнула со злобой:

— Чего читать, когда ты все равно не вѣришь!

Она легла на постель, закрылась съ головой, стала вспоминать что-нибудь жалобное, чтобы заплакать, но глаза ея оставались сухи.

На разсвѣтѣ выстрѣлила первая пушка за холмами; далеко и гулко донесся ея грохотъ. Анна соскочила съ постели, еще въ забытьѣ стала поправлять волосы, накинула изящную, шитую еще въ Мюнхенѣ шубку.

— Пожалуйста, пододвинь мнѣ костыли поближе, на случай, — съ трудомъ, но все же твердо проговорилъ Михаилъ, ступай! —

Она выбѣжала на улицу.

Профили домовъ едва были видны, все попрежнему падалъ снѣгъ; подъ ногами похрустывали корочки льда. Покуда Анна взобралась на пригорокъ, стало свѣтлѣе; на снѣжномъ холмѣ чернѣлъ конусъ и крылья мельницы.

Съ надрывающимъ шорохомъ, иногда со свистомъ далеко гдѣ-то уже понеслись снаряды. Внезапно крылья мельницы завертѣлись и стали.

— Отецъ? — легонько вскрикнула Анна; оглянулась внизъ, на черепичныя крыши мѣстечка. — Ахъ, только бы не узналъ Михаилъ, — и побѣжала въ гору къ мельницѣ.

Зисерманъ сидѣлъ съ подогнутыми подъ себя ногами, прямо на снѣгу, прислонясь спиной къ закрытой половинѣ широкой мельничной двери; штаны на колѣнкахъ изодраны; раскинутыя руки сжимали по комку снѣга; на открытой сѣдой груди три

полосы, точно проведенныхъ ногтями... Все медленнѣе подходя, Анна поглядѣла въ лицо ему. Широкая полусѣдая борода перехвачена у подбородка, раскрытые глаза мутны и такіе свѣтлые, какихъ она никогда не видала.

— Отецъ, ты зачѣмъ такъ, послушай, — едва выговорила Анна, и еще замѣтила сбоку, на грязной его, морщинистой шеѣ, узелъ бечевочки.

— Такъ онъ же мертвый,—всплеснувъ руками, прошептала она.

Изнутри мельницы послышался повелительный голосъ: „Пускай въ ходъ!“. Весь остовъ мельницы вздрогнулъ, и, скрипя и треща, повернулись крылья. Анна схватилась за шею и побѣжала внизъ.

Она сбѣжала до скрещенія изъѣзженныхъ дорогъ; туфелька на высокомъ каблукѣ подвернулась на льду, и Анна шибко упала на колѣни и руки.

— Какъ больно! — закричала она и, поджавъ ноги, перегнувшись лицомъ до колѣнъ, вдругъ заплакала, вскрикивая:

— Стараго задушили!

Ей не хотѣлось ни вставать, ни бѣжать къ брату. Слезами и криками словно выходила обезсиливавшая ее тоска. Анна стала слышать свой голосъ, — скорбный, дикій; такъ кричатъ простыя женщины на похоронахъ.

— Отомщу,—проговорила она, и сейчасъ же высохли ея глаза. Она встала, облизнула губы, сообразила, что если бѣжать до русскихъ окоповъ, германцы могутъ въ это время уйти: она же не знаетъ, какъ долго имъ надо сидѣть на мельницѣ. Нужно вернуться и запереть дверь на засовъ. Все, чтó она сдѣлаетъ, одобритъ Михаилъ; ей не нужно совѣтоваться. На мгновеніе она отчетливо увидѣла лицо брата, кивнула невидимому этому гнѣвному лицу и повернула къ мельницѣ.

Крылья вертѣлись, и за трескомъ вала и шумомъ шестерней не было слышно, какъ Анна закрывала широкія ворота. Ей пришлось принять съ земли откинутую руку Зисермана; рука была мерзлая, Анна съ трудомъ придвинула ее къ туловищу и застонала отъ боли, когда что-то хрустнуло у отца; затѣмъ она подняла дубовый засовъ и вложила его въ скобы.

— Теперь бѣжать, только бы не замѣтили, — подумала она и на минуту прилегла къ отцу, прижалась щекой къ его бородѣ, зажмурясь, чтобы не видѣть темнаго искаженнаго лица и, главное — веревочки. А когда поднялась, гнѣвъ подкатился уже къ

горлу. Она поняла, что мало убить, —нужно проклясть. Она поднялась и закричала:

— Я проклинаю, убійцы! Будьте прокляты!

Наверху изъ низкаго мельничнаго окошка высунулась голова, усатая, веселая, красная. Разинувъ ротъ, она закричала что-то и засмѣялась. Затѣмъ сбоку ея появилась рука и стала подманивать Анну пальцемъ.

Анна вся затряслась; голосъ ея сорвался, она повернулась и побѣжала къ оврагу; на самомъ обрывѣ услыхала выстрѣлы за спиной; точно кто-то пальцемъ съ острымъ ноготкомъ ткнулъ ее въ спину, и днище оврага, глиняное и снѣговое, кинулось ей навстрѣчу.

Анна очнулась на снѣгу; ей было такъ слабо и зябко, что хотѣлось хныкать; она потерлась лицомъ о шершавый снѣгъ, чтобы освободиться отъ липкаго пота, и тогда только подумала, чтó случилось.

Она попробовала ползти; понемногу силы вернулись. Тогда она встала и пошла, пошатываясь, вдоль оврага. Мельница была позади, недалеко, но невидима за кручей. Оттуда стрѣляли, затѣмъ послышались тяжелые удары, должно-быть, ломились въ дверь. Анна побѣжала. Красные овалы заливали ей глаза. Овалы эти были красные, точно огненные: она не могла понять, что это значитъ, чувствовала головокруженіе и опять принималась бѣжать. Ее гнала одна мысль: не упасть, успѣть добѣжать. Внезапно два всплывшихъ передъ глазами овала увеличились, соединились, разлились, зыбкіе, какъ огонь.

— Боже мой, пламя, свѣтъ, какая радость! — прошептала она, и сейчасъ же, точно руки приподняли ее, понесли въ этомъ огнѣ; отъ него можно было задохнуться, такая настала радость и безсиліе, и покорность.

Глядя изъ окоповъ въ бинокль, унтеръ-офицеръ Хрѣновъ увидѣлъ бабу; по одеждѣ — точно барыня, а бѣжала простоволосая, ковыляла по снѣгу. Вдругъ она останавилась, взмахнула руками, подняла голову, вытянулась.

— Видишь ты, летѣть собралась, — сказалъ Хрѣновъ и доложилъ. — Ваше благородіе, въ оврагѣ — баба. — Когда же опять посмотрѣлъ, она уже лежала ничкомъ на снѣгу. Отрядили двухъ рядовыхъ. Они нашли Анну еще живой. Положили на шинель и понесли въ окопы. Раненая въ спину, она лежала, закрывъ глаза, не шевелясь.

— Ахъ, сволочи, какую дѣвку зашибли! — сказалъ Хрѣновъ.

— Народъ, — кричали солдаты по ротѣ, — у кого чай горячій? Давай сюда.—Прибѣжалъ бородатый солдатъ съ чайникомъ: увидѣлъ Анну, шмыгнулъ носомъ. Подошелъ офицеръ; ему было неловко, онъ хмурился, затѣмъ присѣлъ и сталъ гладить дѣвушку по головѣ, ворча: „Ну-ну, барышня, что это вы такъ"... Лицо у нея было блѣдное и дѣтское, точно во снѣ ее погладили и успокоили. Выдѣлялись темныя рѣсницы и высокія брови.

— Жидовочка! Царствіе ей небесное! — сказалъ вдругъ бородатый солдатъ, локтемъ отодвинувъ офицера, и прикрылъ Анну шинелью.

Хрѣновъ, принявшійся опять смотрѣть въ бинокль, весело крикнулъ:—Ваше благородіе, на мельницѣ-то — германцы; это не иначе они барышню порѣшили. А что, по телефону сказать на нашу батарею?

Черезъ четверть часа съ холмовъ по мельницѣ ударилъ первый снарядъ.

Гр. Алексѣй Н. Толстой.

ПО ПОВОДУ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНІЯ ЕВРЕЕВЪ.

„Во всемъ какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними“ (Ев. отъ Матѳ. гл. 8, ст. 12), вотъ божественный законъ, обязательный къ исполненію для каждаго, считающаго себя, а тѣмъ болѣе сознающаго себя христіаниномъ, а также для всего христіанскаго общества. Но согласился ли бы кто-либо изъ россійскихъ гражданъ-христіанъ, чтобы съ нимъ поступали такъ, какъ поступали въ Россіи съ евреями? согласился ли бы онъ, чтобы ему запретили выѣзжать за извѣстную черту осѣдлости? мѣшали бы его дѣтямъ всѣми средствами поступить въ школу, получить образованіе? закрыли бы доступъ на государственную службу, затруднили бы до крайнихъ предѣловъ участіе въ общественной? старались бы на каждомъ шагу съ дѣтскаго возраста и до самой смерти унизить предъ лицомъ всѣхъ согражданъ другихъ вѣроисповѣданій или другого происхожденія?.

Вы презираете ихъ, ненавидите ихъ, обвиняете во всемъ, въ чемъ угодно заподозрить ихъ первому попавшемуся маніаку или лгуну, и требуете, чтобы они любили васъ, уважали васъ, помогали, когда вамъ это нужно. Вы кому-то или чему-то служите, господа ненавистники евреевъ, только не Богу, не добру. Вы вредите въ вашемъ ослѣпленіи прежде всего самимъ себѣ и нашему отечеству, дорогой и многострадальной Россіи, которую любятъ и не могутъ не любить, не менѣе васъ, ваши сограждане-евреи: они знаютъ, что Россія никого не ненавидитъ изъ своихъ вѣрныхъ и любящихъ сыновъ, а дѣлаютъ это только нѣкоторые люди, которымъ по ихъ природѣ или вслѣдствіе дурного воспитанія нужно кого-нибудь или что-нибудь ненавидѣть. По дѣламъ ихъ познаете ихъ, этихъ волковъ въ овечьей шкурѣ.

Боритесь со зломъ, съ дурными людьми, но поддерживайте

добро и хорошихъ людей, творите сами всѣмъ добро и не судите человѣка по его случайному происхожденію, потому что онъ отъ еврейскихъ или христіанскихъ родителей, что онъ исповѣдуетъ ту или иную вѣру. Помните, что всѣ люди родятся одинаково нагими и что всѣ должны умереть, и поэтому не кичитесь другъ передъ другомъ происхожденіемъ, а твердо помните, что всѣ равны передъ Богомъ, передъ Истиною и должны быть равны передъ справедливымъ Закономъ.

Неравноправность не совершившихъ никакого преступленія гражданъ одного государства теоретически недопустима, а на практикѣ всегда давала, даетъ и будетъ давать злые плоды, послѣдствія, пагубныя для государства и для общества, такъ какъ самое существованіе такой несправедливости развращаетъ его, можетъ повести къ гибели... Это настолько вѣрно, что никакія соображенія о пользѣ или выгодѣ для отдѣльныхъ лицъ или категорій гражданъ, вытекающія изъ безправія однихъ по отношенію къ другимъ, не могутъ оправдать существованія умаленія человѣческихъ правъ кого бы то ни было, особенно за то, что онъ родился отъ тѣхъ или иныхъ родителей, въ той или другой средѣ. Это азбука справедливости, и не признающіе ея пусть знаютъ, что они понятія не имѣютъ о самой справедливости.

Ни евреи не лучше насъ, ни мы не лучше ихъ, а всѣ мы люди и, какъ таковые, должны быть равны передъ безстрастнымъ и нелицепріятнымъ закономъ, опредѣляющимъ наши, одинаковыя для всѣхъ, права и обязанности въ государствѣ и обществѣ. А добрые и злые, хорошіе и дурные, повторяю, есть вездѣ. Не больше и не меньше среди насъ, чѣмъ среди нихъ. Поэтому будемте стремиться къ осуществленію справедливости на землѣ и вѣрить въ конечное торжество правды, а остальное приложится: безъ такой вѣры жить тяжело...

Графъ Ив. Толстой.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ ВЪ РОССІИ И ЕВРЕИ

Долженъ ли быть всякій законъ справедливымъ, т.-е. нелицепріятнымъ и логичнымъ? Двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ, конечно, быть не можетъ. Должны ли одинаковые документы, выдаваемые законными представителями государственной власти, имѣть одинаковую силу, кому бы они ни выдавались? И на этотъ вопросъ можно отвѣтить только утвердительно. Такъ и у насъ, въ Россіи, отвѣчаютъ на поставленные вопросы, болѣе или менѣе послѣдовательно, пока... дѣло не коснется еврея.

Въ области народнаго образованія еврейскій мальчикъ встрѣчается съ первою, явною для него и для всякаго непредубѣжденнаго человѣка, несправедливостью при попыткѣ попасть въ гимназію или реальное училище: онъ можетъ получить на конкурсномъ экзаменѣ четыре съ половиною или даже «пятерку» въ среднемъ, и не попасть въ учебное заведеніе, тогда какъ его юные конкуренты, будь они христіанами любого исповѣданія, мусульманами, буддистами и тому подобное, поступятъ въ него, получивъ хотя бы «тройку».

Послѣ 7—8 лѣтъ добросовѣстныхъ, иногда даже непосильныхъ занятій, онъ получаетъ такой же аттестатъ, какъ его товарищи — не-евреи. И тутъ ему приходится встрѣтиться со второю несправедливостью: тогда какъ для его товарищей ихъ аттестаты даютъ неотъемлемое право поступить въ университетъ безъ экзамена, или въ спеціальное заведеніе по выдержаніи конкурснаго экзамена, для него, еврея, тотъ же аттестатъ является лотерейнымъ билетомъ, на который можетъ, при счастьѣ, упасть выигрышъ, въ видѣ поступленія его обладателя въ высшее учебное заведеніе. Выигрышъ этотъ зависитъ отчасти отъ числа его товарищей не-евреевъ, воспользовавшихся правами, даруемыми

имъ ихъ аттестатами, такъ какъ «процентная норма» даетъ возможность поступить въ учебное заведеніе тому или иному числу евреевъ въ прямой зависимости отъ числа юношей не-евреевъ, поступившихъ и обучающихся въ немъ. Не надо притомъ забывать, что цѣлый рядъ учебныхъ заведеній, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, совсѣмъ закрытъ для евреевъ, отвлекая многочисленный контингентъ окончившихъ среднія заведенія и тѣмъ уменьшая еще больше шансы евреевъ попасть въ высшую школу. Достаточно указать на военныя училища, которыя въ тяжелое, переживаемое нами, время естественно привлекутъ массу юношей, въ другое время поступившихъ бы въ университетъ или въ техническіе институты.

Не надо забывать, что при этой «скачкѣ съ препятствіями», къ которой приглашаются у насъ юные евреи, стремящіеся къ образованію, призомъ является весьма цѣнное право жительства внѣ опредѣленной черты, право, которымъ обладаютъ въ Россіи всѣ, кромѣ евреевъ, не получившихъ высшаго образованія.

При всей несправедливости общей конструкціи допущенія евреевъ къ образованію, до управленія министерствомъ Кассо существовало одно правило, смягчавшее, логически недопустимую, случайность въ дѣлѣ пріема евреевъ въ высшія учебныя заведенія: существовалъ конкурсъ еврейскихъ аттестатовъ, и еврей, окончившій гимназію съ медалью и ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченный, имѣлъ преимущество передъ своими товарищами-евреями, учившимися хуже его. Въ этомъ заключался хотя бы намекъ на справедливость по отношенію къ человѣку, приложившему личныя усилія въ дѣлѣ улучшенія своей участи.

Министръ-юристъ нашелъ нужнымъ замѣнить конкурсъ аттестатовъ жеребьевкою, лишивъ аттестатъ зрѣлости, выдаваемый еврею, остатка смысла его содержанія и подчеркнувъ его значеніе простого лотерейнаго билета.

Въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія и нѣкоторыхъ другихъ «скачка съ препятствіями» можетъ быть избѣгнута опредѣленнымъ способомъ: отреченіемъ отъ вѣры своихъ отцовъ, вѣроятно, признаваемой хуже всѣхъ другихъ вѣръ, такъ какъ умаленіе правъ за исповѣданіе какой-либо вѣры юридически мыслимо только въ случаѣ признанія этой вѣры зловредною или зловреднѣе другихъ вѣроисповѣданій, не влекущихъ за собою подобныхъ ограниченій.

Отрицательное отношеніе къ евреямъ за ихъ вѣроисповѣда-

ніе, отреченіе отъ котораго поощряется дарованіемъ правъ и устраненіемъ стѣсненій, между прочимъ, и въ области просвѣщенія, не является общепризнаннымъ въ Россіи принципомъ: въ военно-педагогическомъ вѣдомствѣ играетъ роль уже не вѣра, а происхожденіе. Не странно ли, что въ Военно-медицинскую академію не принимаются лица, относительно которыхъ есть подозрѣніе, что дѣдъ или бабка, а, можетъ-быть, и прабабка его (конечно, законные, такъ какъ о незаконной примѣси «проклятой» крови слѣдствіе произвести мудрено) исповѣдовали еврейскую вѣру? Не странно ли, что въ мирное время еврей не можетъ учиться медицинѣ въ Военно-медицинской академіи, а въ военное время, для котораго, главнымъ образомъ (хотя, конечно, не исключительно), должна бы готовить академія, въ отличіе отъ медицинскихъ факультетовъ, всѣ врачи-евреи призываются на военную службу, при чемъ число ихъ на фронтѣ, навѣрно, не менѣе числа бывшихъ питомцевъ академіи?

Знаютъ ли изобрѣтатели упомянутаго правила, сколько чисто семитической крови вообще течетъ въ жилахъ современныхъ евреевъ? Увѣренъ, что нѣтъ, и что они и не думали задавать себѣ этого вопроса...

Могло бы показаться, что нашихъ законодателей пугаетъ именно семитическая кровь, а что вѣроисповѣданіе является въ ихъ глазахъ только внѣшнимъ неопровержимымъ признакомъ присутствія этой крови. Но какъ тогда объяснить права, предоставляемыя караимамъ, считаемымъ, вѣдь, тоже чистыми семитами?

Нахожу ненужнымъ отвѣчать на эти вопросы, хотя отвѣтъ для меня ясенъ, и закончу свою статью указаніемъ на другой вопросъ, ближе касающійся ея основного содержанія.

Каково педагогическое значеніе ограниченія правъ евреевъ въ школѣ? Какой отголосокъ во впечатлительномъ умѣ мальчика или юноши должно имѣть ограниченіе въ правахъ товарища за то, что онъ — еврей? Вѣдь, ясно, что это ограниченіе должно быть признаваемо или нормальнымъ, или ненормальнымъ. Въ первомъ случаѣ это явленіе должно развивать антисемитизмъ, нетерпимость; во второмъ — убѣжденіе въ несправедливости государства. Желательно ли то или другое въ педагогическомъ отношеніи? Или правительство боится еврейскаго вліянія въ школѣ? Не есть ли это testimonium paupertatis, выданное русской школѣ, которая не сама вліяетъ, а боится вліянія учениковъ? Или школа отказывается отъ дѣла воспитанія? И

почему 10 проц. евреевъ вредны, а 5 проц.—безвредны? Затѣмъ, вѣдь, можетъ случиться, что въ одномъ классѣ одной школы евреевъ 10 проц., а въ другомъ — 2. Какъ тогда бороться съ вреднымъ вліяніемъ»? Съ какой стороны ни смотрѣть, ограниченіе правъ евреевъ въ школѣ, съ педагогической точки зрѣнія, въ лучшемъ случаѣ, никуда негодная, а въ худшемъ — вредная для всѣхъ вещь.

Въ Англіи, во Франціи, въ Италіи школа націонализируетъ своихъ евреевъ: то же, конечно, дѣлаетъ и русская щкола, и сдѣлаетъ это еще основательнѣе, когда евреи перестануть быть въ ней «изгоями». Россія теряетъ, въ лицѣ многихъ, непопавшихъ въ русскую школу евреевъ, полезныхъ слугъ и работниковъ на нивѣ своей національной культуры.

Гр. И. Толстой.

ЕВРЕЙКѢ.

Эти мысли горятъ... Онѣ жгутъ, какъ огнемъ,
И въ душѣ у меня пробудили
Затаенный на днѣ—я забыла о немъ!—
Скорбный плачъ неутѣшной Рахили.
— Въ каждой женской еврейской душѣ и въ глазахъ
Есть отличье одно вѣковое:
И въ душѣ той—дрожитъ о возлюбленныхъ страхъ,
И въ глазахъ тѣхъ—страданье живое.
Пусть Еврейка прекрасна, какъ утро весны,
И горда, какъ лилея Сарона:
Посмотри ей въ глаза, въ звѣздный мракъ глубины—
Тамъ вся мука безмолвнаго стона.
У красавицы юной,—у нищей съ клюкой,—
Тотъ же ужасъ глаза сохранили:
Отразился въ нихъ странной, нездѣшней тоской
Скорбный взглядъ неутѣшной Рахили.
Истерзали ихъ душу жестокой игрой
Злые ужасы долгихъ столѣтій:
Первый ужасъ—безправье; и голодъ—второй;
И убійцъ издѣвательства—третій!
Кровь невинныхъ дѣтей, стонъ поруганныхъ дѣвъ
Затаило нѣмое рыданье...

*
* *

И мнѣ хочется плакать, и, руки воздѣвъ,
Упрекать небеса за молчанье!...
— О, начнись же, начнись же, обѣщанный день,
Солнце радости—золотомъ брызни!...
Прогони эту вѣчную черную тѣнь,
И несчастный народъ поскорѣе одѣнь
Свѣтомъ новой свободы и жизни!

Т. Щепкина-Куперникъ.

ИЗЪ ПРОРОКА ИСАІИ.

I.

Поднимите знамя на холмахъ могильныхъ,
Голоса возвысьте, дайте знакъ рукой,
Чтобы шли въ ворота властелиновъ въ бой.
Я призвалъ къ отмщенію всѣхъ живыхъ и сильныхъ,
Да гремитъ имъ гнѣвъ Мой пламенной трубой.

*
* *

Шумъ на горахъ отъ мятежныхъ раскатовъ,
Шумъ возмущенныхъ народовъ: Господь
Войско ведетъ на своихъ супостатовъ.
Идутъ они отъ кровавыхъ закатовъ.
Землю во прахъ измолоть.

*
* *

Рыдайте, рыдайте, рыдайте!
Онъ близокъ день Господа силъ.
Рыдайте, рыдайте, рыдайте
Предъ бурею мстительныхъ крылъ.

*
* *

И чуя послѣднія муки
И гнѣвныя тучи чела,
У всѣхъ опускаются руки,
И ужасъ разитъ, какъ стрѣла.
Рыдайте, рыдайте, рыдайте!
Ихъ судорги корчатъ и рвутъ.
Рыдайте, рыдайте, рыдайте—
Свершается праведный судъ.

***

У нихъ, какъ рождающихъ въ страхѣ,
Мутится растерянный взоръ.
Другъ къ другу всѣ жмутся во прахѣ
И ищутъ другъ въ другѣ опоръ.
Что станется съ властной гордыней!
На что обрекаетъ ихъ грѣхъ!
Земля обернется пустыней,
И гнѣвъ Его рухнетъ на всѣхъ.
Небесъ безпредѣльныхъ свѣтила
Тускнѣютъ, какъ очи безъ сна,
И солнце восходитъ уныло,
И меркнетъ безъ блеска луна.

***

Я міръ накажу за пороки
И власти предѣлъ положу
За то, что вы были жестоки,
Надменныхъ владыкъ низложу.
Я правды хочу, чтобы плата
На свѣтлыхъ мужей возросла,
Чтобъ выше офирскаго злата
Цѣнились святыя дѣла.
И въ день громоноснаго гнѣва
Я небо десницей встряхну,
И землю разверзну, какъ чрево,
И въ гнѣвѣ ее поверну.

***

Тогда съ пробужденною жаждой,
Какъ лань, какъ во стадо овца,
Вернется къ землѣ своей каждый,
Туда, гдѣ родныя сердца.
А кто попадется, тѣмъ горе:
Всѣ жертвой падутъ отъ меча,
И будутъ ихъ жены въ позорѣ
И дѣти—въ рукахъ палача.

***

Какъ дикое море на сушѣ,
Какъ гнѣвный слѣпой ураганъ,
На нихъ за нечестье обрушу
Не падкихъ на злато мидянъ.
И гордость корыстныхъ халдеевъ,
И царствъ красоту—Вавилонъ
Низвергну я въ руки злодѣевъ
Съ добычей младенцевъ и женъ.
И вотъ, какъ Содомъ и Гоморра,
Падетъ нечестивыхъ оплотъ,
И станетъ онъ кучею сора,
И злака на немъ не взойдетъ.
Пастухъ аравитянинъ въ полѣ
Шатра не раскинетъ на немъ.
Лишь хищные звѣри на волѣ
Выть будутъ и ночью, и днемъ,
Да рыскать гіены въ обломкахъ,
Гдѣ знойно метался развратъ,
Да филины плакать въ потемкахъ
Надъ жизнью погибшей, какъ садъ.

II.

Пустыня и Земля сухая
Воспрянутъ, пробудясь отъ сна,
И возликуетъ вся страна,
Нарцисомъ пышно расцвѣтая.
Жизнь потечетъ, какъ Іорданъ,
И будетъ въ мірѣ крѣпнуть сила,
И славный превзойдетъ Ливанъ
Красу Сарона и Кармила.
И узрятъ вѣрные Творца
Величіе Бога на Престолѣ.

***

Такъ укрѣпите же сердца!
Такъ не дрожите же въ неволѣ!
Такъ ободрите-жъ робкій духъ!

Вашъ Богъ несетъ уже отомщенье.
Ушамъ оглохшимъ дастъ Онъ слухъ,
Очамъ ослѣпшимъ дастъ Онъ зрѣнье.
Хромой воспрянетъ, какъ олень,
Нѣмой возславитъ, какъ пророки,
Зане пробьются въ этотъ день
Въ пустыняхъ и степяхъ потоки.
И обратится призракъ водъ
Въ живое озеро, и скалы
Дадутъ обильный цвѣтъ и плодъ
Тамъ, гдѣ лишь прятались шакалы,
И путь откроется святой,
И все вокругъ да будетъ свято,
Не запятнается пятой,
Пятой нечистой супостата.
Путь станетъ избраннымъ открытъ,
На немъ дитя не заблудится,
И левъ тропы не проторитъ,
И не обидитъ хищникъ—птица.
Лишь возрожденные прійдутъ,
Возславятъ Господа—Сіона,
И радость выступитъ изъ лона,
И засіяетъ мирный трудъ.

19 Іюня 1915 года.

А. Ѳедоровъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА В. Г. КОРОЛЕНКО КЪ ВЛАДИМІРУ СОЛОВЬЕВУ.[1])

. . . .

Я всегда смотрѣлъ съ отвращеніемъ на безобразную травлю еврейства въ печати, травлю, идущую о-бокъ съ возрастаніемъ всякой пошлости и съ забвеніемъ лучшихъ началъ литературы. По разсказамъ моего отца, родъ нашъ происходитъ изъ Запорожья; и дѣдъ, и отецъ мой всю жизнь служили въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ и я выросъ и получилъ образованіе. Такимъ образомъ, мнѣ, можетъ-быть, лучше, чѣмъ многимъ другимъ, понятны чувства, питаемыя темной массой народа къ евреямъ. Если исторія оправдываетъ или, вѣрнѣе, объясняетъ пороки еврейства давнимъ угнетеніемъ и страданіемъ, то и у народа есть тоже такая же исторія страданій и угнетеній, въ которой еврей игралъ роль въ свою очередь. Это — двѣ стороны, борющіяся каждая своимъ оружіемъ во мракѣ безправія и племенныхъ предразсудковъ, а общія обѣимъ сторонамъ страданія — только раздували пламя ненависти. Но если, такимъ образомъ, болѣе или менѣе темную массу народа, поддающуюся страсти и слѣпо направляющую свои удары, можно только жалѣть, — для литературы, раздувающей эти страсти, не можетъ быть оправданія. Не можетъ быть оправданія для печати, которая забываетъ, что единственное вѣрное рѣшеніе всѣхъ самыхъ сложныхъ общественныхъ вопросовъ есть рѣшеніе справедливое, а то, что несправедливо, не можетъ быть рѣшеніемъ, а только путаницей. Даже завѣдомаго злодѣя нельзя наказать за проступокъ, въ которомъ онъ невиновенъ, въ томъ, въ чемъ не участвовала его воля. Ни одинъ человѣкъ, поэтому, не долженъ отвѣчать за то, что онъ родился отъ тѣхъ, а не другихъ родителей, никто не долженъ нести наказанія за свою вѣру, потому что вѣрность религіи, пока человѣкъ не убѣжденъ въ ея ошибочности, есть достоинство, а не порокъ. Это — аксіомы, ко-

---

[1]) Впервые было напечатано въ газетѣ „Новости", въ 1905 г.

торыя должны лежать въ основѣ рѣшенія еврейскаго вопроса. Да и самаго вопроса не должно существовать. Бороться нужно со зломъ, а не съ одеждой, въ которой оно ходитъ. Боритесь съ эксплоатаціей во всѣхъ ея видахъ. Если вѣрно, что евреевъ-эксплюаторовъ больше, чѣмъ христіанъ... что-жъ, значитъ, еврейство въ этой борьбѣ понесетъ больше урона, и это будетъ естественное послѣдствіе его пороковъ. Такимъ образомъ, даже и карающая справедливость будетъ удовлетворена. А теперь изъ-за этой борьбы съ «еврейской эксплоатаціей» слишкомъ ужъ ясно выглядываетъ эксплоатація россійская, распущенная и циничная...

Вл. Короленко.

ИСТИННО, ЭТО—КАРА БОЖЬЯ...

(Изъ Х. Н. Бялика).

И горшую кару пошлетъ Элоимъ:
Вы лгать изощритесь—предъ сердцемъ своимъ,

Ронять свои слезы въ чужія озера,
Низать ихъ на нити любого узора.

Въ кумиръ иновѣрца и мраморъ чужой
Вдохнете свой пламень съ душой живой.

Что плоть вашу ѣли,—еще-ль не довольно?
Вы духъ отдадите во снѣдь добровольно!

И, строя гордыни египетской градъ,
Въ кирпичъ превратите излюбленныхъ чадъ.

Когда-жъ изъ темницы возропщутъ ихъ души,
Крадясь подъ стѣнами, заткнете вы уши.

И, если бы въ родѣ былъ зачатъ орелъ,
Онъ, крылья расправивъ, гнѣзда-бъ не обрѣлъ:

Отъ дома далече-бъ онъ взмылъ къ поднебесью,
Не сталъ бы ширяться надъ вашею весью.

Прорѣзалъ бы тучу лучистой тропой,
Но лучъ не скользнулъ бы надъ весью слѣпой,

И откликъ нагорный на клекотъ орлиный
Разслышанъ бы не былъ могильной долиной.

Такъ, лучшихъ отринувъ потомковъ своихъ,
Вы будете сиры въ селеньяхъ глухихъ.

Краса не смѣется въ округѣ бездѣтной;
Повиснетъ лохмотьемъ шатеръ многоцвѣтный;

И свѣточи будутъ мерцать вамъ темно,
И милость Господня не стукнетъ въ окно.

Когда-жъ въ запустѣньѣ потщитесь молиться,
Слезамъ утѣшенья изъ глазъ не пролиться:

Изсохшее сердце, — какъ выжатый гроздъ,
Сметенный въ давильнѣ на грязный помостъ, —

Изъ сморщенныхъ ягодъ живительной дани
Не высосать жаждѣ палимой гортани.

Очагъ развалился; мяучитъ во мглѣ
Голодная кошка въ остылой золѣ:

Застлалось-ли небо завѣсою пепла?
Потухло-ли солнце? Душа-ли ослѣпла?

Лишь трупныя мухи ползутъ по стеклу,
Да ткетъ паутину Забвенье въ углу.

Въ трубѣ съ Нищетою Тоска завываетъ,
И вѣтеръ лачугу трясетъ и срываетъ.

Вячеславъ Ивановъ.

AL HA-SCHCHITAH.

(Изъ Х. Н. Бялика).

Для меня милосердій, о небо, потребуй!
Если Богъ есть въ тебѣ и къ Нему — путь по небу,
(Той стези не обрѣлъ я!)
Для меня милосердій потребуй.
Я сердцемъ — мертвецъ; отъ молитвъ отошелъ я,
Руки упали, надежды нѣтъ болѣ...
Доколѣ! доколѣ! доколѣ!
Вотъ горло — палачъ! Подымись! Бей съ размаха!
Какъ песъ, пусть умру! У тебя есть сѣкира,
А весь свѣтъ — наша плаха.
Мы слабы въ бореніяхъ міра...
Такъ бей! и да брызнетъ тебѣ на рубаху
Кровь младенцевъ и старцевъ, — красныя рѣки,
И пусть не сотрется — вовѣки! вовѣки!
Если есть справедливость, пусть тотчасъ воспрянетъ!
А, если небесная истина глянетъ,
Когда я исчезну, —
Да рушится тронъ ея въ бездну!
Пусть небо сгніетъ и въ проклятіи канетъ!
А вы, — вы, злодѣи! — ликуйте, идите,
И, кровью своей упиваясь, живите!
Проклятье, — кто местью за ужасы воздалъ!
За кровь, за младенца, — отмщеній
И дьяволъ не создалъ!
Да льется она на ступени
Преисподней, до бездны, гдѣ вѣчныя тѣни!
Пусть во мракѣ потокъ забушуетъ багровый
И да сроетъ подгнившаго міра основы!

Валерій Брюсовъ.

ПИСЬМА Л. Н. ТОЛСТОГО КЪ Ф. Б. ГЕЦУ.

I.

20 мая 1890 г.

Я прочелъ тогда же всѣ книги, которыя вы отдавали мнѣ, и прочелъ теперь ваше письмо. Во-первыхъ, вы приписываете моему (да и всякому) слову значеніе, котораго оно не имѣетъ и сотой доли, во-вторыхъ, вы невольно переносите воображеніемъ въ меня всю ту страстность желанія улучшенія матеріальнаго положенія евреевъ и возмущенія за переносимыя ими гоненія, которыя сами испытываете.

Я жалѣю о стѣсненіяхъ, которымъ подвергаются евреи, считаю ихъ не только несправедливыми и жестокими, но и безумными; но предметъ этотъ не занимаетъ (меня) исключительно, или предпочтительно передъ другими изъ моихъ чувствъ и мыслей. Есть много предметовъ болѣе волнующихъ меня, чѣмъ этотъ. И потому я бы не могъ ничего написать объ этомъ предметѣ такого, чтобы тронуло людей. Думаю я объ еврейскомъ вопросѣ то, въ чемъ еще больше подтвердило меня чтеніе вашихъ статей объ еврейской этикѣ, что нравственное ученіе евреевъ и практика ихъ жизни стоитъ, безъ сравненія, выше нравственнаго ученія и практики жизни нашего quasi-христіанскаго общества, признающаго изъ христіанскаго ученія только выдуманныя богословами теоріи покаянія и искупленія, освобождающія ихъ отъ всѣхъ нравственныхъ обязанностей, и что поэтому еврейство, держащееся нравственныхъ основъ, которыя оно исповѣдуетъ, во всемъ, что составляетъ цѣли стремленій нашего общества, беретъ верхъ надъ quasi-христіанскими людьми, неимѣющими никакихъ нравственныхъ основъ, и что отъ этого происходятъ зависть, ненависть и гоненія.

Поэтому я думаю тоже, что гоненія эти никакъ не прекратятся, какъ въ Америкѣ не прекратятся гоненія на лучшихъ, болѣе дешевыхъ и трудолюбивыхъ работниковъ, чѣмъ американцы, — китайцевъ. Американцы очень хорошо знаютъ, что, из-

гоняя китайцевъ, они отступаютъ отъ основныхъ принциповъ равенства и свободы, которые исповѣдуютъ, но дѣло касается ихъ шкуры, и они топчутъ ногами принципы, исповѣдуемые ими на словахъ. Точно такъ же у насъ, съ тою разницею, что у насъ даже и не профессируютъ принциповъ равенства и свободы, и потому и подъ ноги топтать нечего. Евреи, въ умѣніи достигать того, что составляетъ цѣль стремленія большинства, несомнѣнно превосходятъ quasi-христіанъ, и потому, насколько есть возможность, quasi-христіане всегда будутъ въ этомъ имъ препятствовать. Такъ и дѣлаютъ и будутъ дѣлать, и перестанутъ только тогда, когда усвоятъ истинныя христіанскія основы жизни, оставляющія далеко за собою архаическіе отжитки; еврейскія основы нравственности—тѣ самыя, во имя которыхъ и происходятъ теперешнія гоненія, какъ и сказано, что *нищіе города твоего имѣютъ первенство передъ нищими чужого города* и если *кто-нибудь готовъ убить тебя, то предупреди и убей его* и т. п. Очень, очень жалѣю, что моя болѣзнь сдѣлала вамъ столько хлопотъ и лишила меня случая познакомиться съ вами. Пожалуйста, не сердитесь на меня, если содержаніе моего письма не отвѣтитъ вашимъ ожиданіямъ, и постарайтесь перенестись въ меня, чтобы увидѣть, что я и не могу иначе относиться къ этому вопросу.

Пожалуйста, напишите мнѣ и скажите, что дѣлать съ тѣми книгами, которыя вы оставили у меня.

Я все еще слабъ и нездоровъ, но если бы вы нашли нужнымъ видѣться, то я могу принять васъ.

Полагаю, однако, что свиданіе наше не измѣнитъ отношенія моего къ занимающему васъ вопросу. Еще разъ прошу васъ вызвать въ себѣ добрыя ко мнѣ чувства; остаюсь съ уваженіемъ и желаніемъ вамъ успокоенія.

Л. Толстой.

II.

5 іюня 1890 г.

Благодарю васъ за присылку книгъ, я прочту ихъ.

Впрочемъ, въ предпослѣднемъ письмѣ вашемъ, писанномъ изъ Ясенковъ, вы вполнѣ отвѣтили, или скорѣе объяснили мнѣ мою ошибку о степени высоты требованій еврейской этики, указавъ на различіе того, что требуется отъ всѣхъ, и того идеала совершенства, который представляется тѣмъ, которые въ силахъ идти къ нему. Я составилъ мое мнѣніе тогда преиму-

щественно по вашей же книгѣ объ еврейской этикѣ и очень радъ былъ разубѣдиться въ этомъ. Радъ потому, что для меня равенство всѣхъ людей — аксіома, безъ которой я не могъ бы мыслить. То, что заложено въ сердцѣ одного человѣка, лежитъ и въ сознаніи всякаго другого, и то, что лежитъ въ сознаніи одного народа, то лежитъ и въ сознаніи всякаго другого. Смотрятъ только люди и народы съ разныхъ сторонъ. Высота же ихъ, или низость — уровень ихъ одинъ и тотъ же. И потому я теоретически признавалъ всегда то, что вся высота христіанскаго ученія доступна всякому народу, тѣмъ болѣе еврейскому изъ котораго оно вышло. Мѣшаетъ этому, я думаю, преимущественно та исключительность, та особенная миссія, которую приписываютъ себѣ евреи. Знать свою миссію народу, какъ человѣку свое призваніе, не только не нужно, но и вредно. Человѣкъ и народъ долженъ всѣми силами дѣлать то, что составляетъ его призваніе, а не опредѣлять его, такъ какъ опредѣлить его и нельзя до самой смерти. — Призваніе опредѣляется послѣ смерти. Послѣдніе часы, минуты могутъ придать смыслъ всей предшествующей дѣятельности или погубить ее, — и потому, пока живъ, ни на минуту не надо отвлекаться разсужденіями праздными о томъ, въ чемъ состоитъ моя миссія, — отъ исполненія ея; кромѣ того, разсужденія о миссіи еврейства, обособляя еврейство, дѣлаютъ его отталкивающимъ, для меня, по крайней мѣрѣ. Какъ противно, отвратительно англосаксонство, германство, славянство (въ особенности мнѣ славянство), такъ противно еврейство, какъ какое-то сознанное обособленное начало, возведшее его самозванно въ какую-то должность и чинъ.

Есть люди болѣе или менѣе разумные (и потому свободные) и добрые — и чѣмъ они разумнѣе и добрѣе, тѣмъ они тѣснѣе, органичнѣе сливаются другъ съ другомъ воедино, будь они германцы, англосаксонцы, евреи или славяне, тѣмъ они дороже другъ другу; чѣмъ они менѣе разумны и добры, тѣмъ болѣе они распадаются и становятся ненавистными другъ другу. И потому кажется, что и еврею, и германцу, и русскому больше нечего дѣлать и не къ чему иному стремиться какъ къ тому, чтобы быть какъ можно разумнѣе и добрѣе, забывая о своемъ славянствѣ или еврействѣ, что и давайте съ вами дѣлать.

Л. Толстой.

22 ноября 1890 г.

III.

Очень сожалѣю, любезный Файвель Бенцеловичъ, что запрещеніе помѣшало протесту *) быть напечатаннымъ. Можетъ-быть, онъ дождется лучшихъ временъ и въ то время еще разрастется подписями.

Очень вамъ благодаренъ за присланныя мнѣ книги; я прочелъ ихъ и много узналъ изъ нихъ. Мнѣ очень радостно было узнать изъ нихъ, что этическое ученіе евреевъ гораздо выше, чѣмъ то, которое я предполагалъ. Христіанское ученіе устанавливаетъ равенство и братство всѣхъ людей и потому предположеніе о томъ, что какіе-нибудь люди могутъ быть обижены въ самыхъ важныхъ людскихъ свойствахъ, въ сознаніи нравственнаго идеала, есть нехристіанское понятіе. И потому, чѣмъ выше понимаешь нравственное ученіе другихъ людей или народовъ, тѣмъ это радостнѣе для христіанина.

Очень вамъ благодаренъ за эти книги и теперь возвращаю ихъ.

Желаю вамъ всего хорошаго, а главное, освобожденія, или, скорѣе превозможенія сознанія обиды, которую терпитъ вашъ народъ. Это сознаніе должно быть очень мучительно и отравляетъ жизнь. Я думаю, что можно превозмочь это чувство — прощеніемъ и любовью къ врагамъ, и отъ всей души желаю вамъ этого.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

IV.

11 февраля 1891 г.

Файвель Бенцеловичъ!

Хотя я и не могъ успѣть отвѣтить вамъ до 5-го т. к., получилъ ваше письмо (заказное) 4-го, я и не нуждался въ этомъ, п. ч. вполнѣ предоставляю вамъ печатать мои письма, увѣренный въ томъ, что напечатаете ихъ, если не вполнѣ, то такъ, что пропущенное не измѣнитъ сущность мысли, какъ я хотѣлъ выразить. Благодарю васъ за присланныя книги. Я прочелъ въ нихъ то, что меня интересовало, и нашелъ въ нихъ много интереснаго. Желаю успѣха вашему изданію въ смыслѣ воздѣйствія

*) Рѣчь идетъ о протестѣ противъ антисемитскаго движенія въ печати, составленномъ В. С. Соловьевымъ въ маѣ 1890 г., который Л. Н. Толстой подписалъ первымъ.

на умы и души людей въ духѣ умиротворенія и единенія. Если увидите Соловьева, передайте ему мой привѣтъ и извиненія, что не отвѣчаю ему.

Желаю вамъ всего лучшаго.

Левъ Толстой.

V.

Любезный и уважаемый г-нъ Гецъ.

1 іюня 1894 г.

Очень радъ случаю, напомнившему мнѣ мою обязанность сердечно благодарить васъ за ваше любезное содѣйствіе мнѣ по переводу письма о Г. Джоржѣ.

Очень бы желалъ быть вамъ чѣмъ-нибудь полезнымъ и потому очень радъ тому, что письма мои могутъ вамъ пригодиться. Печатайте ихъ гдѣ и какъ хотите. Жалѣю только о томъ, что не могу болѣе сильно и внушительно выразить мое отвращеніе къ пріемамъ, употребляемымъ русскимъ правительствомъ по отношенію къ евреямъ, и мое недоумѣвающее удивленіе передъ той глупостью и нецѣлесообразностью этихъ пріемовъ, отставшихъ на нѣсколько вѣковъ отъ своего времени.

Съ совершеннымъ уваженіемъ

Левъ Толстой.

ДА ИСПОЛНЯТСЯ СРОКИ.

(Изъ Х. Н. Бялика).

— Почто, о Боже, столько лѣтъ
Ты мучишь насъ въ пустынѣ знойной?
Гдѣ правый путь? Гдѣ отчій слѣдъ
Къ странѣ родимой и спокойной?

— Мужайтесь, вѣрные! Впередъ!
Я далъ вамъ горькій листъ оливы,
Но слаще будетъ онъ, чѣмъ медъ
Отъ тѣхъ, чьи руки нечестивы.

Прямые коротки пути:
Потребна скорбь, потребно время,
Чтобы могло произрасти
На ниву брошенное сѣмя.

Ив. Бунинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 074284552